

9
1970

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

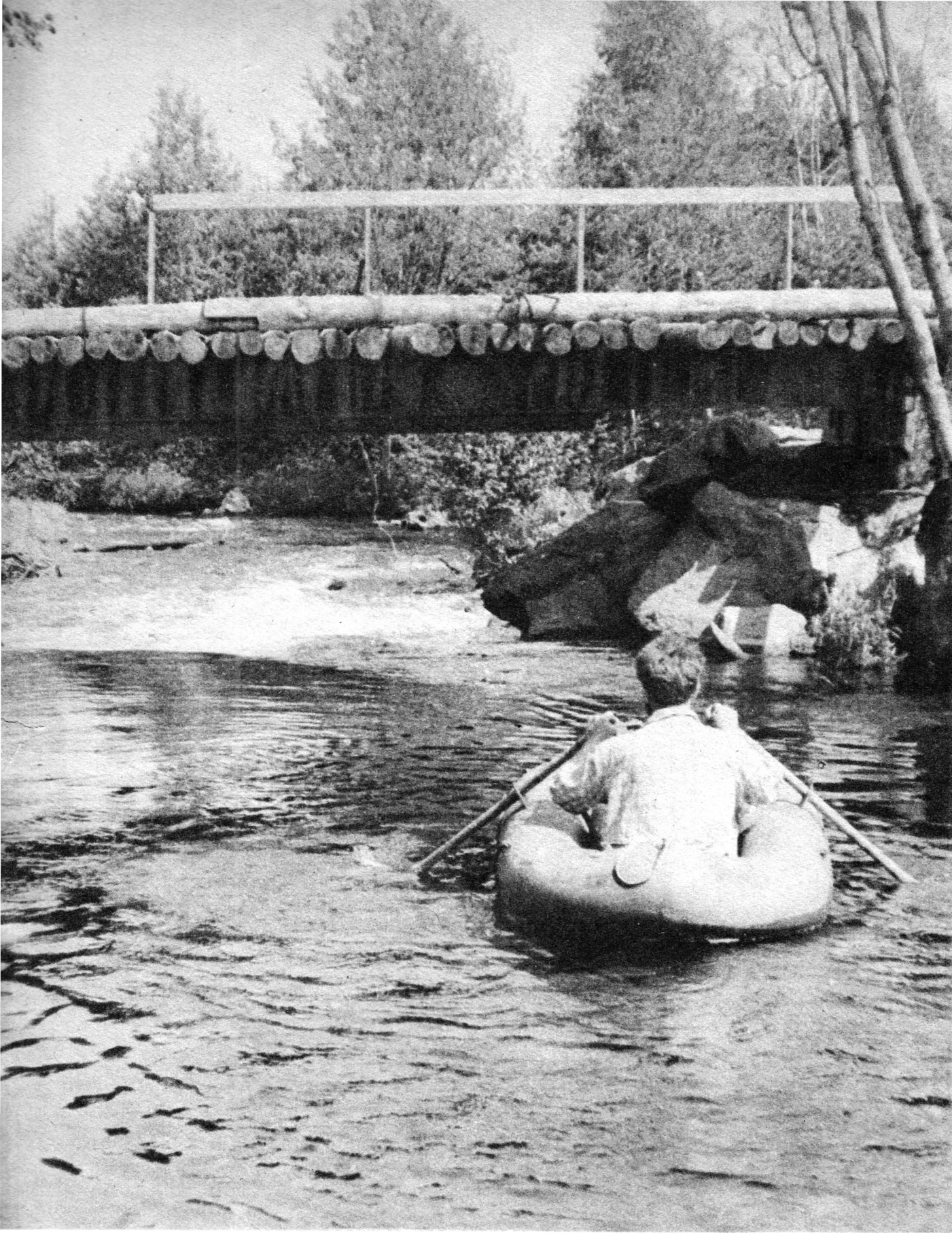

Фото Б. Деркача

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания тринадцатый

В Н О М Е Р Е

В. Зорин «МАТРОССКИЙ» ОТСЕК. КРУТЫЕ БЕРЕГА. Рассказы.	2
И. Вул ЗДЕСЬ БЫЛ РАНЕН ОСТРОВСКИЙ	12
В. Сорокин СТИХИ	14
А. Волосатов «МАИОР» ТОЛЯ КОЧЕТКОВ	16
В. Жук ЕГО СТОИТ ВСПОМНИТЬ	17
И. Семенчик ДОРОГА К НЕБУ. Очерк.	22
А. Граевский РЕЧНОЙ ДВОРНИК	28
Н. Макарова ИЮЛЬ ВИСОКОСНОГО ГОДА. Повесть.	30
П. Норов СОКРОВИЩЕ «ЧЕРНОГО ПРИНЦА». Рассказ	45
А. Мазунин КНИЖНЫЕ СУДЬБЫ	62
П. Казанцев СТРОКИ, НЕ СТЕРТЫЕ ВРЕМЕНЕМ	63
А. Марков АТАМАН МЕТЕЛКА. Очерк.	65
М. Керченко ПЧЕЛЫ И ЛЮДИ	72
В. Житников ОПАЛИХА, ЛЫЧАГА И ДРУГИЕ.	74
Б. Коробейников БАБОШКА	76
В. Игнатов КАК СПЛЕСТИ ЛАПТИ	79

Обложка В. Воловича и С. Киприна

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П О Л Ы М

9
1970

„Матросский” отсек

Семеро пареньков в бушлатах, почти подростков, молча смотрели с берега, как пыхтящий, похожий на тругягу-клячу буксир медленно выводил на середину бухты ржаво-серую посудину. Буксировка велась «лагом», борт к борту, и потому, когда ветер и волна разворачивали посудину, казалось, что высокая черная труба и тонкая мачта принадлежат этому неуклюжему сооружению — барже с квадратной кормой и плоским, срезанным наискось носом.

— Пять баллов, точно, — сказал один из пареньков, долговязый и скуластый, прижимая к щекам поднятый воротник бушлата. Низкие тучи ползли клубящейся массой, сыпали то холодным дождем, то мокрым снегом. И текли, текли куда-то за конус горы Митридат, к бурым степям, к другим городам. Ветер нес от широкого мола тошноватый запах гниющей хамсы и водорослей. Керчь — с зеленой водой пролива, с заборами из желтого ракушечника, с развалинами, с дымками над уцелевшими в войну крышами, с тральщиками у Генуэзского мола и вспышками электросварки в доке — словно вживалась в зиму.

2 Буксир выпустил султанчик пара, и ветер тотчас принес сиплый возглас гуд-

ка. Было видно, как на буксире отдали швартовы, — подчиняясь инерции, ржаво-серая баржа пошла к берегу. На ее носу размахивал концом парень в ватнике.

Косо срезанный нос, отдаленно напоминающий танк, весь в потеках сурика и царапинах, наплывал на каменистую отмель тяжело и даже величественно.

— Ну, вот и все, салаги! — насмешливо пропел второй из семерых, белобрысый и худенький. — Вот мы и дома...

Белобрысым и худеньким был я — один из выпускников Батумской школы юнг, прибывших в распоряжение Керченского порта. Не то заспанный, не то смертельно усталый мичман дал нам в прокуренной диспетчерской направление и похлопал старшего — Вальку Мазурова — по плечу. Валька кисло улыбнулся.

Для радости причин не было: нам предстояло отремонтировать поднятую со дна пролива немецкую самоходную баржу. Кое-как залатанная, но с трюмами, полными ила, она числилась уже как плавсредство, предназначенное в будущем для перевозки горючего и всяких запасных частей для тральщиков.

Баржа ткнулась в пологий берег. Швартовые тросы опутали вбитые в землю рельсы, натянулись. Хлопнула, зашелесте-

ла по ракушечнику доска с набитыми на нее поперечными планками — сходня. И мы цепочкой потянулись наверх, на палубу.

— Привет, скитальцы морей, альбатросы! — сказал, встречая нас, рябой вольнонаемный матрос. — Махорки не найдется?

Когда мы спустились в низкий и темный кубрик, Валька Мазур потянул носом.

— Гм, белый бриг с персидскими коврами...

В кубрике стоял густой чад от солярки, которой двое пожилых крепышей кормили чугунную тумбообразную печку. На столе ползали по черному селедочному хребту тараканы.

Трудна и неприятна работа на судне, стоящем в капитальном ремонте. А если на этом судне все словно пропитано запахом чуждым, запахом смерти, то жить и работать на нем — тоскливое отбывание повинности. Ведь мечталось о далеких рейсах, пусть не заграничных, но хоть вдоль Крыма, что ли... Мечталось о серых стремительных силуэтах, о белой пене из-под форштевня, о кубрике, где мягко вибрирующие переборки дышат уютным теплом.

Здесь, на барже, мы работали с рассвета до темноты, в липкой, насыщенной отработанным маслом и ржавчиной грязи, жили в холодном, с наледью на переборках, кубрике. Вечером, при свете тусклой, от аккумулятора, лампочки скудно ужинали, писали письма, иногда играли в «козла». А затем заваливались спать, набросав поверх одеяла все, что могло согреть.

Дни шли за днями, серые, похожие один на другой ветром, насвистывающим в щелях надстройки, стылым железом и разговорами о еде. После ужина в кубрик обычно ненадолго спускался старший механик — болезненного вида, всегда небритый мужчина. Он отсыпал тем, кто просил, махорки из зеленого кисета, стучал корявыми пальцами по краю стола, кашлял. Потом говорил, как бы вскользь:

— Хорошо бы с утра перебрать редуктор...

И мы понимали, что ему жаль нас, жаль наших рук, которые будут возиться в ледяном масле, покрываться синяками и царапинами, так долго и так плохо заживающими. Может быть, мы казались

старшему механику такими же мальчишками, как его сын — худосочный подросток, ежедневно приходивший к обеду с солдатским котелком. Понимали мы и то, что завтра с утра обязательно будем возиться с этим проклятым редуктором, а послезавтра — с другим, с трубопроводами и так далее.

Как-то утром, умываясь колючей забортной водой, Валька Мазур обернул ко мне мокрое, серое лицо. Губы у него были, как две бесцветные тонкие полоски.

— Рвать надо отсюда.

— Куда?

— В Одессу, Севастополь... Все равно! Загнемся мы на этом лапте!

— После школы — три года...

— Пускай найдут!

Я посмотрел на Валькино ожесточенное лицо — нет, похоже, он не шутил. Умывшись, мы по одному спустились в кубрик, где нас ждали пайки кукурузного хлеба и соленая хамса. Валька спускался впереди меня, и я видел его худую шею с глубокой ложбинкой.

Что ж, Мазур запросто мог наладить лыжи куда-нибудь. Станным и противоречивым человеком был этот семнадцатилетний парень. В Ленинграде жил его отец, крупный специалист по каким-то болезням. Никто так толком и не узнал, почему Валька сбежал от отца, почему целый год болтался по стране то с беспризорными, то в одиночку. Был он и воспитанником в какой-то воинской части, жил недолго в детдоме. В Батуми, в школу юнг, он явился в тщательно отутюженных брюках и шелковой рубашке, но босиком. Валька Мазур мог рассуждать о музыке и живописи, временами же преобразался и начинал говорить на рафинированном блатном жаргоне.

Надо сказать, что море и все, что связано с ним, стало для Вальки как бы религией: он растворился в романтике тельняшек и ленточек, стихов капитана Лухманова и крюйс-пеленгов, флажного семафора, медных блях, песен про «юнг Билла» и погибшие эсминцы... Он даже по вспомогательным механизмам ухитрился получить пятерку.

Что ж, наша трофейная баржа никак не напоминала ни белокрылый корвет, ни даже заурядный транспорт-водолей. Не повезло Вальке, что и говорить!

Несколько дней спустя, в обеденный перерыв, мы увидели в кубрике белокурую девушку. Она сидела возле стола,

положив перед собой маленький блокнот. Мы тут же оценили пальтишко, ловко перешитое из матросской шинели, зеленые глаза и простенькое, но миловидное личико. Пожалуй, она была нашей ровесницей или чуть старше.

— Королева Атлантики! Салют в двадцать один залп! — завел свою песню Валька и шутовски раскланялся.

Мы заржали, девушка покраснела. И тогда в мгновенную паузу вплелся нудноватый басок рябого Коротченко:

— Это, ребя, до вас комсорг пришла... Она библиотечаршей в порту, ну, и по этой, значит, линии... Значит, Люба.

— Ты, рашпиль, — только и нашелся что сказать растерявшийся Валька.

Мы уселись возле стола, и Люба достала остро отточенный карандаш. Неиз-

вестно, зачем он был ей нужен, — писать она так и не собралась. Но это потом. А сейчас она обвела нас внимательным и довольно строгим взглядом.

— Вот что, мальчишки...

— Мы не мальчишки, — отпарировал Сенька Гладков.

Мы хихикнули. Но, видимо, на этот раз сбить Любу с толку нам не удалось. Она только шевельнула бровью.

— Я хочу сказать, — товарищи. Есть мнение провести силами молодежи концерт. То есть, я хочу спросить, кто из вас поет или играет на гитаре? А может, танцует?

Мы несколько ошалели. Люба постукала карандашом по блокноту.

— Ну, смелее! Смелее! Признавайтесь, у кого талант?

И тогда Валька Мазур выставил вперед ладони, черные от вьевшегося в них перегоревшего масла, окалины, грязи.

— Вот! Видела?

— Не понимаю,— забеспокоилась девушка и даже отодвинулась от стола.

Кто-то из нас вполголоса выругался. Валька взбеленился.

— Не понимаешь? А по уши в холодном мазуте сидеть — понимаешь? А примерзшее одеяло от переборки отирать — понимаешь? Гитара...

— А вы не кричите! — побледнев, Люба встала.— Называется комсомолец.

— А я и не комсомолец! — отрезал Валька.

Мы молчали. Мы были комсомольцами, но мы поддерживали Валькин взрыв. Нелепо и дико толковать о каких-то концертах в такое время. Вот, может, когда отменят карточки, тогда — пожалуйста! Ведь ходят же слухи, что все-таки отменят их скоро.

— Я была о вас лучшего мнения,— стараясь казаться гордой, выдавила Люба.

Мазур повел плечом.

— Ну, и до свидания!

— Будет вам за такое,— буркнул рябой Коротченко.

Валька швырнул на стол кастрюлю с кашей.

— Я говорю, что я не комсомолец! И точка!

И снова потекли дни, похожие друг на друга. Отсек машинного отделения был очищен и покрашен веселеньким цинковым суриком, все вспомогательные механизмы были перебраны. Теперь заводская бригада заканчивала укладку валов трех главных двигателей.

Потом мы очистили от ржавчины трюм. И принялись за отсеки-коффердамы. Их было на барже штук сорок, этих железных водонепроницаемых ящиков. И каждый приходилось дочиста обрабатывать рожкеткой, потом стальной щеткой, потом покрывать переборки кузбаслаком. Мы лазали, как акробаты, сквозь горловины, соединяющие отсеки между собой, задыхались от запаха этой черной и липкой, как смола, краски... Но работа двигалась, похоже было, что к весне мы сможем выйти в море на ходовые испытания. А там начнется траление Азовского моря, начнутся рейсы.

Что-то непонятное происходило с Валькой Мазуром, неладное что-то. Он стал

молчаливым и даже перестал говорить о том, что «пора отсюда рвать когти в Одессу». И даже как-то наш старший механик удивленно поскреб в затылке.

— Чего-то ты, Мазур, шибко старательным стал. Ловчишь?

— Работаю,— просто ответил Валька. И это тоже было как-то непривычно слышать — спокойный, даже какой-то солидный, что ли, ответ.

Вечером того же дня Валька подошел ко мне.

— Дело есть.

— Хохма?

— Нет. Свистни остальных... Ну, всех.

— Сам и свистни.

Вид у Вальки был мрачноватый. Похоже было, что его мучительно тревожит какая-то настойчивая мысль. Я коснулся его локтя.

— Слышь, Мазур.

— Ладно,— отмахнулся он.— Точно. Только так. Кэп на борту?

— Вроде, да.

А немного спустя весь небольшой экипаж нашей баржи был потрясен неожиданным известием: в носовом отсеке обнаружены останки советского моряка. Четыре дня назад их обнаружил Валька Мазур.

С лампочкой-переноской мы по одному, по двое лазали в тесный отсек. Желтый кругляшок света скользил по металлу и вдруг выхватывал из тьмы горсточку белых костей, череп, ремень с зеленой, изуродованной наростами бляхой, несколько ветхих тряпиц... Как советский моряк попал на немецкое судно? Какая трагедия произошла на борту этой баржи?

— Почему сразу не доложил? — спросил капитан.

Валька опустил голову.

— Растерялся.

Приезжали к нам морские офицеры, приходил какой-то старший лейтенант в армейской форме. Останки моряка были извлечены из отсека и увезены.

— Вероятно, это был один из защитников Керчи, — пояснил нам молодой и бравый капитан первого ранга.— Немцы подобрали его в проливе, бросили в отсек... А потом в баржу угодила наша бомба. Война, брат, все случается. Жаль, никаких документов нет.

Несколько вечеров мы обсуждали случившееся, высказывали самые различные предположения о судьбе таинственного

морьяка, спорили. Во время таких споров Валька Мазур обычно молчал, а если к нему лезли с вопросами, отделялся односложными ответами.

А потом все забылось. Сборка двигателей была закончена, их начинали испытывать. Шла покраска корпуса, ремонтировался кубрик. Все забылось. И только отсек в носовой части так теперь и называли «матросским».

Пришла весна с теплыми пыльными ветрами, с тактаканьем движков на промысловых ботах, с первыми, еще робкими листочками на чахлах акациях. Наша баржа прошла испытания на «мерную милю», сдала ходовые. И вскоре начались рейсы.

Мы возили солярку и сердечники для тралов — тяжеленные штуковины, похожие на плоские катушки с кабелем. Стояли в Ейске и Жданове, доставляли траль-

цам пресную воду. В Геническе бухта была забита полузатопленными баржами, близнецами нашей. Здесь их в войну накрыла наша авиация. На геническом рынке торговали вязками сушеных маленьких камбал-гросиков, терпким вином и махоркой. Мы бродили по шуршащим ракушечным тропкам, а вечерами смотрели кино прямо на берегу — трескущий проектор бросал дымящийся луч на натянутую простыню...

Ночью нас подняли по тревоге — на траверзе Арабатской стрелки подорвался на mine пароход «Ахиллеон». Мы были самым близким транспортным судном. Непокойное море катило валы мертвой зыби. Над нами висела черная мгла — в небе не мерцало ни звездочки. На гибнущем «Ахиллеоне» нас ждали артисты гастрольного драматического театра.

Старенький пароход здорово осел на корму и на борт, приняв, видимо, не меньше тысячи тонн воды. Струя пара из его трубы в свете нашего прожектора казалась беззвучным криком о помощи.

Спасательными работами распоряжался сам капитан. Он был хмур и расторопен. Болтанка не давала нам подойти к судну, отбрасывала, но все-таки мы подошли, и вот уже к нам на борт начали перебираться вымокшие до нитки, испуганные люди. Мы завели буксирный трос. Он весь в изломах, но другого нет.

А на палубе у нас выростал сказочный городок: вымокшие декоративные деревья, башни, балконы, стены с резными окнами. Девушка с певучим профилем вздрагивала под чьим-то бушлатом, блестела глазами.

Дорогу гвардейцам гасконским!

Мы — дети одной стороны...

— Это что? — спросил я.

Она улыбнулась.

— Сирано де Бержерак. Веселый и смелый поэт...

Буксирный трос не выдержал, лопнул. Нас начало относить от «Ахиллеона». Капитан крыл всех святых. Валька Мазур подошел к понурому боцману парохода, который добрался до нас сам, вплавь.

— Чего тебе? — спросил боцман.

— У вас есть трос?

— В подшкиперской есть. До него теперь не добраться...

— Я доберусь.

— Очумел?

— Я сказал... — Валька потянул через голову замасленную фланельку.

— Я запрещаю тебе, Мазур,— сказал капитан.

— Я комсомолец.

В иное время такое утверждение, пожалуй, вызвало бы у нас улыбку. Тем более, что Валька и не комсомолец вовсе. Но сейчас эта короткая фраза прозвучала, как клятва.

Винты взбили воду, толкнули баржу вплотную к тонущему «Ахиллеону». Валька ловко перепрыгнул через планшир, побежал по наклонной палубе. В прожекторном луче было видно, как он на миг остановился, а потом нырнул в черную воду.

— Трос с самого края,— пробормотал ахиллеоновский боцман.

Я невольно вцепился в поручни — «Ахиллеон» вздрогнул, накренился еще сильнее и начал медленно проваливаться в воду, в черноту, в ночь. Было слышно, как ломаются от сжатого воздуха переборки, как шипят и фыркают водяные фонтаны из трюмов и кают...

Мы не спасли «Ахиллеона». Да и Вальку удалось вытащить просто чудом. И эта ночь внесла в нашу жизнь какой-то перелом, что-то изменила в каждом из нас. Повзрослели мы, что ли...

— Ты сказал, что комсомолец,— сел я рядом с Валькой, когда спусти несколь-

ко дней баржа, рокоча моторами, тащилась мимо таманского берега.

— Ну, и что? — Валька как-то свысока посмотрел на меня.

— Значит, стрепнул, да?

— Да нет...

Валька порылся за пазухой и протянул мне раскрытую ладонь. На ней лежала темная книжечка. Ощувив непонятное волнение, я взял книжечку и раскрыл. Это был комсомольский билет, выданный Сергею Дмитриевичу Мазурову в тридцать седьмом году. На меня смотрело почти неразличимое лицо с высоким лбом, с треугольником тельняшки. Странички были ломкие на ощупь...

— Пстой... Это что, брат?

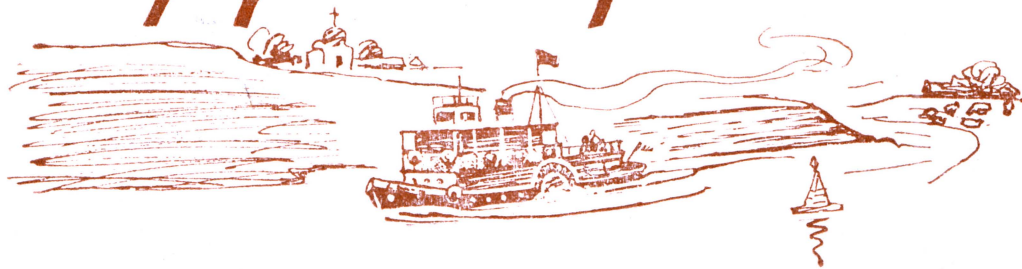
— Однофамилец. Ему тогда было столько, сколько нам сейчас. В портсигаре билет был, сохранился. Я сам написал в райком... Ответят же...

— Ага, тогда и сдашь, значит!

— Сдам? — Валька посмотрел на меня удивленно.— Я это мог и тогда сделать. Не-е... Выплачу задолженность за него... Ты видел? С октября. А в октябре здесь такое было... Объясню, поймут...

— Поймут,— подтвердил я. И поймал себя на том, что никогда еще не чувствовал в себе такой спокойной уверенности.

Крутые берега

«Св. Николай» еще минуту или две шлепал плицами колес, медленно разворачиваясь против течения. Потом на его палубе горохом рассыпались удары заскорузлых матросских пяток, прозвучал повелительный тенорок Ивана Панкратыча, капитана, в сущно-

сти — добрейшего человека, неуловимо похожего на сельского учителя. И вслед за этим плюхнулся в воду и загремел цепью якорь. «Св. Николай» еще раз плавно качнулся и замер. Глухо чавкнув, умолкла в его чреве машина. За неширокой зеленовато-желтой полосой плеса

вставала Астрахань. Бревенчатые стены рыбных лабазов, белая с желтоватым отливом стена кремля, луковки церквей и сплошное мельтешение толпы, в серо-черной путанице которой отчетливо выделялись полосатые халаты и барашковые шапки инородцев.

— Ой ты, Волга-матушка широка!..— вывел на палубе молодой, полный разудалого озорства голос и тут же оборвался, словно поперхнувшись.

— Ай очумел, дьявол здоровой?

— Не шебурши, сказано! Потому господин ученый того не уважает. Осмыслил?

— А-а, чтоб тебя!..

Академик Бэр усмехнулся, услышав этот диалог, поморщился, откинулся в мягком кресле и аккуратно положил перо рядом с исписанным, исчерканным листком бумаги. Такие же листки возвышались справа пухлой стопкой. Повсюду скользили солнечные блики, день обещал быть не по-осеннему жарким и душным.

И отовсюду пробивались, настойчиво лезли запахи большой и щедрой реки — ароматы пеньки и рыбы, керосина и арбузной томительной сладости. От всего этого наплывало ощущение сытой усталости, словно только что на горячем берегу прикончена густая наваристая уха, и теперь только лежать, глядя на сонные облака, да курить, отгоняя дымком настырное комарье.

«Н-да, умеют кейфовать астраханские помещики!» — с улыбкой подумал академик, вспоминая, как пестрели дамские платья в колонном зале дворянского собрания, как пенилась шипучка, а потом ночь мигала огоньками бакенов, и масляногубый отставной ротмистр Усольский прищелкивал короткими пальцами:

— А ежели, ваше превосходительство, тройную, так супротив любого райского кушанья не поставлю! Осмелюсь заметить, стерлядь — она, ну, все одно как герцогиня! Да-с!

— Бог знает, какая ерунда в голову лезет! — досадливо пробормотал академик, беря в пальцы перо и разглядывая его двуусый кончик. Поездка по Волге подошла к завершению, и нужно уже настоящему делать выводы, которых от него, знаменитого ученого, ждет Россия, да, пожалуй, и не только Россия...

Слова привычно складывались во фразы, фразы текли одна за другой в строгой логической последовательности, и приятно было сознавать, что рождаются

они легко, спокойно и величаво, совсем как стремление вот этой великой реки в море. Слегка огорчало лишь то, что записывать все это приходится по-немецки.

«...Стремление рек более к правой стороне поразительно только при реках или протоках их, имеющих течение или на север, или на юг, но не при реках, имеющих прямое направление с востока к западу или, наоборот, с запада к востоку, как, например, Нева.

Земля, как известно, обращается вокруг своей оси по направлению от запада к востоку. Очевидно, что каждое место земной поверхности тем скорее должно обращаться, чем оно ближе к экватору, потому, что каждое место под экватором должно совершать в сутки путешествие в 5400 миль. Место под 60 градусом широты обращается в половину меньше, а место под полюсом остается при этом почти неподвижным. Поэтому и каждое тело на земле имеет ту же скорость движения, как место, на котором оно находится...»

В дверь постучали. Осторожно, но словно бы с достоинством. Академик с интересом обернулся.

— Прошу.

Метнулись от полированного, окованного начищенной медью дерева солнечные блики, вспыхнули и заиграли на позолоченных пуговицах кителя. Капитан «Св. Николая» с вежливой улыбкой склонил густо выбеленную седinouю голову.

— Осмелюсь побеспокоить вас, господин фон Бэр, но если память мне не изменяет, вы намерены были сойти на берег. Гичка спущена.

— Спасибо, Иван Панкратыч, — с заметным акцентом отозвался Бэр и, поднявшись, с видимым удовольствием сделал несколько шагов по каюте. — Прекрасное путешествие, прекрасная погода! Не так ли?

— Рад, что наше плаванье доставило вам удовольствие. Смею надеяться, что скромные труды команды нашего «Николая» способствовали работе вашей на благо науки российской?

— Несомненно-с! И отныне, полагаю, тайна различного очертания берегов у рек русских, в зависимости от направления течения, не является тайной! Нынче мы все, так сказать, участники успешного опыта!

Капитан серьезно и прямо смотрел на академика, и фон Бэр мысленно еще раз

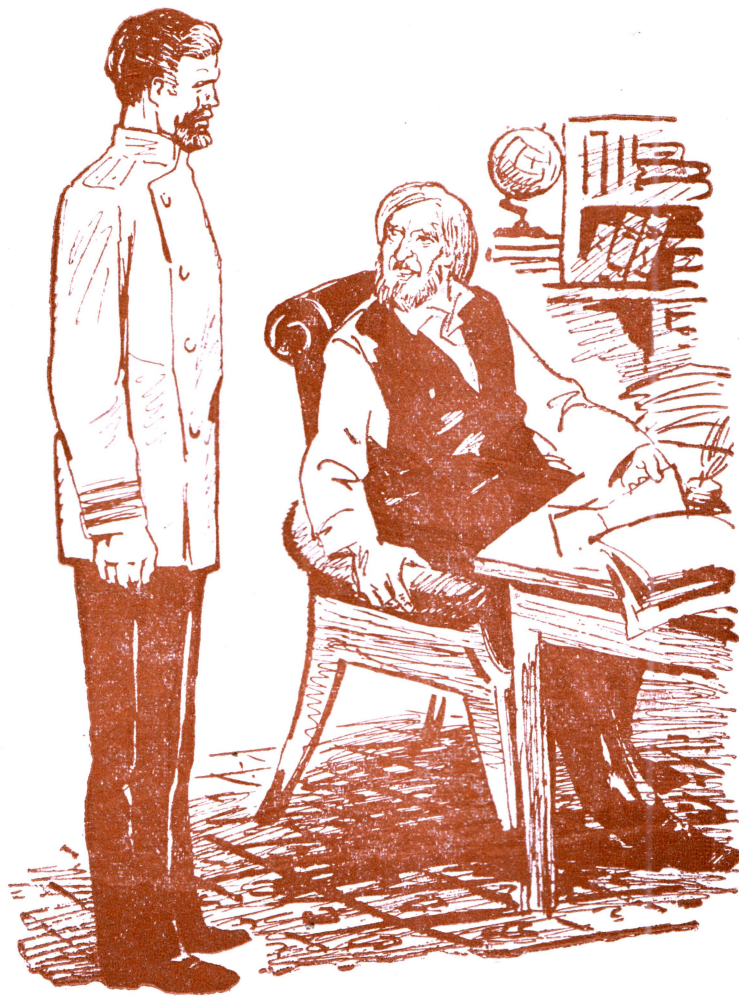
констатировал с удовлетворением, что ему симпатичен этот человек, в котором облик сельского учителя так удачно сочетается с утонченной корректностью морского, да, именно морского офицера. За недели плавания они не раз встречались, не раз беседовали, и академик всегда внутренне поражался начитанности, точности суждений капитана. Вот и сейчас было похоже, что полуофициальное начало разговора сулит интересное продолжение.

— Мне будет позволено узнать выражение расшифровки этой, как вы только что сказали, тайны?

Капитан теперь почтительно улыбался, и академик на миг пожалел, что все разговоры их в течение плавания касались чего угодно, но только не цели поездки Бэра по Волге. Иван Панкратьич был удивительно деликатен и никогда не пытался выйти за те рамки, в какие был поставлен как капитан этого суденышка, но только как капитан. А Бэр считал, что сам факт этих бесед полностью исчерпывает его обязанности светского пассажира, наконец, просто гостя, и совсем не обязательно, чтобы радушный хозяин интересовался умозаключениями, равно никакого отношения к его заботам и кругу дел не имеющими.

— Извольте, — чуть сухомерно ответил академик и с недоумением поймал себя на этой сухости. Неужели его сколь-нибудь раздосадовал вопрос капитана? Нет, конечно, нет.

— Извольте. Итак, в нашей северной гемисфере вода во всех реках, не остающихся в параллельном кругообращении, стремится к правому берегу. Не может

быть случайно, чтобы все большие реки России, текущие к югу, имели высокий обрывистый берег на западе, а все текущие к северу — на востоке... Простите, я излагаю суть дела...

— Как для человека, не весьма осведомленного? — спросил капитан. Бэр чутьточку смущенно кивнул, и оба они рассмеялись.

— Вы очень чувствительны, — сказал академик, и капитан немного шутливо пожал плечами, словно извинялся.

— Что делать, это тоже входит в мои обязанности, вероятно. Но, видите ли, право, и не знаю, как сказать... Тайна эта, в сущности, давно не тайна.

— Простите...

— Нет-нет, я прошу понять меня правильно. Ваша формулировка, как академическое завершение исследования, бесспорно блестяща... Скажите, имя Петра

Андреевича Словцова вам ничего не говорит?

— А оно имеет отношение к этому? — Бэр протянул руку по направлению к стопке исписанной бумаги и невольно тут же подумал, что жегт этот не нужен. — Как известно, этого вопроса касались Гильденштедт, Паллас, Мурчисон, Вангенгейм фон Квален. Нет, имя Словцова...

Бэр произнес эту фамилию на немецкий лад и почувствовал, что это прозвучало как-то странно. Ну да, конечно, ведь фамилия сугубо славянская. Жаль, похоже, что он чем-то обидел славного капитана, но, видит бог, совсем не хотел этого.

— Петр Андреевич мой дальний родственник по материнской линии. Да, вот так. И если вы располагаете десятью минутами...

— Полно, любезный Иван Панкратыч. Ваши слова... Они всерьез меня заинтересовали, ваши слова, заявление, если хотите...

— Ну, уж и заявление.

— И так?

— И так...

Тряский возок, подпрыгивая на укатанных сугробах, удалялся в беспредельную белизну снежного поля. Давно остались позади туманные улицы и шпили морозного Петербурга, горбатые мосты и полосатые будки застав. Весело стучали копыта, покрикивал и щелкал кнутом ямщик. Внутри возка воняло овчиной и едкой махоркой. Конвоир, рослый детина, чьи смоляные усы топорщились над воротником шубы, засыпал от монотонной тряски, возил и стучал в дремоте ботфортами по гулкому дну возка, а когда просыпался, то принимался набивать в трубку махорные зерна, со злостью вы-

секал огонь, дул, оттопыривая губы, на трут.

Человек, которого сопровождал этот долговязый детина, сидел, забившись в угол возка, и не то дрег в болезненном ознобе, не то просто дремал. Из-под низко надвинутой шапки свисала сидящая прядь, переносицу рассекала глубокая морщина.

Конвоир выбивал трубку, что-то ворчал и с грохотом подтягивал к бедру тяжелый палаш. И тогда человек в углу возка приоткрывал один глаз, смотрел настороженно и затравленно.

По повелению высочайшего Синода его везли в ссылку на Валаам, в монастырь, славившийся рукобойцей-игуменом и епитимьями, от коих провинившаяся братия то и дело увеличивала собой население монастырского кладбища.

«Тобольского священника, учителя философии и красноречия Тобольской семинарии Словцова Петра сына Андреева за поносные, воровского обычая слова, сказанные им на проповеди ноября десятого дня 1793 года по случаю августейшего бракосочетания цесаревича Александра Павловича, сослать под строжайший надзор, дабы послушанием и сугубым исполнением предписанного без жалости и снисхождения искупил взятый на душу грех тяжкий...» — гласило постановление Синода.

Словцов открыл глаза, поморщился. Опять этот давний кошмар! Сколько лет прошло с тех пор, а тягостное видение возвращается снова и снова. Не на Валаам едет он сейчас, а в Березово, инспектором сибирских училищ. И не конвоир храпит рядом, а обычный фельдъегерь, в попутном возке которого устроил его знакомый станционный смотритель. И ле-

жит в его дорожной сумке тетрадь с описанием сибирских путешествий, история этих мест, на издание которой в Петербурге заключен уже словесный договор.

«Едучи Иртышом до Самарова и оттуда Обью до Березова, я опять видел на горный берег реки на стороне восточной, как и по прочим рекам: Чулыму, Енисею, Ангаре и Лене. Недалеко было до вопроса, отчего произошел такой порядок единообразия при реках, текущих параллельно меридиану? Прежде замечал я такое же единообразие в сибирских реках, которые сперва льются поперек меридиана и потом отклоняются к северу, как, например, в Тоболе, Ононе и пр. Нельзя ли то и другое изъяснить движением земли к востоку, если только явление замечаемого единообразия подтверждается и в других частях земного шара? От круговращения составные части берега западного, омываясь рекою, всплески-

ваются кверху на противном, вследствие Гюйгенсовой силы...»

Словцов, словно для успокоения, прикоснулся рукой к кожаной сумке, засунутой глубоко под сиденье, потер застывшую ладонь и покосился на фельдъегеря. Возок круто съехал на лед, и тряска прекратилась. Только скрипели и визжали полозья, и лошадиное дыхание пронеслось мимо мутного окошка белесыми хлопьями-облачками...

— Вот и все! Прошу прощения...— сказал капитан «Св. Николая», глядя через квадратный иллюминатор на берег, над которым все жарче и жарче разгорался день.

Академик Бэр молчал и думал о том, что, в сущности, никто из совершивших то или иное открытие не может быть уверен, что оно принадлежит только ему одному. Ибо по-настоящему едино только само человечество.

Рисунки Н. Мооса.

ДВАДЦАТЬ лет было Александру Петряеву, механику-водителю танка, когда он в 1942 году отдал свою жизнь за Родину. Шестнадцать часов, отрезанные от своих, сражались члены экипажа в тылу у немцев и погибли в неравном бою. Александру Петряеву было по-смертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Курагинские следопыты совершили поход по боевому пути Александра Петряева.

Курагинцы создали клуб «Юные историки» и организовали вместе со своими учителями школьный музей.

Есть в музее специальный раздел «Они сражались за Родину». В нем рассказывается о земляках, о их подвигах.

Л. ГУРВИЧ

ЧТО мы знаем о своем городе или хотя бы об одной улице, на которой живем? Такой вопрос поставили перед собой следопыты школы № 91 Перми. Решили заняться улицей Ленина. Начался поиск.

«Воротами города» — вокзалом — заинтересовался Саша Мельник. Ему удалось разыскать уникальные фотографии. На одной из них — станция Пермь 1898 года. На второй — вокзал в день празднования первой годовщины Октябрьской революции.

Ребята побывали в доме № 13. Здесь в 1918 году открылись организованные большевиком А. А. Ждановым военно-агитационные курсы. А вот низенький домик № 60. На нем мраморная доска с надписью: «В этом доме в

1906 году жил Я. М. Свердлов». Яков Михайлович прибыл в Пермь сразу же после разгрома декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе. И в неприметный домик на Покровской (старое название улицы Ленина) потянулись все организованные нити подпольщиков. Ожила и вновь созданная большевистская организация Мотовилихи.

После ареста Я. М. Свердлова в Пермь приехал профессиональный революционер Ф. А. Сергеев (Артем). Он побывал почти на всех больших заводах Урала. Результаты его деятельности оказались разительными: только в Пермской окружной организации РСДРП число ее членов возросло в десять раз. К сожалению, дом, где жил в 1906—1907 годах Артем, не сохранился.

Год за годом, до наших дней проследили следопыты школы № 91 историю главной улицы своего города.

И. СЕРГЕЕВ

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

ЗДЕСЬ БЫЛ РАНЕН ОСТРОВСКИЙ

В десятке километров от Львова, там, где Киевское шоссе готово слиться с львовскими пригородными дорогами, на окраине села Малые Подлески, стоит небольшой самодельный обелиск. Его можно было бы принять за один из памятников погибшему солдату, если бы не необычная надпись, гласящая о том, что в этих местах был ранен... Павел Корчагин!

Памятник литературному герою поставили следопыты клуба «Звезда Гайдара» из села Подберезцы Львовской области в дни, когда наш народ отмечал 50-ю годовщину Советской Армии.

История скромного обелиска — история длительного поиска. Начало его относится к одному из уроков в восьмом классе, когда внимание ребят привлекли строки из восьмой главы книги «Как закалялась сталь».

«Девятнадцатого августа в районе Львова Павел потерял в бою фуражку. Он остановил лошадь, но впереди уже срезались эскадроны с польскими цепями...»

В районе Львова! И сразу вспомнились рассказы старожиллов о том, как в 1920 году появились в селе Подберезцы люди с пятиконечными звездами на шлемах, как они водрузили красный флаг на одном из домов недалеко от школы. А вдруг это произошло возле нашего села? Бой, в котором «...вышибло Павла из седла»? Может быть, здесь был ранен и сам Островский?

Неутомимый исследователь творчества Николая Островского Яков Борисович Крочек сообщил в ответ на наше письмо:

«Вы ставите вопрос, который еще не разрешен... Очевидцев этого боя я не знаю и не встречал».

Сотрудники Шепетовского литературного музея Н. А. Островского ответили еще более определенно: «До сих пор никому неизвестно место ранения Николая Островского в бою под Львовом, и неизвестны участники этого боя. Так что, если вам и удастся установить место его ранения, то вам за это будут благодарны работники всех трех музеев писателя».

И тогда литературные следопыты снова обратились к книге «Как закалялась сталь».

Глава восьмая.

«Меж кустами лощинника летел Демидов. Промчался вниз к реке, на ходу крича:

— Начдива убили!

Павел вздрогнул. Погиб Летунов, героический его начдив, беззаветной смелости товарищ. Дикая ярость охватила Павла.

Полоснув тупым концом сабли измученного, с окровавленными удилами Гнедка, помчал в самую гущу схватки.

— Руби гадов! Руби их! Бей польскую шляхту!

Летунова убили! — И сослепу, не видя жертвы, рубанул фигуру в зеленом мундире.

Охваченные безумной злобой за смерть начдива, эскадронцы изрубили взвод легионеров.

Вынеслись в поле, догоняя бегущих, но по ним уже била батарея; рвала воздух, брызгая смертью, шрапнель.

Перед глазами Павла вспыхнуло магнием зеленое пламя, громом ударило в уши, прижало каленым железом голову.

Страшно, непонятно закружилась земля и стала поворачиваться, перекидываясь набок.

Как соломинку, вышибло Павла из седла.

Перелетая через голову Гнедка, тяжело ударил-ся о землю.

И сразу наступила ночь».

Следопыты выдвинули первую гипотезу.

Роман автобиографичен. И, несомненно, здесь описан действительный случай из боевой жизни Николая Островского. Павел Корчагин, как и Островский, воевал в 4-й кавдивизии, начальником которой был Ф. М. Литунов. Литунова же убили 19 августа. Значит, раз место ранения рядового бойца Островского нигде не зафиксировано, надо искать место гибели легендарного начдива Литунова. Ведь, узнав о гибели Литунова (сомнений, в том, что это Литунов, у нас нет), Павел помчался в самую гущу схватки, где и был ранен.

Эту мысль ребят подтвердили и воспоминания маршала Советского Союза С. М. Буденного.

В книге «Пройденный путь» он пишет:

Вражеская пуля оборвала его (Литунова) жизнь в момент, когда он ставил задачу на атаку 2-й бригаде».

А ведь во второй бригаде служил Николай Островский!

У Семена Михайловича немало теплых строк посвящено Литунову, обстоятельствам его гибели. Но нет ни слова о том, где же погиб начдив. Стало ясно, что нужны свидетели, буденновцы, сражавшиеся рядом с героем гражданской войны.

И начались поиски таких людей. В той же книге маршала следопыты обратили внимание на то, что Литунов погиб в присутствии комиссара дивизии В. И. Берлова и командира 2-й бригады И. В. Тюленева. Вот уж кто наверняка может помочь!

Полетело письмо к известному военачальнику генералу И. В. Тюленеву. Одновременно стали искать В. И. Берлова. Где он, жив ли?

Случилось так, что в Советском Комитете ветеранов войны было собрание бывших буденновцев. И один из них, Н. А. Гажалов, зачитал собравшимся письмо следопытов клуба «Звезда Гайдара» и попросил помочь найти место гибели Ф. М. Литунова. Откликнулось немало буденновцев, а главное В. И. Берлов, бывший комиссар 4-й кавдивизии, сражавшийся бок о бок с героическим начдивом. Василий Иванович хорошо помнит этот день — 19 августа — канун решительного наступления на Львов. Он рассказывает:

«Мы побывали в 1-й и 2-й бригадах нашей дивизии и следовали в 3-ю бригаду, которая находилась на левом фланге и держала связь с 6-й кавдивизией... Миновали мост и уже стали спускаться к полотну железной дороги, что идет на Львов. В это время мы с Литуновым обменялись мнениями. Он был возбужден и что-то хотел мне сказать, но пуля польского снайпера прервала его, попав ему прямо в рот. Смерть была мгновенной. Мы с командиром 2-й бригады И. В. Тюленевым сняли Литунова с коня и положили на боевую тачанку».

Немало подробностей приведено в этом

интересном письме. Нет только указания места событий.

«Документов этого времени и карты по документам нет у меня», — объяснил В. И. Берлов. Тем не менее приведенные приметы и подробности оказались для нас очень ценными при сопоставлении всех найденных документов.

Теплые письма прислали также буденновцы Г. В. Потоцкий, А. Н. Тихомиров, И. И. Улицкий.

И вот наступил день, когда все документы, книги, воспоминания легли на стол и должны были объединиться. Это произошло тогда, когда откликнулся генерал И. В. Тюленев, участник боя, в котором был ранен Николай Островский.

Иван Владимирович кратко обрисовал обстановку на фронте, расположение частей 4-й кавдивизии и указал место гибели Литунова («На гати, что шла через речку южнее Желтанцы»). А затем сообщил самое главное: «Вторая бригада, которой я командовал, наступала на Куликов, справа действовала 14-я кавдивизия, которая под натиском отходила на юго-восток из района Подлесное. В силу такой обстановки положение создавалось для 4-й кавдивизии тяжелое. Чтоб помочь восстановить положение в районе Подлесное — Нестеров, я решил из района Куликова ударить по врагу. В результате произошел сильный встречный конный бой. Противник отступил на Нестеров. Надо полагать, что в этой атаке в районе Подлесного и был ранен Н. Островский».

Теперь Подлесное — село Малые Подлески. Сюда ежегодно в сентябрьские дни отправляются следопыты клуба «Звезда Гайдара». К ним присоединяются пионеры и комсомольцы Львовской средней школы № 3, изготовившие памятный обелиск.

Стоят задумчиво ребята, а потом, через придорожную полосу выходят в поле. Вдали видна железная дорога, еще дальше — холмы Борщовиц, откуда К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный наблюдали бой 19 августа.

В октябре 1969 года на этом месте побывала вдова писателя Р. П. Островская. Раиса Порфирьевна выслушала рассказ о ходе поиска, ознакомилась с документами и согласилась с нашим выводом: в районе Малые Подлески был тяжело ранен Николай Островский.

Глядя на небольшой самодельный обелиск, Раиса Порфирьевна сказала: «Теперь можно в надписи заменить имя литературного героя именем автора — Николая Островского».

Рассказывают, что когда писателю принесли первый экземпляр его книги «Как закалялась сталь», он уже не мог ее увидеть. Трепетными пальцами водил Островский по обложке, и вдруг лицо его озарилось улыбкой: он узнал очертания штыка и весенней ветви. Именно это хочется увидеть и на будущем памятнике.

**И. ВУЛ,
преподаватель**

Валентин
СОРОКИН

Не ивы, а зеленый дым
В низинах погменных клубится.
И по увалам золотым
Звенит серебряно пшеница.

А в роще — крошки от грибов
И звон ведерка у колодца.
Могучим духом погребов
Земля наполнена до солнца!

Уйдя от рокота машин,
К огню приткнув свое лукошко,
Под желтым пологом вершин
Сидит старик и ест картошку.

И борода его длинна.
И на щеках играют краски.
Он так похож на колдуна
Из маминой далекой сказки.

Сарыч замедленно кружит.
И не над речкой, не над логом,
А через Родину бежит
Моя высокая дорога...

Случай
в автобусе

Ах, как этой женщине плачется и тяжело поется
О том, что ее любимый с войны домой
не вернется.

Она головой качает, а слезы все льются и льются,
Бедняжка, не замечает, как парни над ней
смеются:

— Скандалит, наверно, с мужем!..

— А может, хватила лишку!..

Звенят голоса!

И шутку — бросают в пути,
как вспышку...

Не могут же знать соседи, друг дружку
опровергая,

Что было ей —

восемнадцать!..

Когда началась мировая...

Теперь она поустала, и сердце умаялось даже,
И голова поседела.

Лишь песня — одна и та же...

На кусты кривые
Вдоль звенящих пресек
Перья огневые
Обронила осень.

Самолет проухал
И нырнул за скалы,
Сановитым брюхом
Солнце просверкало.

Звонок мост дощатый,
В волнах шустрит молодь.
На равнинах сжатых
Росаяная золоть.

Дым реки сонливой —
По траве каленой.
...Лишь бушует ива
Зелена-зелена.

Листьями лопочет
И летит, как птица.
То ль желтеть не хочет,
То ль сгореть бьется...

Думы война

То поляной, то лесом
Я за радостью шел,
Но в раздолье белесом
Ничего не нашел.

Злая изморозь крепла,
Вызревала гроза.
Дунул ветер — и пеплом
Залепило глаза.

Кто осудит и взыщет!
Жизнь, и здесь ты права..
А вокруг — огневище
И сухая трава.

Облака одурели
И застыли вдали,
Словно там погорели
Все надежды земли.

И роса не искрится,
Воздух августом смат.
Как погибшие птицы,
Чьи-то души лежат...

Кочующая облачная редь
На фоне неба, серого, как пепел.
Хочу я снова чувства обогреть
Крылатым солнцем, падающим в степи.

Ковыльная родная сторона,
Ведь я ничьих раздумий не нарушу,
Ответь-ка мне,
 во все ли времена
Врачуешь ты измаянную душу!

Трава роняет древние слова..
О, недруги!
 Смените
 гнев
 на милость!

Светла моя лихая голова,
Звезда судьбы ничуть не закатилась.

Осенний, нарастающий огонь —
По берегам,
 по рощам поределым,
А подо мной храпит отважный конь,
И за спиной позвякивают стрелы...

«МАЙОР» ТОЛЯ КОЧЕТКОВ

ЭТО случилось на Ладожском озере в дни Великой Отечественной войны. Фашистские стервятники напали на беззащитное судно, перевозившее женщин и детей из осажденного Ленинграда, и потопили его. На помощь погибающим пришли моряки Ладожской военной флотилии. Среди спасенных был Толя Кочетков, мальчик пяти лет. Все родные Толи погибли.

Командир соединения, в которое входил отряд моряков, генерал Зайцев привез мальчика на командный пункт дивизии. Скоро Толя стал общим любимцем.

— У нас штатских держать

не положено, — как-то шутя сказал ему начальник штаба полковник М. Нинбург. — Хочешь мы тебя примем в армию?

— Хорошо, дядя Миша, — ответил Толя, — я буду военным.

Мальчика зачислили на довольствие, сшили ему форму. Офицеры шутливо обращались к нему: «товарищ майор». Толя быстро освоился с обстановкой и, случалось, «распекал» младших по званию, позабывших поприветствовать маленького «майора».

Надо ли говорить, сколько радости приносил этот ребенок офицерам и солдатам, несколько лет яе видевшим

свои семьи. Бойцы дивизии, гнавшие врага от Свири до границы с Норвегией, мстили фашистам и за Толино сиротство.

Незадолго до наступления генерал Зайцев усыновил Толю и, говорят, направил его в суворовское училище. Перед отъездом «майор» сфотографировался с офицерами штаба дивизии. Этот снимок был последним в жизни замечательного человека генерала Зайцева.

Ну, а как сложилась дальнейшая судьба Анатолия Кочеткова, кем он стал, где он теперь?

В октябре исполняется 75 лет со дня рождения русского поэта Сергея Есенина, который, по одному образному сравнению, не просто писал стихи, но словно бы и сам был удивительным музыкальным инструментом.

Трудно сегодня найти человека, равнодушно-го к напевным есенинским строкам. Молодой свердловский художник Владимир Мамонтов несколько раз ездил на родину поэта в село Константиново, пытливо выискивал в облике сегодняшней Рязанщины черты, воспетые Сергеем Есениным.

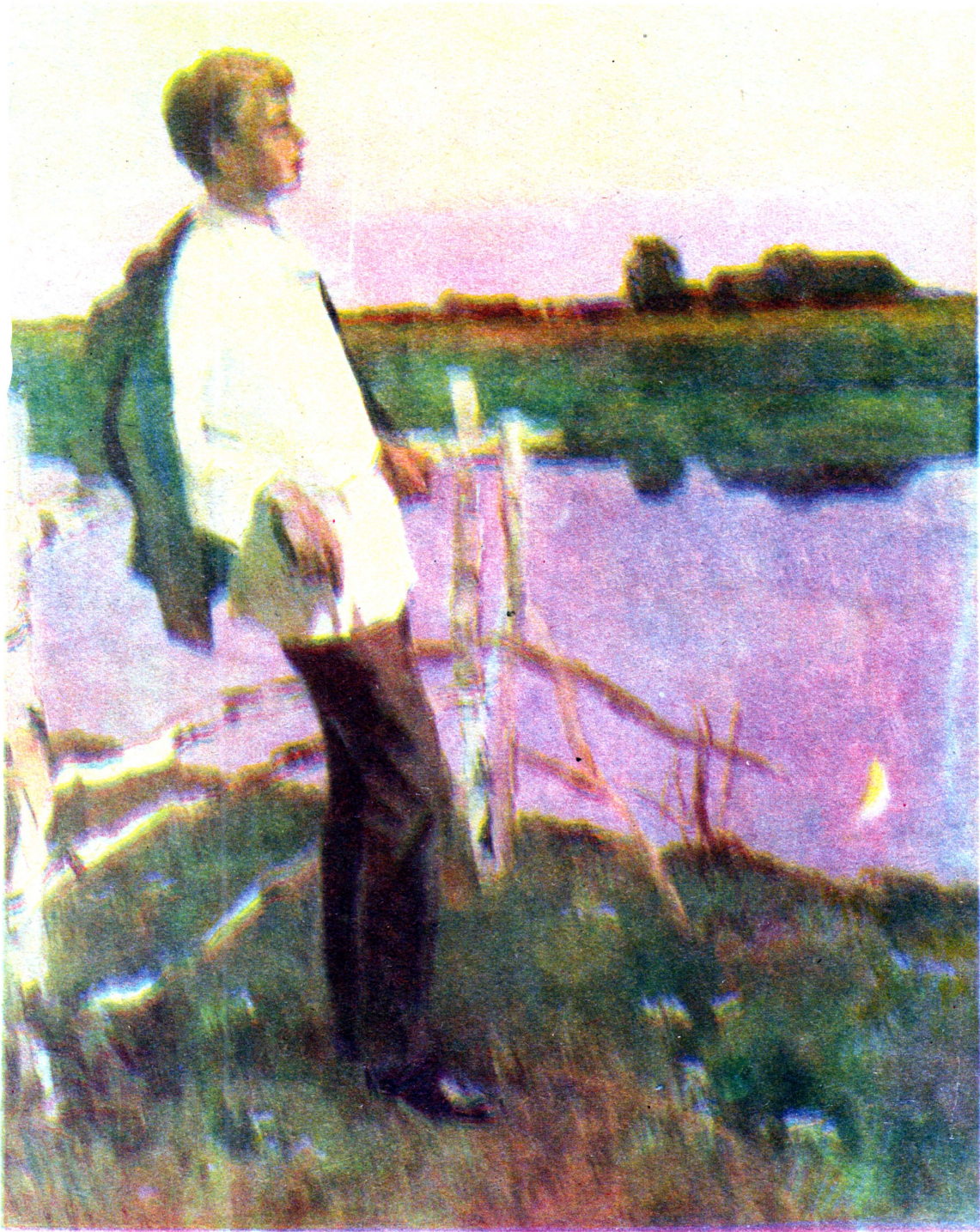
Результат этих поездок — серия пейзажей и портретов, экспонировавшихся в Ленинграде и Свердловске.

Некоторые из них воспроизводятся на этих страницах.

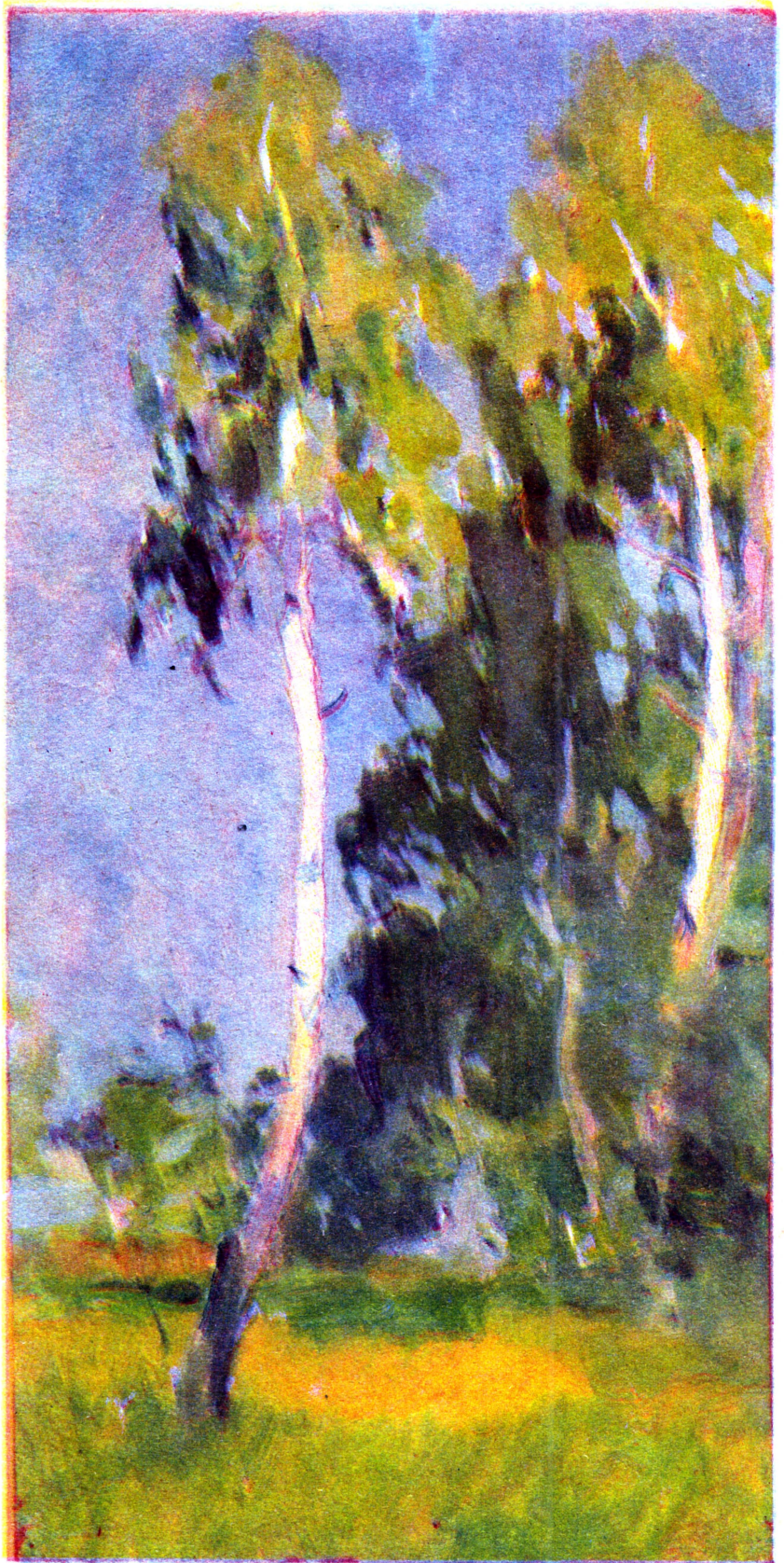
Свет луны — таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

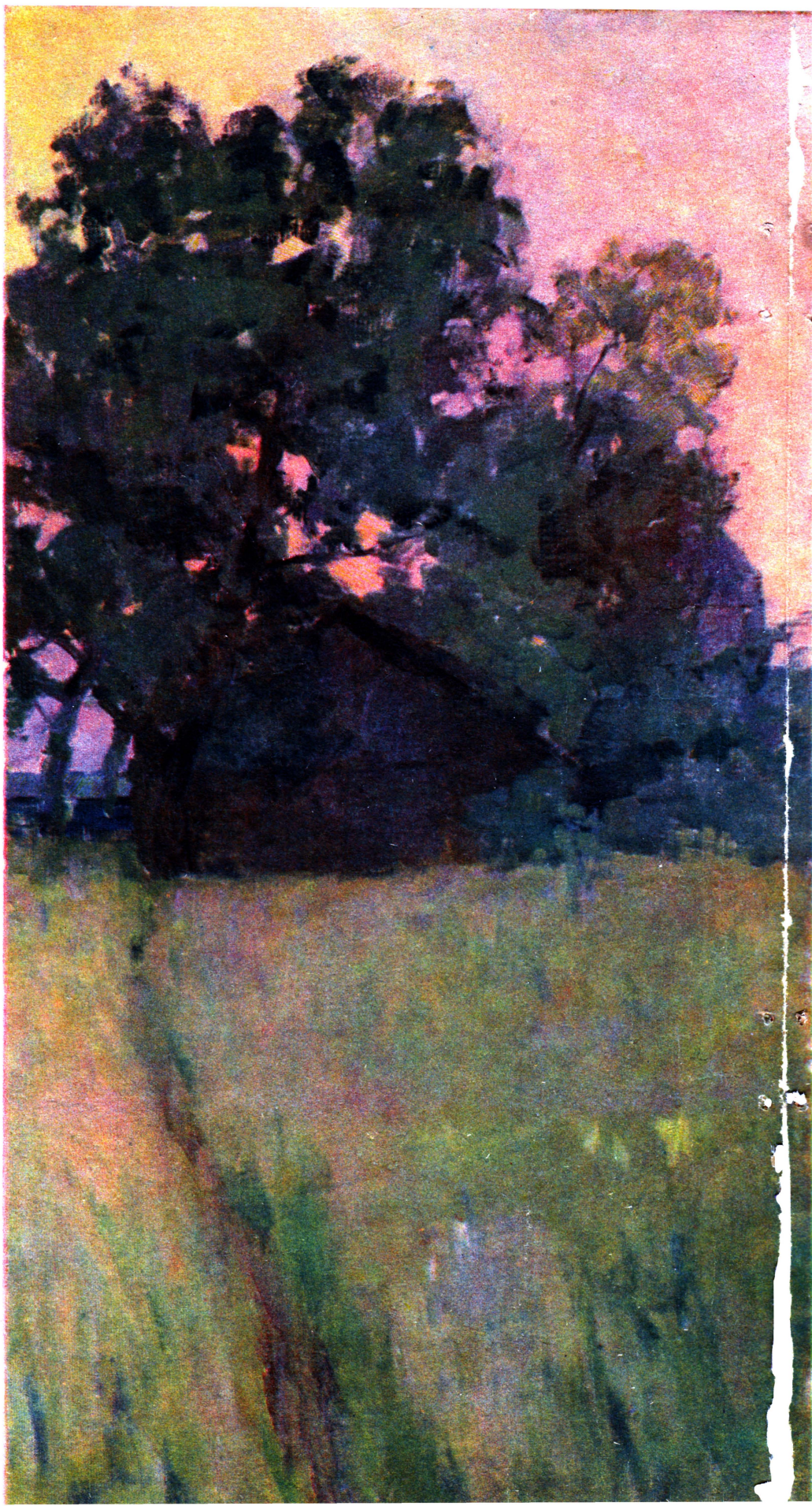
...Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок...

И голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан.
И ее золотые косы
И холщовый ее сарафан.

И в душе, и в долине прохлада,
Синий сумрак — как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвонит и замрет бубенец.

ЕГО СТОИТ ВСПОМНИТЬ

1

В 1898 году в Екатеринбурге вышла книга местного писателя Н. В. Казанцева «Повести и рассказы». Д. Н. Мамин-Сибиряк писал по поводу ее выхода: «Это уже новое явление, своего рода знамение повышения культуры далеких русских окраин».

Таким же знамением можно было назвать и творчество уральского художника пейзажиста Владимира Гавриловича Казанцева, кстати, родственника автора книги. Занимая скромное место в русском искусстве, имя этого художника, бывшее, однако, известным не только на Урале, но и в Петербурге и в других краях, как-то забылось, хотя его произведения и по сей день экспонируются во многих музеях нашей страны.

Если вспомнить, что в то время на Урале художники были редки и что именно на долю этих немногих выпала задача развития художест-

венной культуры «далекой русской окраины», то думается, что творчество В. Г. Казанцева забыто незаслуженно и что его стоит вспомнить — оно представляет для нас несомненный интерес.

Но для того, чтобы вспомнить и оценить его сегодняшним взглядом, пришлось поискать произведения, разбросанные по разным музеям страны — в Полтаве, в Иркутске, порыться в фондах уральских и столичных музеев.

Вот что пока удалось узнать.

Владимир Гаврилович Казанцев родился в 1849 году в Екатеринбурге, в семье купца-старообрядца, почетного гражданина города, неоднократно избиравшегося городским головой. Гавриил Фомич хотел видеть в сыне достойного наследника старинной купеческой фамилии. Поэтому, не обращая внимания на склонности Владимира к рисованию, он отправил его после окончания местной

гимназии в Московский университет на юридический факультет. Пребывание в Москве, знакомство с работами известных художников еще больше усилило стремление юноши к живописи, но пойти против воли сурового отца он не решился и после окончания университета волею-неволею поступил на службу в Пермскую палату на должность судебного следователя. Вскоре Владимира Казанцева перевели в Екатеринбург, на родину, но он так тяготился своей службой, что в 1874 году, уже будучи утвержденным в чине губернского секретаря, уволился.

Где он работал в последующие годы, пока неизвестно. Но известно, что он много трудился над отделкой и художественным оформлением первого в городе любительского театра, устроенного братом Гавриилом Гавриловичем.

Открытие театра состоялось в декабре 1879 года. Оно было важным событием

17

как в жизни Владимира Казанцева, так и в жизни Екатерины. Местная печать отметила художественные достоинства оформления театра и привела невольно напрашивавшееся сравнение: «Городской театр госпожи Морвиль, с облупившимися декорациями, почерневшими, покривившимися дверями и окнами, сравнительно с Казанцевским театром представляет совершенную коношню».

Эта высокая оценка достоинства театра, бывшая и оценкой работы Владимира Гавриловича, укрепила в нем веру в свои художественные способности, и он решил ехать учиться. В 1880 году Владимир Гаврилович, против воли отца, так и не смирившегося с мыслью, что его сын станет художником, уехал в Петербург.

Позже, вспоминая это, он писал, что «не мог преодолеть постоянного влечения к искусству и при первой возможности, оставя все, посту-

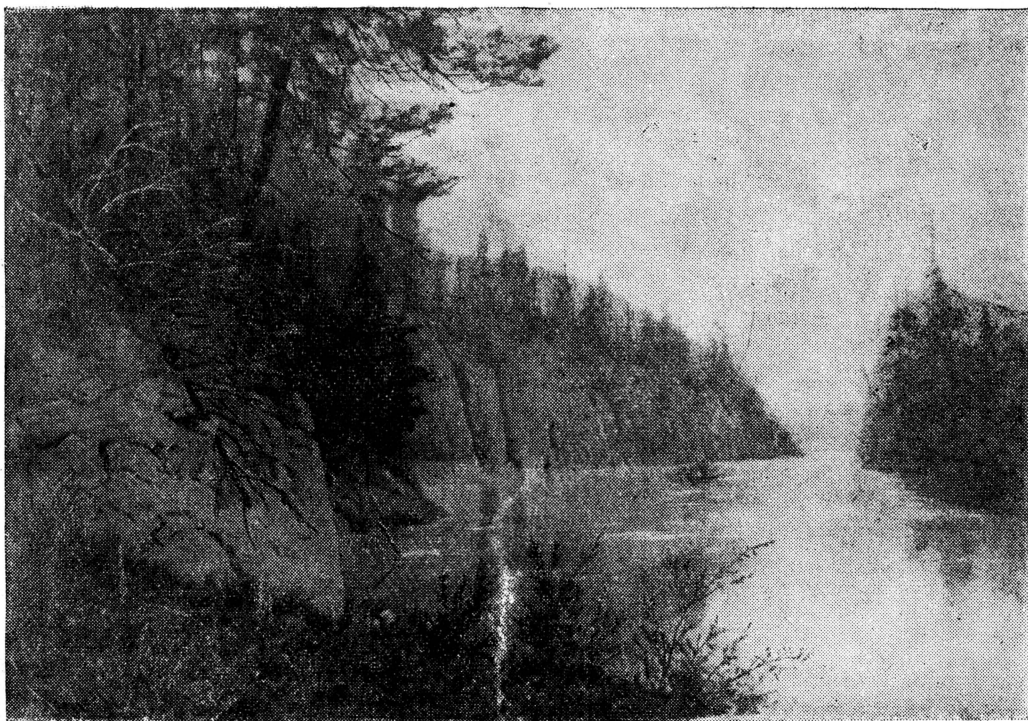
пил в Академию». А пока, чувствуя, что он еще недостаточно подготовлен для поступления, стал посещать пейзажный класс. Через месяц, успешно выдержав приемный экзамен, Казанцев был зачислен в число слушателей. Владимиру Гавриловичу шел в то время тридцать первый год, что значительно превышало приемный возраст, и ему пришлось пользоваться только правами вольнослушателя.

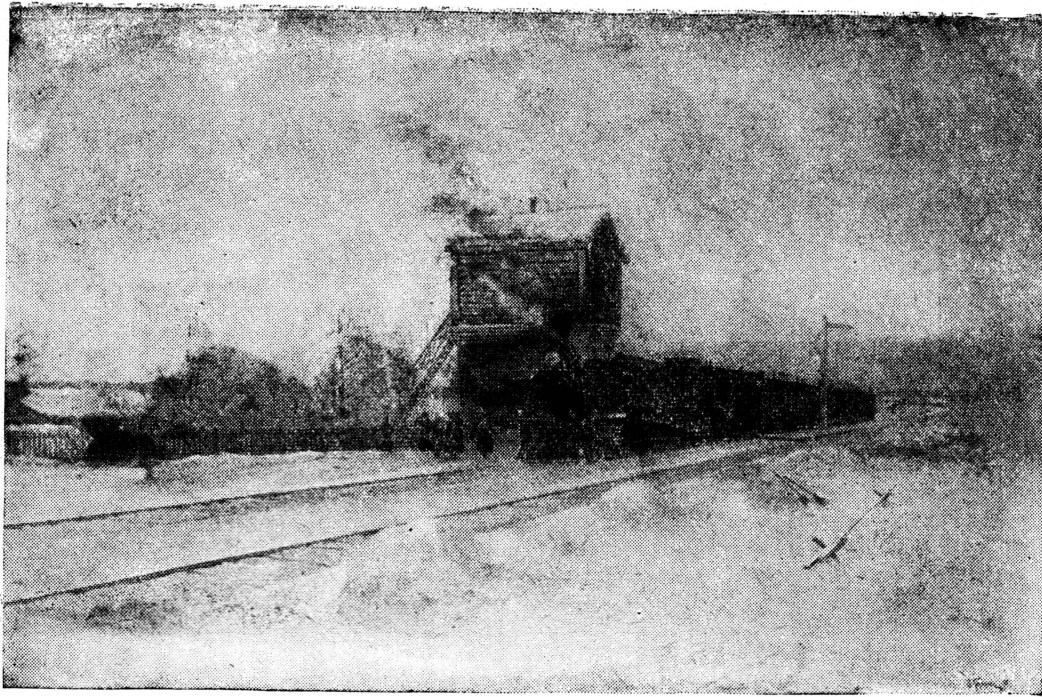
Поздно начав свой путь в искусстве, Казанцев горячо принялся за работу, стремясь наверстать упущенное. Учеба шла успешно. Уже в мае 1882 года Владимир Гаврилович получил малую серебряную медаль за рисунок «Березы в парке осенью», а в октябре этого же года его живописный пейзаж был удостоен большой серебряной медали.

О творческих успехах Казанцева в этот период можно в какой-то степени судить по его картине «Лесная дорога»

(1882 год). Сейчас она находится в Иркутском художественном музее. Художник изобразил на ней бесхитростный уголок среднерусской природы. Извилистая, убегающая вдаль дорога, по сторонам которой расступился молодой березовый лес, пересекает грубо сколоченный из толстых досок мостик, переброшенный через небольшую речушку. В зеркальце залива отражается уголок дальнего леса. Чуть ли не в центре картины, за мостиком, тянется к небу березка. Все это тщательно, любовно написано, художник стремился как можно точнее передать увиденное. Но ему еще явно не хватает мастерства, поэтому картина получилась несколько тяжеловесной, перегруженной деталями, бедной по цветовому строю.

Понимая, что мастерство необходимо совершенствовать, Казанцев мечтает о поездке за границу — «для повышения своей художественной культуры и изучения

В. Г. Казанцев. На полустанке, 1891 год. Иркутский художественный музей.

европейского искусства», как сообщает он в письмах. Но представленная им в 1883 году работа в конкурсе на золотую медаль и заграничную поездку не выдержала испытания.

Помня слова известного художественного критика В. В. Стасова: «Можно хорошо писать только ту картину, которой ты полон, содержание которой тебе дорого, близко, где ты понимаешь все до последней ниточки», Владимир Гаврилович решил ехать на родину, в надежде, что природа родного Урала вольет в него новые силы.

В мае 1884 года Казанцев выехал на Урал. В родном краю он написал много картин, такие как «Вечер на озере Касли», «За Урал», «К ветру», «До свидания» и другие. О достоинствах их трудно судить, ибо местонахождение картин сейчас неизвестно. Уже в октябре того же года «за хорошие познания в живописи, доказанные исполненной им картиной

«До свидания», Казанцев был удостоен звания классного художника второй степени.

С этого времени он стал чаще ездить на Урал, в Сибирь, и новые поездки оказались не менее плодотворными, чем первая. Только за период с 1885 по 1887 год им были созданы картины «Иван-чай», «На Урале», «Полдень на Севере», «Полночь на Севере», «Уральский пейзаж», «Вид на Златоуст», «Екатеринбург» и целый ряд других.

Бывая на Урале, Казанцев не оставался в стороне и от участия в культурной жизни края. Так, на открывшуюся в 1887 году в Екатеринбурге Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, организованную Обществом любителей естествознания, он представил девятнадцать своих работ, а также «выполнил проекты дипломов для наград экспонентов». Местная печать, описывая художественный раздел выставки и отмечая

произведения таких его участников, как Шишкин, Перов, Семирадский, Айвазовский, Кившенко, Корзухин, дала положительную оценку и произведениям В. Г. Казанцева. «...Глядя на эти картины, — писала газета «Екатеринбургская неделя», — вы действительно видите и чувствуете нашу северную серенькую, неподкрашенную природу: правдой дышит каждая картина». Жюри выставки удостоило Казанцева золотой медали.

Выставка пользовалась огромным успехом. С 14 июня по 15 сентября ее посетило около 80 тысяч человек — цифра внушительная для того времени. Это натолкнуло устроителей выставки на мысль образовать постоянный художественный отдел при местном краеведческом музее. После долгой переписки екатеринбургских властей с Академией художеств, часть картин выставки была оставлена в городе и послужила основой худо-

В. Г. Казанцев. Листопад. 1894. Полтавский художественный музей.

жественного отдела музея, преобразованного в 1936 году в Свердловскую картинную галерею.

Из своих работ, экспонировавшихся на выставке, Владимир Гаврилович подарил новому отделу музея «Пейзаж с рекой», «Солнце село», а также и столь понравившуюся его землякам картину «Полдень на Севере», о которой «Екатеринбургская неделя» писала: «Из картин нашего местного художника В. Г. Казанцева, бывшего ученика Академии, более прочих нам понравился «Полдень на Севере» № 35: водопад быстро несет свои воды, покрытые пеной. Особенно удался художнику переход тихой, безмятежно текущей реки в шумный стремительный поток».

Вскоре после этого успешного выступления Казанцев вошел в «Петербургское Общество русских акварелистов» и стал постоянным участником его выставок, вплоть до 1895 года. Среди работ таких известных мастеров акварели, как П. П. Соколов, М. П. Клодт, Н. Е. Сверчков, Л. Ф. Лагорио, А. К. Бегров, критика неоднократно отмечала и «прекрасные натюрморты» Казанцева. В каталогах выста-

вок Общества можно встретить репродукции с некоторых работ Казанцева. Только благодаря им мы и можем иметь какое-то представление о самих картинах, ибо местонахождение многих работ пока не установлено.

Имя художника-уральца получает все большую известность. На Парижской выставке 1889 года его работы были удостоены бронзовой медали, а в 1890 году на Казанской научно-промышленной выставке — золотой медали за «в высшей степени художественное воспроизведение природы в различные времена года и при различном освещении».

Высоко оценил творчество своего земляка и Д. Н. Мамин-Сибиряк. В знак признательности он подарил Владимиру Гавриловичу свою книгу «Уральские рассказы» с автографом: «Нашему уральскому художнику Владимиру Гавриловичу Казанцеву на память об Урале от автора, 1889 г. Екатеринбург». Известно, что и сам Дмитрий Наркисович некогда «довольно усердно» занимался живописью и даже написал большую картину с натуры «Генеральская дача».

Мастерство Казанцева по-

лучает признание и в Академии художеств. Еще в 1886 году она приобрела его картину «Водопад Кивач» и передала в Русский музей, а в 1891 году присвоила Владимиру Гавриловичу за картины «Старые дубы», «Ширь» и «Вечерет» звание художника первой степени.

Через три года В. Г. Казанцев решил писать картину на звание академика живописи. К апрелю 1894 года картина («Листопад») была закончена, и совет Академии присвоил художнику за нее высокое звание.

С этой поры В. Г. Казанцев стал еще активнее участвовать в выставках — академических, «Общества русских акварелистов» и «Петербургского общества художников». Продолжал также работать в качестве «художника - корреспондента» в журналах «Всемирная иллюстрация», «Русский паломник», «Живописное обозрение».

Только на выставках «С.-Петербургского общества художников», проходивших как в Петербурге, так и в Москве, с 1893 по 1897 год Казанцев выставил более 40 работ.

Последними восточками о

В. Г. Казанцеве были сообщения о том, что он принимал участие в 5-й выставке «Общества художников» в Петербурге, на которую им были присланы работы из местечка Дальние Кобещаны, из-под Полтавы.

В каком году приехал Казанцев в Полтаву, что делал там, куда уехал затем или остался здесь — все это оставалось неизвестным.

2

И вот я в Полтаве. Утром спешу в областной архив, — не найдется ли там каких-нибудь сведений о Казанцеве. Но, увы, старых дел там почти нет — во время Отечественной войны архив был сожжен фашистами. Почти безрезультатным оказался и визит в краеведческий музей. Узнал здесь, просмотрев Адрес-календарь и справочную книжку Полтавской губернии на 1900 год, только то, что в этом году В. Г. Казанцев ни в одном из учреждений не служил.

Иду в художественный музей. В нем, как мне сказали, находятся девять работ Казанцева. Возможно, там найдутся какие-нибудь сведения и о самом художнике?

В зале, где выставлены произведения уральского художника, сразу же обращает на себя внимание огромное полотно «Листопад». Это за него он был удостоен звания академика живописи.

Рядом с картиной — несколько пейзажных акварелей Казанцева.

Директор музея, П. М. Горобец, сам художник-пейзажист, занимался изучением

творчества многих художников Полтавы, но о Казанцеве мало что смог сказать: что он жил в Полтаве недолго, что у него была дача в балке, недалеко от нынешнего дома-музея Панаса Мирного, что дом Казанцева сохранился. В нем живет дочь художника Зоя Владимировна.

Миновав дом-музей Панаса Мирного, спускаюсь в балку и вижу невдалеке, в окружении белых хаток, утопающих в ветвях еще не распустившихся садов, большой белый дом, из трубы которого ленивой струйкой идет дым. Это и есть дом В. Г. Казанцева.

Здесь все оставлено так, как было при жизни художника. В полусумрачной комнате — покрытый черным лаком письменный стол с резными ножками, на нем чернильный прибор с подсвечниками, пожелтевшая от времени фотография: Владимир Гаврилович с женой Анастасией Николаевной. У стола два стула с высокими спинками. На стенках — потемневшие репродукции с картин И. И. Шишкина и других пейзажистов.

Зоя Владимировна, дочь художника, — невысокая, подтянутая и подвижная, несмотря на свой более чем восьмидесятилетний возраст. Она достает стопку фотографий. Владимир Гаврилович снят в кругу семьи, в своей мастерской, увешанной этюдами, в саду, пишущим этюды с природы.

Со слов Зои Владимировны я узнал, как Владимир Гаврилович попал на Украину. Когда в 1896 году, в связи с ухудшающимся здоровьем, врачи посовето-

вали ему поселиться на юге, художник присмотрел в местечке Дальние Кобещаны (Затишье), под Полтавой, запущенную усадьбу с садом, купил ее и перевез сюда из Петербурга семью.

Первые годы жизни в Полтаве В. Г. Казанцев занимался, в основном, устройством усадьбы, много времени уделял своему любимому занятию — выращиванию цветов, писал этюды. Постепенно он втягивался в культурную жизнь города — написал декорации для драматического театра. В эти же годы он много путешествовал. На сохранившейся карте железных дорог 1895 года им отмечены города, где он побывал: Москва, Петербург, Харьков, Полтава, Одесса, Балта, Екатеринбург.

Вспоминая отца, Зоя Владимировна говорит о его высокой культуре и образованности — он знал французский и английский языки, в доме Казанцевых в Екатеринбурге была большая библиотека, имелись физико-химическая лаборатория, домашний театр. Кстати, в библиотеке Казанцева были редкие издания сочинений Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена.

Владимир Гаврилович высоко ценил творчество своего земляка Д. Н. Мамина-Сибиряка и гордился знакомством с ним. Книгу «Уральские рассказы», подаренную ему писателем, он бережно хранил как в Петербурге, так и в Полтаве.

Умер Казанцев в августе 1903 года.

В. ЖУК

И. СЕМЕНЧИК

Рисунки И. Гуссиса

Иди, Иконников,— сказал начальник аэроклуба, стараясь не глядеть парню в глаза. — Ничем я тебе не помогу. Такое дело, брат... Иди.

Владимир не двинулся с места. Слово прирос к полу. «Уйду — тогда все, конец,— подумал он. — Только бы не разреветься».

Начальник аэроклуба, вздыхая, смотрит в окно. Владимир невольно следит за его взглядом. В окне, над городскими крышами, голубое небо, такое огромное и в то же время бесконечно близкое, когда ты в нем...

— Я ж все на «отлично» сдал...

Это была сущая правда — Свердловский аэроклуб мог гордиться своим курсантом Владимиром Иконниковым.

— Сами ж видели, как управляю машиной...

Все, кто стоял тогда на зеленом поле Уктусского аэродрома, видели, как уверенно и точно исполнил Иконников зачетную программу, как послушна была в его руках машина.

— Чего ты хочешь от меня? — тоскливо поглядел на Владимира начальник аэроклуба.

Он прекрасно знал, чего хочет Владимир: попасть в летное училище, только и всего. Хочет, чтобы начальник аэроклуба подписал направление. Но это невозможно. Начальник окинул взглядом, деловито измеряя, — в который уже раз — щуплую низенькую фигуру Иконникова. «Нет,— подумал.— Не пройдет. С таким ростом

не пройдет он в училище. И думать нечего. Сто пятьдесят два сантиметра. Ниже всех допустимых норм».

— Я ж летаю...

— Да пойми: здесь ты летал на учебном самолете, а там — боевые. Есть разница?

— А может, вы мне всю жизнь сейчас ломаете! — в отчаянии выпалил Владимир.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза.

Начальник аэроклуба не выдержал, взял грех на душу: Володя Иконников «вырос» в документах на целых восемь сантиметров.

Но в Пермском авиационном училище его снова направили на медосмотр. Снова сказали: «Нет!»

— А я не уйду! Я хочу летать! — почти срываясь на крик, заявил Владимир членам мандатной комиссии.

В конце концов и начальник училища сдался:

— Хорошо, мы подумаем. Обожди в коридоре.— А потом, уже подписывая бумаги, пошутил: — Придется для тебя персональную машину заказать.

Он, конечно, и не предполагал, этот седоусый командир, что его слова окажутся пророческими: пройдет несколько лет, и военный летчик Иконников, получая на заводе новый самолет, попросит установить удлиненные педали.

На четвертый день войны младший лейтенант Иконников впервые вылетел на бомбежку немецкой танковой колонны под Вильнюсом. Задание было выполнено, бомбы точно легли в цель, но на обратном пути наши самолеты, попав в полосу зенитного огня, нарушили строй. И этим воспользовались вражеские истребители. Шесть «мессеров» обрушили на бомбардировщик Иконникова шквальный огонь. Один вражеский самолет удалось сбить, но силы были неравны. Вот уже убит стрелок-радист, уронил на грудь простреленную голову штурман. Владимира ранило в ногу и грудь. В кабине пахло горящим лаком и струйки огня наперегонки бежали к бензобакам. Он отжал ручку от себя. Сквозь клубы дыма успел рассмотреть силуэт «мессера», шедшего параллельно с его машиной, и немецкого летчика, который грозил кулаком. И тут земля стала стремительно надвигаться.

Превозмогая боль, Иконников рванул дверцу кабины. Раз, другой. Тщетно.

Вдруг ярко полыхнуло перед глазами. Взорвались бензобаки. Это его, видимо, и спасло. Ключья дюралья пронесли над головой. Владимир потянулся к вытяжному кольцу. Сильный рывок, и над летчиком закачался спасительный белый купол. Уже на земле сорвал с себя горящую одежду.

В одних трусах, обутый в меховые унты, обожженный и израненный, брел он до тех пор, пока не увидел маленькую избушку. Он толкнул калитку, и тут силы оставили его.

Очнулся от чьего-то осторожного прикосновения. Открыл воспаленные глаза и в сумеречном свете разглядел невысокую сухонькую старушку, а рядом с ней мальчика лет двенадцати. Говорили они по-литовски. Старушка и мальчик помогли ему встать и провели в сарай. Там осторожно положили на сено.

Старушка взяла шило и ловко извлекла из его тела пулю и осколки. Несколько дней она смазывала гусиным жиром обожженные места, смачивала раны какой-то пахучей жидкостью. Мало-помалу Владимир окреп и скоро стал собираться в дорогу. Заплатанные штаны, простая рубаха, тужурка домотканого сукна и соломенная шляпа с широкими полями сделали его похожим на подростка. Только на ноги ничего не нашлось. Так, босиком, Владимир и пошел на восток.

По лесным дорогам, поднимая пыль, двигались обозы, броневики,

мотоциклы. Покачивались на ухабах тупорылые грузовики с самодовольными, орущими песни фашистами. Иконников скрипел в бессильной ярости зубами. Запах чужого бензина и песни на чужом, ненавистном языке были для него горше и мучительнее всех невзгод.

Лес кончился, и Владимир увидел большую, надвое перерезанную грейдером поляну, на которой громоздились подбитые машины. Вот красавец «КВ» с перебитыми гусеницами и рваной дырой в пушечном стволе, а вблизи него — куча искореженного металла — останки фашистских танков. Неподалеку, словно обнявшись, застыли в смертельной схватке две машины. Чуть дальше лежал исковерканный бронетранспортер с белым крестом на боку.

— Ага, значит, парады кончились! — и сразу прибавилось сил, ослабевшие, словно набитые ватой ноги бодрее зашагали дальше.

В заросшей кустарником балке он напил из лужи и несколько минут сидел полузакрыв глаза. Потом посмотрел на воду. В сером свете наступающей ночи отразилось незнакомое черное лицо с островками новой кожи и плотно сжатыми губами. Глаза мрачно глядели из-под обгоревших бровей. Он подмигнул своему изображению:

— Не робей, воробей!

Затем поднялся и отправился дальше.

Светало. В предутренней тишине Иконников услышал негромкий женский голос:

— Но!.. Родимый!

Тщедушная лошаденка, еле переступая, тянула телегу, на которой сидела средних лет женщина.

Увидев неожиданно выросшего перед нею Иконникова, она осадилла лошадь.

— Далеко ли деревня? — спросил Владимир.

— Деревня-то рядом, да немцев там полно, — ответила женщина.

Выщербленный осколок луны на горизонте вдруг раздвоился. Иконников увидел большое озеро. Сначала он хотел его обогнуть, но, пройдя вдоль берега с километр, наткнулся на какую-то тыловую часть. Пришлось вернуться на старое место.

Восточный берег хорошо просматривался, и Иконников решил добраться до него вплавь. Выбрал сухое, метра с полтора, полено, привязал к нему свои пожитки и вошел в теплую, как парное молоко, воду. Обхватив бревно, он поплыл, загребая одной рукой. Плыл долго. Когда взошло солнце, он еще был на середине озера.

Силы постепенно оставляли его. Кружилась голова. Приходилось часто наваливаться грудью на бревно и отдыхать. Ноги, как тяжелый балласт, тянули тело вниз. Но вот они за что-то задели. Дно было твердое. Выбравшись на песчаную отмель, он успел подумать: «Доплыл!» — и потерял сознание.

Солнце нещадно палило, когда летчик пришел в себя. Смочил голову, отвязал мокрые вещи и, ощущая дрожь во всем теле, заковылял к стоявшему неподалеку скотному двору. За оградой увидел пожилую крестьянку, убиравшую навоз. Тихонько подозвал ее, сказал, кто он такой, попросил поесть.

Женщина вынесла из сарая ведро квашеного молока. Владимир с жадностью набросился на него.

На сеновале, зарывшись в солому, он пролежал до темноты. Среди ночи спустился вниз и заковылял к лесу, оставляя деревню в стороне.

Прифронтовой полосы он достиг неподалеку от города Ильино. Вдали, за лесом, гудели моторы. Вздрагивала земля от гулких залпов — немецкие дальнбойные батареи вели неспешный, методичный огонь.

«Уж близко», — подумал он.

Но главное было еще впереди.

Всю ночь без отдыха шел он по этому сумрачному лесу. Лишь на опушке прилег отдохнуть во влажную, пахнущую гнилым траву. Впереди, в рассветной мгле, едва проступали силуэ-

ты кустов, сбегавших на кочковатую равнину. Там трепетал призрачный свет ракет. Косые строчки трассирующих пуль неслышно взмывали в небо и терялись в вышине.

Осторожно двигаясь вдоль опушки, Владимир неожиданно натолкнулся на немецкого часового. Наохлившись, как воробей, тот переминался с ноги на ногу.

Иконников инстинктивно шарахнулся назад, под ногами затрещали сучья.

Испуганный фашист завопил, словно его резали: «Алярм! Алярм!» — и начал садить из автомата. Пули, вспарывая кусты, проносились над припавшим к земле летчиком.

Подняли стрельбу и соседние посты. Иконников стал отползать назад, потом поднялся и побежал.

К следующему вечеру он вышел на проселочную дорогу, которая привела к маленькому домику. Постоял, прислушался — вроде тихо. Зашел во двор — никого. Осторожно приоткрыл дверь и, переступив порог, негромко спросил:

— Есть кто-нибудь?

Из-за широкой, в пол-избы, русской печи выглянула закутанная в черную шаль старуха с испуганными глазами. Она достала тарелку холодца, протянула Владимиру:

— Поешь и уходи, — но увидев, как он голоден, засуетилась. — Погоди. Я еще сварю картошки.

Не успела она налить воды в чугунок, как на дороге послышался рокот мотора.

Иконников кинулся к окну. Небольшой автомобиль, скрипнув тормозами, остановился возле калитки. Первым вылез офицер с двумя алюминиевыми птичками в петлицах. Тоже, значит, летчик. За ним — высокий эсэсовец — в черной форме со свастикой на рукаве.

Бабка остолбенела:

— Ой, лишенько! Беги скорее!

Владимир выскочил в сени, глянул в щель. Поздно. Офицер уже открыл калитку. На размышления оставались секунды. Он взвел курок. Держа пистолет наизготовку, вжался в угол.

Офицер обошел двор. Затем, насвистывая, двинулся к крыльцу. Иконников нажал на спусковой крючок. Схватившись за грудь, немец свалился возле двери. Перешагнув через него, Владимир выскочил наружу и два раза подряд выстрелил в эсэсовца. Тот грузно осел в кювет, а Владимир перелез через невысокий забор и побежал в лес. Но тут же спохватился: «А как же хозяйка? Фрицев надо убрать!». Он повернул обратно. Машина стояла на своем месте, пофыркивая заведенным мотором. Сперва он потащил к ней офицера. Опустил на землю, остолбенел.

Все было спокойно, и лес — вот он, рядом,

Владимир втащил в кабину офицера, а грузного эсэсовца впахнул в нее только по пояс — не хватило места.

Сразу вырулил на просеку. Проехал с полкилометра, когда заметил, что эсэсовец выпал на дорогу. «Черт с ним», — подумал Владимир. Через некоторое время свернул с просеки и налетел на поломанное бурей дерево. Офицер уже не дышал. Владимир расстегнул его кобуру. Тускло блеснула вороненая сталь маузера. «Вот красота!» В его «ТТ» оставался всего один патрон.

Повесил на бок маузер, сигареты сунул за пазуху и двинулся дальше, опять пешком.

Фронтная полоса была уже недалеко. Както под вечер он вышел к болоту. На самом его краю увидел несколько аккуратно вырытых квадратных ям, а возле них разбросанные банки зубного порошка «ТЭЖЭ». Откуда они здесь? Осторожно, проваливаясь в жидкую, тускло отсвечивающую грязь, перешел болото. На той стороне была траншея. Кругом свежие следы немецких солдат. На отвалах стрелковых ячеек валялись заплесневелые куски хлеба. Владимир подобрал их. Нашел початую банку консервированной фасоли и тут же съел.

Первые сентябрьские заморозки заставили Владимира дрожать от холода. Ключьями висела изодранная одежда. Болели раны. Донимал голод.

На краю неба вставали огненные сполохи. Почти ощупью, чутко прислушиваясь к каждому шороху, двигался Владимир навстречу глухим раскатам. Но всюду были немецкие посты. Один раз перед самым его носом неожиданно возникло что-то большое, похожее на одногорбого верблюда. Иконников не успел даже сообразить, что это, как из-за кустов, шипя, словно рассерженная змея, разрывая темноту ночи, взлетела ракета.

При ее мертвенно-бледном свете Владимир увидел крытую машину с торчащей иглой антенны, немца, сидящего на подножке с автоматом на коленях, козырьки блиндажей.

И в ту же минуту послышался резкий возглас:

— Хальт! Вер комт?¹

Молчавший доселе лес обрушился на Иконникова дробным перестуком автоматов: вверх взвились ракеты. Владимир кинулся в кусты, взобрался на сучковатую ольху и притаился в листве.

Ранним утром 9 сентября 1941 года он встретил мальчика-пастушка и от него узнал, что в ближайшей деревне немцев нет.

Как на крыльях, понесся Владимир в дерев-

ню, словно не было позади длинных, полных лишений и опасности семидесяти четырех дней. Сердобольные крестьянки дали краюху хлеба и сказали, что километрах в десяти от деревни стоят наши кавалеристы. Иконников из последних сил поспешил туда.

В небе зажглись первые звезды, когда с пригорка Владимир увидел крытый соломой большой овин на околице и смутные очертания утонувшего в вечерней мгле села. Возле овина стоял красноармеец в брезентовой накидке и зеленой каске со звездой. Гулко забилося сердце. Владимир шагнул вперед.

Дозорный скрылся за овином. Иконников машинально последовал за ним. Из-за угла выставлялось жало штыка.

— Стой! Руки вверх!

Владимир поднял одну руку, вторая висела, как плеть.

В спину тоже уперся штык.

— Свой я, ребята! — радостно воскликнул Иконников.

Привели его к пожилому капитану.

— Где твой полк стоял до войны? — спросил тот.

— А кто им командовал?

Владимир ответил.

Задав еще несколько вопросов, капитан сказал:

— А я вас помню по гарнизонной самостоятельности. Вы ведь танцор? — он снял телефонную трубку и кому-то приказал: — Накормить, одеть и немедленно в госпиталь! — а потом крепко пожал Иконникову руку: — Ну, младший лейтенант, желаю успехов!

— Знакомьтесь. Командир вашего экипажа. Все трое — штурман Шевченко, стрелок Поляков и радист Страхолет — с недоверием смотрели на маленького, щуплого Иконникова.

— Товарищ подполковник, — обратился Шевченко к командиру полка, когда Владимир вышел, — мы с этим малышом летать не будем. Он, наверное, и штурвал-то толком держать не может.

Подполковник ухмыльнулся:

— Не торопись с выводами, лейтенант.

Владимир и сам чувствовал, что в его отношениях с товарищами не все гладко. Правда, приказы его выполнялись безоговорочно, как и положено в армии, но не было той душевной близости, теплоты в отношениях, без чего экипаж не может считаться вполне боеспособным. Помог случай.

Однажды летели к Калуге бомбить железно-

¹ Стой, кто идет?

Бомбы не сбросишь: внизу свои. Садиться с «начинкой» крайне рискованно. А тут еще, как назло, метель поднялась.

Владимир спросил у товарищей, что они предлагают делать. В ответ — молчание.

— Стрелок?

— Я... не знаю.

— Радист?

— Как лучше.

— Штурман?

— Вы командир — вам и решать.

Иконников больше не медлил.

— Приготовиться! Иду на вынужденную.

Бомбардировщик с ювелирной точностью приземлился на небольшой заснеженной лужайке, всего в нескольких метрах от глубокого оврага.

Когда, еще не веря в спасение, летчики вышли на землю, Шевченко первый, смущаясь и пряча глаза, сказал:

— Ты, командир, извини нас. Плохо о тебе думали.

— Бросьте, какие счеты, — сказал Иконников. — Нам еще летать да летать.

27 марта 1944 года соединение получило приказ: нанести удар по аэродрому Алакурти, где скопилось более 20 вражеских бомбардировщиков и истребителей. На долю экипажа Иконникова выпала особого рода задача: осветить цель специальными бомбами.

Летчики знают, что такое лететь осветителем

в голове боевых порядков, когда ты первым принимаешь на себя всю мощь зенитного огня.

Пока техники готовили машину к вылету, Иконников собрал экипаж.

— Вылетим минут на сорок раньше. Сдается мне, что сегодня у нас будет крепкий орешек. Осмотримся, пощупаем оборону. Поищем наиболее безопасное направление.

Взлетели.

Машина шла на большой высоте, озаряемая гигантскими сполохами северного сияния. Вот уже до цели остается двадцать километров, пятнадцать, десять... Было похоже, что немцы достигнуты врасплох — ни сигнальных ракет, ни зенитной пальбы. Все спокойно там, на земле. Но Иконников слишком хорошо знал своего врага — хитрого, коварного, бдительного.

С каждым оборотом винтов все ближе фашистский аэродром. Иконников поставил винты на «большой шаг». Начинать освещение еще рановато. Иконников смотрит на часы. И вдруг земля внизу словно бы раскололась на части. Огромное кольцо пламени стремительно взметнулось вверх. Это пришла в действие система немецкой зенитной обороны. Летчик свалил машину на левое крыло и перевел в пикирование. Черные шапки зенитных разрывов курчавились совсем рядом. Еще залп, еще. Но мимо.

Вышли в безопасную зону. Осмотрелись. Решили зайти с запада.

Но немцы были настороже. До цели остава-

лось добрых пять километров, а по небу уже шарили длинные щупальцы прожекторных лучей, надрывались зенитки.

— Разворошили осиное гнездо, — сказал Иконников, — немного поторопились.

А теперь время подстегивало: основная группа бомбардировщиков уже на подходе к цели.

Набрали высоту и легли на новый курс. На этот раз зашли на вражеский аэродром с севера.

— Вешать фонари будем с крутого снижения, — скомандовал Иконников.

Зенитки молчали, и эта настороженная коварная тишина давила тяжелым прессом. Что задумали немцы?

— Выхожу на цель!

Едва штурман произнес эти слова, как вся мощь зенитного огня снова яростно обрушилась на машину.

Самолет затрясло, словно в лихорадке. Оглушительный удар. Машину швыряет на правое крыло. Страшный, леденящий душу вой и свист врываються в кабину.

— Живы? — кричит Иконников и, услышав ответные голоса друзей, бросает «бомбера» в пике.

— Пошли, родимые! — возглас штурмана Шевченко заставил на миг оторваться от приборной доски.

Вот ослепительно вспыхнули и повисли над землей гигантские люстры светящихся бомб. Спокойно покачиваясь на парашютах, они залили аэродром холодным серебристым светом.

— Теперь — домой! — выводя машину из пике, крикнул Иконников.

Зону обстрела преодолели благополучно. Но неожиданно левый мотор поперхнулся и умолк. В плоскости возле маслобака зияла рваная дыра, а вся задняя часть центроплана покрылась маслом.

— С шасси что-то случилось: левая нога вышла только наполовину, — доложил Шевченко.

И тут снова блеснул Иконников летным мастерством. На одном моторе добрался до базы, почти час кружился над аэродромом, пока не сели все другие самолеты, а затем приземлил свою машину. Крыло еле-еле держалось на слабом заднем лонжероне и тонкой обшивке.

— Да-а, — протянул сержант Страхолет. — Как еще оно не отвалилось в воздухе!

Давно известно, что воюют не числом, а уме-

нием. И смелость, смекалка, хитрость далеко не последние компоненты, из которых складывается победа.

Летом сорок четвертого немцы готовили контрнаступление на Первом Прибалтийском фронте и стягивали резервы. На станции Тильзит скопилось шестнадцать эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами. Тильзит — второй по величине город Восточной Пруссии и крупнейший железнодорожный узел.

Ночью 26 июля тревожно загудели паровозные гудки, ножницы прожекторных лучей тщательно стригли черноту неба. 30-й гвардейский авиационный полк обрушил смертельный груз прямо в паутину железнодорожных путей. Превратились в крошево станционные постройки, пакгаузы, склады, эшелоны.

И тут опять отличился экипаж Иконникова. Дело было так.

Воздушный стрелок Мельник раздобыл где-то пачку немецких сигнальных ракет. Перед полетом на Тильзит Иконников прихватил их с собой.

Еще раньше он обратил внимание, что стоит немецкому самолету, случайно попавшему в луч своего прожектора, выпустить такую ракету, его сразу оставляют в покое: «Свой, лети дальше».

На подходе к городу пилот заметил, что вражеские ночные истребители несколько раз дали сигнал красной рассыпчатой ракетой. Иконников решил попытать счастья: приготовил такую же ракету и лег на боевой курс.

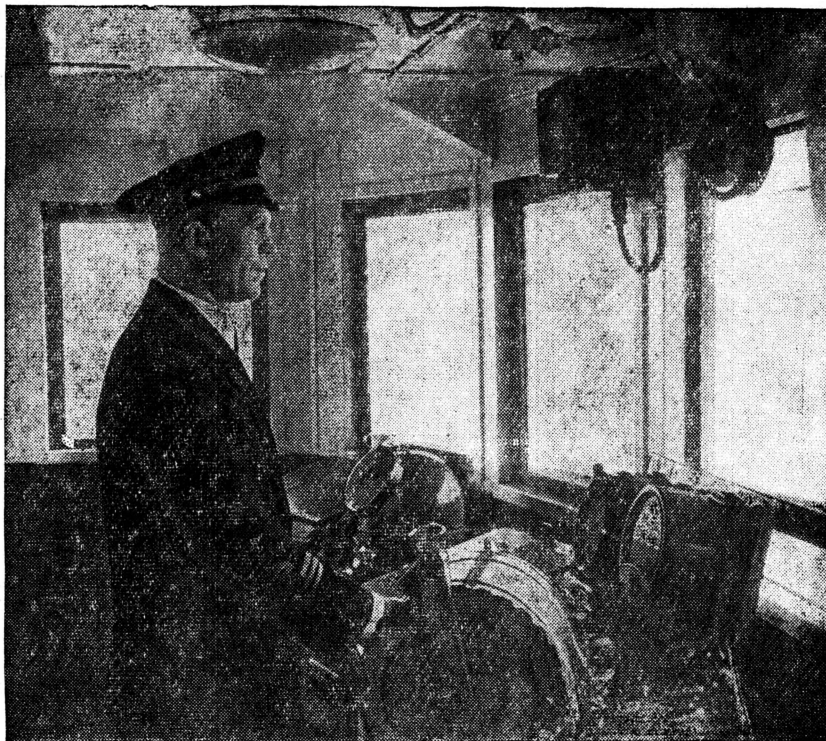
Как только его самолет стали нащупывать прожекторы, он выпустил ракету, и тут же его оставили в покое. Подошли, прицелились и отбомбились, как говорится, «на все сто».

Вот строки из боевой характеристики летчика Иконникова:

«За период с 26 июня 1941 года по 30 апреля 1945 года совершил 285 боевых вылетов, из них 153 — ночью. 142 раза летал в глубокий тыл противника, обрушил на головы врагов 397 тонн металла. Бомбил Берлин, Будапешт, Кенигсберг, Варшаву, Тильзит, Инстенбург, уничтожал живую силу и технику фашистов в фиордах Норвегии и на военных базах Финляндии...»

Заслуженный военный летчик СССР, Герой Советского Союза, кавалер двадцати орденов и медалей, полковник Владимир Дмитриевич Иконников и сегодня в небе,

РЕЧНОЙ ДВОРНИК

Каждый год в составе каравана, что вслед за ледоколом пробивается весной из Перми по водохранилищу на север, на Верхнюю Каму, идет несколько необычное на вид судно. Напоминает оно плавучий кран. И в са-

мом деле, краны на нем установлены на корме и на носу. Однако все остальные очертания, как у обыкновенного некрупного буксира. Разве только корма срезана под прямым углом. Да еще вместо названия на борту написан шифр —

«ДТС-3». Расшифровка его звучит так: дноочистительный тральный снаряд. А цифра — порядковый заводской номер. Немного еще выпущено таких судов. На Каме оно пока единственное.

В просторечье называют это судно теплоходом. На самом деле «ДТС-3» — дизельэлектроход с водометным двигателем, что позволяет ему плавать на мелководье. Оснащен он несколькими лебедками, двумя мощными установками для

откачки воды, компрессором для подачи воздуха, потому что функции у этого работяги обширные: он и дно чистит, и аварийно-спасательную службу несет, и осмотр подводных сооружений производит. Забот хватает на все лето.

Весной «ДТС-3» идет от переката к перекату, расчищает их, делает безопасными для движения. Крепко-накрепко встает судно на четыре якоря. И в мутную, холодную, кипящую в весенней ярости воду спускают водолазов. Их на судне четверо — Владимир Недорезов, Аркадий Пулькин, Владимир Ядовин, и старший из них потомственный водолаз Афиноген Гилев.

Сколько опасностей подстерегает водолазов. На перекатах застревают затонувшие бревна. Бурный поток сбивает водолаза с ног, норовит запутать шланг. Видимости практически нет никакой, передвигаться приходится на четвереньках. И не просто передвигаться, а работать. Надо цеплять бревна стропами, — их потом поднимают из воды. Надо разыскивать затонувшие якоря и лоты. А случается,

что «ДТС-3» поднимает со дна и затонувшие катера.

Летом у путейцев другая работа. Правда, они опять чистят фарватер на громадном участке от устья Вишеры до плотины Воткинской гидростанции. Но делается это уже по-другому.

Сначала там, куда должны спуститься водолазы, проводится траление. Для этого два небольших катера, идя параллельным курсом, тянут трал, а попросту говоря — трос с грузом. Зацепится трал за что-нибудь, подходит «ДТС-3» и начинается работа водолазов. Помогают им мощные краны — один грузоподъемностью двадцать тонн, второй — десять тонн. Ими уверенно управляет механик, он же первый штурман Анатолий Терентьевич Ефимов.

В 1964 году пришел этот дизельэлектрорход на Каму. И с тех пор командует им потомственный речник капитан Александр Алексеевич Смирнов.

А. ГРАЕВСКИЙ

ИЮЛЬ ВИСОКОСНОГО ГОДА

Повесть

В длинной и мягкой кедровой хвое сидели, как в гнездах, розовато-коричневые шишки. Могучие кедры росли на вершине горы. А на склонах — молодые сосенки да осины.

В распадке — поляна солодки, будто бледно-фиолетовое озеро среди гор.

От палящего солнца цветы и травы раньше срока перезрели. И хотя только началась вторая половина июля и неделю назад прошли теплые дожди, первые за все это сухое лето, на солнцепеках уже сморщилась и засыхала на корню крупная алтайская клубника...

В зарослях целебной солодки, два-три корешка которой могли восстановить силы после тяжелой болезни, лицом вниз лежал человек.

Спутанные черные волосы, тонкая мальчишеская шея, клетчатая, порванная, но еще не успевшая выцвести ковбойка, коричневые техасы с выстроченными многочисленными кармашками и отклеившаяся на носках, изремкавшаяся, но еще ярко-красная резина кедров — все говорило, что парень городской и что так, распластавшись, обнимает эту землю потому, что беда над ним нависла...

Руки и ноги его время от времени вздрагивали и тут же замирали. Ему казалось, что он все еще карабкается к вершине, что вот еще немножко, и он поднимется на нее, туда, где стоят могучие кедры, поднимется, и это будет последняя гора. С нее он увидит поселок и реку. А там люди...

Сколько таких гор он уже миновал?..

Ушел он ночью и в первое утро понял, что заблудился, но страха не было: деревья и кусты после дождя стояли такие мирные, затихшие, успокоенные. Он — здоровый, выносливый. Ничего страшного не могло случиться. Он разыщет дорогу, только надо очень торопиться...

Речка, которая должна была привести к поселку, куда-то спряталась, дорога, на которую он выбрался и доверился ей, завела в тупик, в густые травы.

Парня обступили веселые горки, поросшие молодым подлеском. То тут, то там он замечал поляны клубники. Но не задерживался.

Он взбирался на одну горку, казалось, последнюю, а за ней открывалась другая. А ему надо было спешить...

Светлана любила ездить на поездах. Все, что связано с вокзалом, с поездом, вызывало у нее восторг!

Она не могла понять людей, которые шли с чемоданами на вокзал, а лица у них были скучные. Но слезы на перроне она, еще когда маленькая была, отлично понимала. Тем, кто провожает, до слез обидно, что они сами никуда не едут, а те, которые уезжают, плачут от радости: через минуту за вагонным окном замелькают дома, потом железнодорожные будки, потом далекие деревни, незнакомые города.

И вот... она едет, а лицо у нее совсем нерадостное, бледное, глаза испуганные.

Такие же испуганные и у родителей. Они стоят на перроне. Поезд вот-вот тронется, а они даже рукой не взмахнут.

Отец курит, а мама — у нее только веко держится.

Как они радовались, что все обошлось с ее ногой. А когда узнали, что Алексей не вернулся...

Отец хотел ехать с ними. Но Юрий Кузьмич — отец Алеши — решил: до Элекмонара они доберутся вдвоем со Светланой, если Алексей там, телеграфируют. Если нет, поедут к пастуху, который нашел Светлану. А после будет видно, что делать... Может быть, потребуется помощь из города. Надо, чтобы Светланин отец оставался дома.

На прощанье отец сказал ей:

— Даже за неумышленные ошибки мы должны расплачиваться...

Вагон начинает медленно отплывать в сторону. Родители не торопятся, как обычно, вслед за окном, а только отходят в глубину перрона, чтобы еще какое-то время видеть ее.

Но вот уж и нет их. И сразу же Юрий Кузьмич, большой, шумный, обычно-то суетливый, а сегодня особенно взвинченный, в который уж раз за последние три часа спрашивает:

— Как ты могла не позвонить? Сразу же! Не послать телеграммы? — и, не дожидаясь ответа, стараясь поймать ее взгляд, опять спрашивал: — Сколько уже прошло?

— Восемь дней, — механически повторила Светлана и ушла в купе.

Приткнулась к окну, сжалась. Но Юрий Кузьмич тоже вошел в купе, сел напротив.

— Восемь дней! — произнес он и провел пятерней по седым взлохмаченным волосам. Грузный, весь запаленный, он покачал головой. — Восемь дней!

Хорошо еще, что в купе никого больше нет.

— Он там... В заезжем доме. С ним ничего не случилось, я уверена, — как можно тверже говорит Светлана, чтобы успокоить Юрия Кузьмича.

За окном печет солнце, в вагоне — духота, а ее все время знобит, и холодная испарина покрывает спину и руки. Она плотнее завязывает капроновую косынку на жестких, непослушных, кирпичного цвета волосах.

— Уверена! Она уверена! — резко поднимается Юрий Кузьмич. — Надо было самолетом лететь, а не тащиться поездом!

— Все равно прилетели бы поздно и машины не достали, — тихо, сдержанно отвечает Светлана. — А так в шесть утра будем.

— А если уже опоздали?! — заглядывая ей в глаза, спрашивает Юрий Кузьмич.

У нее не хватило сил на этот раз выдержать его цепкий взгляд, отвернулась к окну.

Терпеть, терпеть...

«Все это не главное, — твердила себе Светлана. — Только добраться скорее до Элекмонара и встретиться с Алешкой. Что могло с ним случиться? Ну, ладно, родители склонны преувеличивать — это было и будет. Но почему Алексей до сих пор не дал о себе знать?»

Только бы он там оказался... Все остальное не главное. И то, что оставил он ее одну в горах, и то, что не приехал в больницу попроведать. Это теперь не главное...»

За окном убегали назад уже последние домишки города, телята около плетней, баньки.

И тогда, в начале июля, мелькали эти же домишки, может быть, эти же телята... Сегодня духота, а тогда накрапывал дождь, и крыши влажно поблескивали, а Светлане казалось, что все улыбалось и звенело.

Они оба с Алешкой радовались, что едут вместе, что наконец-то вырвались, что задуманное осуществилось.

Она гордилась собой: совсем уже самостоятельная, совсем уже взрослая, если их одних отпустили в горы на Алтай.

Алешка, наверное, думал о том же, его глаза были веселыми, пухлые губы улыбались...

Светлана отвернулась от окна и зябко повела плечами... Алешкины веселые глаза под густыми и черными сросшимися бровями, его улыбка... Нет, нет, все не так страшно, как думает Юрий Кузьмич. Завтра они доберутся до заезжего дома, узнают, что Алешка там: рыбачит с Николаем или пишет этюды. Тревога растает. И если кто виноват, то только не она, виноват сам Алешка. Она скажет ему, все скажет... Только бы он оказался у Николая...

До седьмого класса они жили в одной квартире. Комната у Алешкиных родителей, и комната — у Светланиных. Их часто вместе кормили на кухне. Светлана постоянно залезала своей ложкой в Алешину тарелку: попробовать — не вкуснее ли ему дали. Кто-нибудь из родителей, по очереди, гулял с ними или водил

их в театр. Бывало, что они и ссорились, даже дрались. Синяки всегда доставались Алешке, потому что ему внушали: мальчик не должен обижать девочку, даже если она не права. И Светланке было приятно это неизменное заступничество.

Когда пошли в школу, вместе делали уроки. Обычно в Светланиной комнате, потому что у Алешки всю комнату занимал его отец со своими красками, кистями, мольбертом, похожим на огромный трехногий циркуль. Карандашными набросками, незаконченными этюдами Юрия Кузьмича был завален угол даже в общей кухне.

Однажды Юрий Кузьмич устроил в коридоре их общей квартиры выставку Светкиных и Алешкиных «картин». Он говорил, что ребята «чувствуют цвет».

Светлана ревностно следила, чья картина больше понравится.

По совету Юрия Кузьмича они с Алешкой писали маслом угол противоположного дома, который виднелся из кухонного окна. Угол дома из серовато-коричневых потемневших бревен, и рядом только что распустившиеся прозрачно-зеленые листочки на старом тополе...

У Алешки вся картина состояла из каких-то цветных пятнышек. Сквозь них еле просвечивал дом и тополь. Светлана же вывела каждый листочек. Она старалась...

А все смотрели на Алешкину работу. Светлана картон будто не замечали.

Она дождалась, когда все ушли из коридора, и черной краской залапала Алешкин рисунок.

Она до сих пор помнит, с каким наслаждением шлепала тяжелой черной кистью по зеленым, почти шевелящимся листьям...

Ее не наказали. Отец посмеялся, сказал, что с таким характером дочка не пропадет, не даст себя в обиду. А мама, кажется, расстроилась, но отцу не возразила. И Светлана — в который раз — убедилась, что ей все дозволено, что обиду прощать нельзя.

А вот Алешка даже не обиделся. Той же черной кистью подрисовал у клякс ушки, хвостики, лапки, да так удачно, что сам Юрий Кузьмич расхохотался...

В седьмом классе после какой-то контрольной работы Алешка дождался Светлану в коридоре школы и спросил:

— Кто тебе больше всех нравится в нашем классе?

— Из девочек или из мальчиков? — уточнила Светлана.

Он надулся, брови — уже тогда почти сросшиеся — насупились:

— Из мальчиков.

— Ты, — смело ответила Светланка. — А тебе из девочек?

— Ты! — и брови его распрямились, нахмуренный лоб разгладился...

Теперь-то Светлана понимает, что это было настоящее объяснение.

Той же весной у Алешки умерла мать. Светлана и не знала, что она давно была больна, и запомнила ее суетливой, веселой, в светлых нарядных платьях.

Снег уже растаял, но в день похорон подморозило и все припорошило поблескивающим инеем. Было очень светло, и желтая глина, выброшенная из могилы, резала глаза...

К осени Алешкиному отцу дали мастерскую: огромную комнату, в которой легко поместилась бы вся прежняя квартира. На обычных пятиэтаж-

ных домах нового заречного района надстроили для этих мастерских специальные мансарды.

Алешка с отцом переехал туда жить, но из школы не ушел, хоть и далеко ему было теперь.

И вот уже последние школьные каникулы. После десятого класса никаких каникул, по существу, не будет: вместо них — экзамены на аттестат, а потом — в институт, если удастся.

Этим летом их в конце концов и отпустили на Алтай: надо же в последние каникулы как следует отдохнуть...

Мысль об Алтае подал Юрий Кузьмич еще зимой.

Светлана пришла к ним послушать последние Алешкины магнитофонные записи. Если бы не мама, которая вечно требует: «После школы приходи Алешку, хоть покормлю его», — Светлана день и ночь торчала бы у него. Очень уж ей нравилось Алешкино необычное жилище.

В высоченной мастерской — или, как называл ее Алешка, в студии — было два огромных длинных окна, одно вытянутое горизонтально, другое вертикально. Художникам необходим верхний свет, поэтому окна начинались у самого потолка.

В студии Юрий Кузьмич выстроил для Алешки комнату. Комнату на антресолях!

Как войдешь в мастерскую, сразу же узенькая деревянная лестница с перильцами ведет на антресоли. Их поддерживают хитро выточенные, будто закрученные, колонны. Юрий Кузьмич зовёт антресоли попросту полатами.

Хотела бы она, Светлана, иметь в своей квартире такие полати! А с каким шиком Алешка на них устроился.

Узенькая тахта, низкий журнальный столик вместо письменного. Прямо на полу телевизор и ковер перед ним, чтобы сидеть. Рядом с телевизором гантели и здесь же магнитофон.

Если ты сидишь на тахте или на ковре, тебя не видно из мастерской, а сам ты всегда можешь встать и посмотреть, что там внизу делает Юрий Кузьмич: барьер вокруг антресолей в половине человеческого роста.

Внизу, в мастерской, все было массивным, похожим на самого хозяина: вдоль стен широкие стеллажи и столы из почти не струганных досок. И везде книги, банки с красками, деревянные и глиняные горшки с кистями. Под антресолями широкая и высокая лежанка, застланная пушистым клетчатым пледом, круглый обеденный стол и платяной шкаф.

Передняя стена в мастерской, не занятая стеллажами, заставлена загрунтованными холстами на подрамниках, увешана этюдами. В центре мастерской, широко раздвинув деревянные ноги, крепко стоит мольберт.

Скучной казалась Светлане после всего этого красочного беспорядка ее квартира — они теперь занимали обе комнаты — с коричневой полированной мебелью, тюлем на окнах и почти аптекарской чистотой.

Светлану мирило со своей квартирой только то, что Алешка тут чувствовал себя как дома: он по-хозяйски шел умываться в ванную, здесь у него было даже свое полотенце, привычно орудовал на кухне, когда они вместе приходили из школы. И однажды по телефону — был особенно морозный вечер, и его оставили ночевать — сказал отцу: «Папа, ты не беспокойся, я дома переночую».

Зима этого високосного года была необыкновенно суровой. Сорокаградусные морозы с вет-

ром жали изо дня в день. Деревья обросли толстым куржаком. Солнце поднималось поздно и еле просвечивало сквозь морозный туман. Вдоль дорог выросли сугробы, и казалось, что люди пробирались по снежным туннелям.

Старшие школьники и студенты нередко выходили расчищать железнодорожные и трамвайные пути. То и дело вдоль улиц, прижавшись тупыми носами друг к другу, замирали троллейбусы: дороги переметало длинными снежными шлейфами. Говорили, что даже в Сибири никогда еще не было такой суровой зимы.

В тот вечер, когда впервые зашел разговор об Алтае, троллейбусы не ходили, Светлане и Алешке пришлось бежать из школы против обжигающего ветра. Юрий Кузьмич по очереди оттирал им щеки лоскутом малинового фетра. А потом налил по рюмочке коньяку, они ели консервы и пили крепкий чай с огромными бубликами.

— А на Алтае я пил чай с душицей, — громко, со вкусом отхлебывая горячий чай, сказал Юрий Кузьмич. — Очень полезная травка. Заварила ее мне Анна — отличная женщина. Хозяйка заезжего дома в Элекмонаре. А какой у нее муж! Рыбак заядлый! И второй такой доброй души на всем Алтае не сыщешь! — Юрий Кузьмич толсто намазал свой бублик маслом, едва прожевав, проговорил: — Немало излазили мы с Николаем горных речек, немало хариусов выудили... Вот бы вам куда съездить!

Так начался этот разговор. А через полчаса, когда были пересмотрены алтайские этюды Юрия Кузьмича и выслушан рассказ о знаменитом художнике Гуркине, родное село которого — Анос — рядом с Элекмонаром, Алешкин отец уже звонил Светланиным родителям:

— Это абсолютно безопасно, — убеждал он Светланиного отца. — Я напишу моим друзьям — Анне и Николаю. А нашим будет полезно почувствовать себя самостоятельными. — Он нетерпеливо выслушал, что ему говорил Светланин отец, и ответил: — Да никаких трудностей. Поездка по Чуйскому тракту теперь все равно, что по городскому проспекту: асфальт, такси...

«Вот ведь... сами же отпустили... И Юрий Кузьмич... Теперь мечется по вагону. А ведь сам же первый... Нет, все-таки в чем-то и моя вина. Не потащи я Алешку на Караколы, ничего бы не случилось. Этого еще не знает Юрий Кузьмич...»

Поезд звонко простучал по железнодорожному мосту через маленькую речку, почти пересохшую.

Не эту ли речку проезжали они, когда начался тот разговор? Алешка вдруг посерьезнел и сказал:

— Странно, мы радуемся, что едем, а твои родители, наверняка, волнуются.

— Может быть, — ответила Светлана.

Они помолчали.

— Хочешь, я скажу тебе... — произнесла Светлана. — Ни маме, ни папе, ни девочкам — никому не открою это.

Яркий румянец залил ее лицо. Светка вообще очень легко и быстро краснела.

— Говори, — усмехнулся Алешка. — Я тронут доверием.

— А ты не смейся. Это очень серьезно.

— Ладно, говори.

— Так вот, я поняла... Знаешь, что я поняла?

Каждый человек живет сам по себе. Это мы только делаем вид, что живем все вместе. Дудки! Каждый заботится только о себе. Вот даже мы с тобой... Нам путешествие — радость. А там — беспокойство.

Алешка смотрел на нее улыбочиво: опять очередное завихрение? Как-то она собралась уходить из дома, поступать работать и жить на собственные заработки: иначе никогда самостоятельной не станешь. Теперь что-то новое. Услышала где-нибудь или прочитала?

— Ну, вот представь, — говорила Светлана, — пошли бы мы с тобой в институт, допустим, в медицинский. А было бы всего одно место. Или тебя примут или меня. Что бы ты стал делать?

— Уступил тебе, — ответил Алешка.

— Врешь! Сразу бы подумал: не поступлю в институт, пойду в армию. Все пере забуду...

— Скорее всего в армию и пойду.

— А другие-то не хотят! — и зеленые, веселые Светланкины глаза прищурились подозрительно, будто Алешка и правда собрался вырвать у нее это единственное место в институте. — А я?! Думаешь, я бы отступила, если я очень хочу в медицинский? Ах, что тут говорить! Знаешь, что бы я сразу подумала? Нынче у меня есть шанс поступить в институт. А будет ли он у меня еще раз? Вот и получается... Нет, ты только подумай: даже мы с тобой в первую очередь будем заботиться не друг о друге, а каждый о себе.

— Да брось ты наговаривать на себя! — рассердился Алексей. — Если бы все так стали делать, не очень-то уютно было бы на нашем шарике! Ведь кроме профессии у человека еще что-то есть... Ну, не знаю, как назвать... Ну, понимаешь... Вот я, например... Может, из меня не получится ни Курчатова, ни Рериха. Понимаешь? Ну ведь я все равно человек.

— Вот-вот! Горький говорил: «Человек — это звучит гордо!» Из школьной программы. Эх! — досадливо рассмеялась Светлана. — Видно, действительно, мужчины развиваются позже...

А поезд весело бежал мимо деревень, звенел по железнодорожным мостам через речонки и степные буераки...

Вперед, вперед! К Алтайским горам!

Мигнул и только потом уж по-настоящему зажегся продолговатый плафон под потолком купе. И сразу окно сделалось зеркальным: вместо маленьких домишек и низкого вечернего неба она увидела свое лицо: темные глазницы, плотно сжатый рот. Оглядела купе, будто только что вошла в него. Медленно поднялась, разобрала обе постели.

Юрий Кузьмич курил в коридоре.

Раздеваться не стала, так, в ковбойке, в джинсах и забралась под одеяло...

Юрий Кузьмич вошел в купе, но почему-то не стал ложиться, а потеревил ее за плечо:

— Вставай, приехали...

Светлана открыла глаза: в окно уже заглядывало ясное, солнечное утро.

Не расчесывая волосы, она завязала их опять косынкой. За окном уже мелькали пристанционные склады, старая водоканка. Играли первые блики солнца. И вдруг опять все сегодняшнее потускнело...

В то утро было пасмурное небо, они бы с Алешкой проспали, спасибо, разбудила проводница.

Все восхищалось тогда Алешку.

— В хорошую компанию мы попали! — он насмешливо рассматривал пассажиров, которые высыпали из вагонов, словно горошины из стручков.

Группы бородачей в штормовках и вязаных детских шапочках, и совсем еще ребятишки, наверное, пятиклашки — в разноцветных брючках, с огромными рюкзаками, с заспанными глазами. Рядом с ребятишками учительница, тоже в брюках, тоже с огромным рюкзаком и подчеркнuto уверенным лицом.

— Куда повезла она этих цыплят?

Положим, и они с Алешкой, наверное, выглядели довольно смешно. Он — длинный, будто на шарнирах, в толстом полосатом, всех цветов радуги свитере, с рюкзаком, этюдником и рыболовными снастями в сатиновом чехле — Светлана сама шила. Она — с рыжими торчащими косичками, в узких — только влезть — джинсах, черной курточке с клетчатым капюшоном. И у нее — рюкзак да сумка с мамиными пирогами.

Хорошо еще, что в последний момент оказалась от своего этюдника, все равно ей художником не быть.

Они вовсе не собирались с Алешкой «пижонить». Так уж подобралось: и полосатый свитер и клетчатый капюшон. Но приятно было чувствовать, что все на тебе новенькое и сидит ловко...

С Юрием Кузьмичем, так же как и в то утро с Алешкой, вышли они на привокзальную площадь.

Вот и схема Алтая на большом фанерном щите. Юрий Кузьмич не взглянул на нее. А тогда они с Алешкой остановились...

Почти вся схема была густо-зеленого цвета, только на самом верху, — на схеме совсем не так, как на географических картах, юг был наверху, — плотно переплелись коричневые веточки гор.

От черного кружочка, обозначающего Бийск, почти посредине схемы тянулась лента Чуйского тракта. Майма, Манжерок, Усть-Сема...

Схема была так велика, что надо было встать на цыпочки, чтобы дотянуться до нужного им Элекмонара. Убедившись, что он существует, вскинули поудобнее рюкзаки и пошли на автостанцию.

Длинный, выкрашенный в зеленый цвет навес с высоким полом и тремя стенками — похоже на летнюю эстраду — был уже битком набит пассажирами: кто-то спал поверх сдвинутых рюкзаков, кто-то жевал, кто-то играл в карты.

И вдоль всей эстрады, обтекая рюкзаки и заснувших путешественников, к кассе тянулся хвост очереди.

— Ты найди последнего, а я пойду сориентировать, — сказал ей Алешка.

— Шагай! — откликнулась Светлана и встала в очередь за молоденькой цыганкой с ребенком на руках.

Замерзший цыганенок — его смуглое лицо будто выцвело — лупился из-за материнского плеча на Светланкины морковно-золотистые косицы.

Она полезла в карман за конфетой, но прежде чем протянуть ее малышу, спросила у матери: — Можно ему «Кофейную»?

Та холодно взглянула на нее, но видно круглая Светлана физиономия ей приглянулась, черные глаза потеплели, дрогнули в улыбке яркие губы.

— Ему, красавица, все можно! — и сколько достоинства, материнской гордости было в этой улыбке. — Счастливая будешь! Вспомни мое слово...

И Светлане страшно захотелось не ездить ни в какой Элекмонар, а поехать с этой цыганкой, а потом с ее табором кочевать по Алтаю. Ей уже виделись шатры, цыганские пляски и они с Алешкой у цыганского костра...

Б ыстро в машину! — она и не заметила, как подъехал Юрий Кузьмич на серой «победе» с шахматным пояском.

Светлана дожидалась его около автостанции, присев на край деревянного настила.

Со вчерашнего дня Юрий Кузьмич ни разу не назвал ее по имени. Кто она для него? Взбалмошная чужая девчонка? Недруг? Что Юрий Кузьмич сейчас о ней думает?

Пусть считает недостойным даже имени. Зато потом, когда они встретятся с Алексеем, ему будет совестно. Теперь уж скоро. Три-четыре часа дороги, и Элекмонар. И, конечно, Алешка...

Какое солнечное утро! Наверное, опять будет знойный, душный день. И Катунь вся на виду. А тогда был туман, и река открывалась мельком, в просветах тумана. Она была составная, будто рядом неслись сразу несколько рек: у берега желтовато-мутная струя текла спокойнее, а на середине зеленоватый поток несся, как выпущенный мощным насосом.

Не достав билетов на автобусной станции, они договорились с шофером грузовика, который вез в Майму соль. Ехать на комьях соли, хоть и прикрытой брезентом, было, конечно, не очень-то удобно. И холодно. Они натянули на себя плащи и все-таки дрожали, как кутята. Но было весело.

Туман густел, машина шла медленно, высвечивая фарами белесую муть, кромку дороги. В Майме они еле сползли с этой проклятой соли, заплатили шоферу по рублевке и выпили в чайной по пять стаканов горячего чая с мамиными пирогами.

А через час уже катили по Чуйскому тракту в отличном автобусе.

За Маймой погода была совсем другая, и хотя ночью, наверное, тоже шел дождь, но тучи поднялись, в разводах проглядывало ярко-синее небо, а сквозь облака уже просунул растопыренную лапу горячий солнечный луч.

От черного асфальта и намокших деревянных крыш поднимался пар. Живые тени облаков плыли по траве, по вершинам гор, пересекали ленту Чуйского тракта. Светлана сидела у открытого окна, ловила ртом упругий горный воздух, говорила в самое ухо задумавшемуся Алешке:

— Мы с тобой всю жизнь будем путешествовать! Согласен?

В каком-то селе автобус остановился у самого базарчика. Они увидели крохотный домик, срубленный из толстых бревен, на синей вывеске над дверями домика внушительно написано: «База». Что на такой игрушечной базе можно было хранить?

На базарных столиках, еще не просохших после ночного дождя, стояли ведра с огурцами и малиной.

Алешка выскочил из автобуса и через минуту подал ей в окно малосольный огурец с укропным листиком на боку. Прохладный, душистый огурец.

— База по сбору дикорастущих лекарственных трав — вот такая это база! — сказал Алешка. — А стоим мы в Манжероке — помнишь у Шукшина?

И даже то, что это село уже знали по фильму, казалось тогда знаменательным.

Это Манжерок, — сказал Юрию Кузьмичу шофер с плоским серебряным перстнем на мизинце.

И зачем только насадил на палец этот перстень?!

Светлану знобило, может, поэтому ей был так неприятен и этот перстень и самодовольное лицо шофера... Вот уже и промелькнул пустой еще из-за раннего утра тот самый базарчик и домик с большой вывеской «База». Двери его закрыты на железный болт и огромный висячий замок.

Теперь уже скоро. Около Усть-Семы Чуйский тракт перейдет на левую сторону Катуня. А им — по правой стороне. Там, наверное, полчаса и — Элекмонар.

Если Алешка не ушел на утреннюю зорьку с Николаем, они его застанут в доме...

Когда в первый вечер Анна привела мужа знакомиться с Алешкой и Светланой, Николай только и сказал одну фразу:

— Мутная еще Катунь...

Это значило, что рыбалка плохая, вот вода посветлеет, пронесут горные речки теплую воду с белков, тогда и начнется клев. Это все он рассказал потом, исподволь, слово за словом. А в тот вечер только и сказал: «Мутная еще Катунь», — но все-таки терпеливо ходил с ними и на вечернюю и на утреннюю зорьку. Будил их до солнца, и они шли мимо спящих домов, закрытой почты и правления колхоза, тихих окон детского санатория. А на третье утро Анна уговорила Светлану сходить по клубнику. Алешка с Николаем ушли рыбачить, а они отправились в горы. Тогда-то она и рассказала, что у Николая в верхушке легкого сидит осколок, еще с войны. «Чуть маленько, и худо Николаю-то». Вытащить осколок нельзя, потому что он в самом опасном месте. Так и дрожит всю жизнь Анна за здоровье мужа.

— Никакого скресу от этого не знаю, — жаловалась она Светлане.

Удивительно, как быстро они с ней подружились. Будто ровесницы!.. Конечно же, Алешка там, у них! Ну и задаст же она ему! Даже не написал... Эгоист чертов!

Вот и Усть-Сема. Тогда им с Алешкой показало, что автобус, сойдя с Чуйского тракта, нырнул прямо в тайгу. Но дорога чуть повернула, и опять с правого бока зашумела Катунь. За ней на небольшой поляне пасся табун невысоких лошадок...

Где-то здесь автобус двигался медленно, потому что случился оползень, дорогу завалило, рабочие успели очистить от камней только узкий проезд.

Может, здесь это и было? Огромная сосна с наполовину вывороченными корнями нависла над водой, около нее по краю дороги стоят беленькие, свежескрашенные дорожные столбики.

Вот и горы чуть отошли от Катуня, образуя долину, засеянную овсом. Поле уже серебрится: овес поспевает. А тогда еще был зеленый.

Вот и высокий забор из тесовых плах, около забора навес, а под навесом — мешки с «золотым корнем» и длинными, похожими на жгуты, стеблями солодки — самым ценным лекарственным сырьем Алтая. Здесь тоже база. По всему Алтаю эти базы для «дикоросов» — дикорастущих лекарственных трав.

Еще издали Светлана увидела, что на двери заезжего дома висит замок.

— Или рыбачит, или на этуодах, — не глядя на Юрия Кузьмича, сказала Светлана, торопливо выходя из машины. — Я — на Катунь. Я сейчас. Я... Он, наверное, на камнях...

— Только быстро! Найду Николая, и поедем дальше, — голос у Юрия Кузьмича глухой, будто ему сдавило горло.

Незряче отсвечивали окна заезжего дома, когда Светлана пробегала через заросший мелкой густой ромашкой двор...

Катунь оглушила ее грозным ревом. Камни — остатки размытой, расщепленной, искрошенной скалы — заходили в воду почти до середины реки. На камнях никого не было. Никого! Где же Алешка? Что же это?

Светлана обессиленно опустилась на большой валун у самой воды. Не мог же человек просто исчезнуть, испариться?

Камни острыми мокрыми гребнями выступали из режущей пены. И опять сегодняшний день исчез...

Светлана перепрыгивала с камня на камень, закидывая спиннинг... В то утро, когда они приехали в Элекмонар, Николая дома не оказалось, ушел на колхозные покосы. Отправились с Алешкой одни на рыбалку — не терять же

целый день! Но место выбрали явно неподходящее. Блесна то и дело цеплялась за камни.

Алешке это надоело, и он уселся с этюдником на большом валуне.

А Светлана не сдавалась: кидала и кидала спиннинг. Но никто не зарился на серебристую металлическую рыбку-обманку. И тогда она тоже смотала катушку и пошла к Алексею. Только успела взглянуть через его плечо на этюд; как Алешка разорвал его и бросил в Катунь. Лоскутки картона резво подхватила вода.

— Зачем? — удивилась Светлана.

— Не получается, — Алешка принялся мыть кисти. — Посмотри, этот валун живописнее любого этюда.

И правда, валун был пестро-сказочным: синевато-зеленые водоросли обвили камень, на сухой макушке грелись ярко-оранжевые чешуйки лишайника, сквозь желтовато-зеленый «кукушкин мох» прордлись бордовые травинки.

— Это Гуркин вытер о камень свою палитру... — улыбнулся грустно Алешка.

— Не расстраивайся, — Светлана дотронулась до вихра на его макушке.

— Это ты не расстраивайся, горе-рыбак, — ответил Алешка.

Не хочу! Не хочу... — закрутила Светлана головой.

Перед ней опять ревущая река, голые камни, молчаливые горы вдали.

— Светлана! Ты чего? — к ней подбежала Анна. — Ты чего, девонька?!

Глаза Анны тревожны.

Светка соскочила с камня, обхватила низенькую Анну, зажмурилась.

— Где он?

— Его не было здесь. Как вы ушли, так и не было... Вечер привез пастух его рюкзак. Я сразу телеграмму отбила... — Анна склонила голову к плечу. Это она как задумается, так наклонит голову. — Идем, девонька! Юрий Кузьмич велел торопиться... Я-то вас ждала с Алексеем, что вернетесь, ждала с Каракол... Потом подумала: даже проститься не зашли. Рассерчала. А вечер пастух с рюкзаком, удочки еще и ящик для рисования. Зря плохо-то о вас думала. Тут беда... Однако человек — не иголка, сквозь землю не провалится. Искать надо, — она обняла Светлану и повела к калитке.

И Светлана позволяла себя вести, будто была она больной и немощной.

— Я не хочу... не хочу-у, — причитала она. — Этого не может быть...

Анна гладила ее плечо, говорила:

— Успокойся. В жизни всяко бывает. Может, так же, как ты, зашиб ногу или что... И живет где-нибудь в охотничьей избушке... Николай тоже с вами поедет. В правлении мы были. Люди помогут...

Светлана ухватилась за ее слова: «Люди помогут. Конечно, люди ведь не допустят, не позволят, чтобы стряслась беда?»

И когда подходили к машине, с надеждой поглядела на Николая, будто он мог уже сейчас сказать, где Алешка.

Но Николай вроде и не заметил ее прихода, а когда она пробормотала: «Здравствуйте», — поднял глаза от самокрутки, кивнул:

— Здравствуй-ка...

Николай с Анной чуть не одного роста. Только она черноволосая, и лицо круглое, с родинкой на правой скуле, в ней что-то есть алтайское. А он весь белесый: и волосы, и брови, и глаза. Лицо худое, с впалыми щеками, нос острый.

— Нет, никуда я больше не поеду, — угрюмо бубнил шофер. — Рассчитывайтесь, как договорились, и все.

— Да поймите же вы, — говорил Юрий Кузьмич, — там человек, там, возможно, несчастье.

— Машину ломать? Да?

— Свободно проедешь, — говорил Николай, заклеивая сигарку; он курил свой табак с лекарственными травами, которые собирала для него Анна.

— А как я на ту сторону переберусь?

— Где это? Возле пастушьих землянок? — Николай плохо гнуцимися пальцами чиркал спички, у которых обламывались головки: расстроился сильно, узнав про Алешку. Юрий Кузьмич торопливо достал зажигалку. — Там новая лежневка. Куда с добром проедешь!

— Нет. Сказал не поеду, и все! — Перстень на мизинце шофера блеснул зло, холодно. — За каждым туристом в горы гонять — машин не настаиваться.

— Чурка ты! — не сдержался Николай, табак просыпался у него из самокрутки, он кинул ее на землю, придавил сапогом. — Подыхать будешь, меня вспомни... Рассчитайте его, Юрий Кузьмич. Пусть гонит отсюда.. А я в правление, там знают...

Часа через два на «газике» выдавшем виды — его раздобыл где-то председатель правления — они выехали к Караколу. Юрий Кузьмич усадил Николая рядом с шофером — пареньком недавно демобилизованным, судя по его гимнастерке и значкам, а сам сел со Светланой сзади. Седые всклокоченные волосы Юрия Кузьмича взмокли, лицо покраснело.

— Вы снимите пиджак, — посоветовала Светлана, но он, кажется, и не услышал ее.

— Ночевать обязательно приезжайте! — крикнула Анна вдогонку.

«Это она о Николае заботится», — поняла Светлана.

«Газик» пересек мост через стремительный, шумливый Элекмонар, который тут же за мостом впадает в Катунь. Это в нем Алешка поймал единственного хариуса за все три дня рыбалки, как раз в то утро, когда Светлана и Анна пошли по клубнику. Набрали ягод, умаялись, вернулись под вечер. Николай встретил их у Катунь.

— Сидни вам весело будет ночевать! — проговорил он, когда прожевал горстку ягод, зачерпнутых из бидона.

— Ребята с Каракол вернулись, — объяснил Алешка. — Вот натерпелись. Вчера там снег шел. Представляешь?

А когда Светлана высыпала ягоды прямо на стол, в заезжем доме запахло не только клубникой, но и кипреем, и лилиями, и нагретой душицей — целебной травой.

Ребят, что вернулись с Каракол, не было: ушли отмываться на Катунь. В углу стояли раздутые рюкзаки. Даже они казались усталыми: влажные, грязные. Не то, что у них с Алешкой: чистенькие, новенькие — стыдно смотреть.

— А я хариуса поймал! — сказал Алешка про свою удачу.

Но Светлана не оценила в тот момент этого события, она уже думала про другое...

К ужину Анна изжарила хариуса. Его разделили на семь порций.

— Раньше так просвирки делили, — улыбнулась Анна. — Да вы, поди, и не слышали, что это такое, — махнула она рукой.

Ужинать собрались все вместе: каракольские, Анна с Николаем и Светлана с Алешкой. Каракольские — двое обросших щетиной парней и белокурая девушка со шрамом над бровью — ели молча, устали и им было не до разговора. Девушка после купанья надела белую трикотажную кофточку, светлые влажные волосы завивались на висках. Парни поглядывали на нее.

И Светка подумала, что, наверное, они оба в нее влюблены, а она, чтобы никого не обидеть, никогда не скажет, кого любит.

— Мы вполне можем прожить на подножном корму, — рассуждал Алешка, хлебая клубнику с молоком. — Здесь растет трава, корни которой могут заменить хлеб. С сегодняшнего дня я перехожу на самообслуживание... — Рыбацкое счастье сделало его болтливым.

И вообще, тот день был, наверное, самым счастливым, потому уже на другое утро Светлана и Алексей тоже пошли на Караколы.

И Анна, и Николай, и каракольские отговаривали: в горах за клубился туман, над вершинами повисли синеватые тучи. А уж если занепогодило здесь, то можно представить, что творилось там.

— Но ведь всего каких-то тридцать километров! За пять часов одолеем. Ну, пусть за восемь! Дорога же — сами говорите — прямо до озер! — доказывала Светлана.

Алешка, может, и не пошел бы. Он поймал своего первого хариуса и готов был теперь ночевать над удочками. Но ей казалось: все интересное в Элекмонаре уже кончилось. А там — высокогорные озера! Там каракольские белки — вечные снега. Не увидеть всего этого — позор! Надо же когда-то испытать настоящие трудности.

И вот теперь ложится под колеса машины эта «прямо до озер» дорога.

Светлана отлично помнит ее, будто они только вчера шли здесь с Алешкой.

Горы опять перетолкнули дорогу на правый берег Элекмонара. На камни набросаны бревна, а на них насыпана земля. Прорвав в нескольких местах лежневку, журчит Элекмонар. Он здесь уже: десятки родников еще вольются в него, пока он добежит до Катуня.

По этой вроде бы ненадежной переправе спокойно проходят огромные лесовозы с листовничными и кедровыми бревнами. Лесовал идет почти у Каракол.

Всего полчаса потребовалось, чтобы доехать до переправы, а они с Алешкой шли до нее почти весь день...

Сразу же за околицей начиналось огромное поле овса. Дорога расходилась по обе стороны поля, а там, где долина упирается в гору и овсяный клин кончался, дорога снова сливалась в одну.

У нее, у Светланы, в это утро с губ не сходила самодовольная улыбка: это ведь она придумала идти на Караколы. И как хорошо придумала! Вон какая благодать кругом: среди овса васильки и ромашки, над полем огромные бабочки, о чем-то задумались горы. Казалось, растаяли тучи, которые так грозно нависали утром.

— Ты не раскаиваешься, что пошла? — спрашивала Светлана и смотрела на Алешку.

— Не раскаиваюсь.

— Вот видишь, всегда меня слушайся! Давай пойдем по разным дорогам, а там, у горы, встретимся. Знаешь, как интересно, будто каждый один, и в то же время не один...

Они пошли по разным дорогам. Светлана — у тальников вдоль речки, Алешка — у подошвы горы.

Пока клин овса между ними был узкий, они перекликались, а потом поле стало таким широким, что голоса не долетали с одного края до другого. И Светлана услышала летнюю тишину: еле журчит где-то в кустах Элекмонар, и прогретый воздух струился над полем и, казалось, слегка позванивал. Вдали, над овсами, виднелись только Алешкины плечи и голова.

— Э-э-й, Алешка! — она помахала ему березовой веточкой, которой отбивалась от комаров, он ответил, подняв над головой удочки, видно, тоже все время следил за ней.

Всегда все понимает... Другой бы и согласился на Караколы — вроде бы снисхождение сделал. А он и сам доволен. И почему это всегда хочется погладить, поворошить его волосы?.. Нет, зря она придумала идти разными дорогами. Веселее, когда рядом.

Недалеко от того места, где дороги сливались в одну, тальники расступились, и Светлана увидела

около воды узкую песчаную полоску. Они встретились с Алешкой, и она предложила выкупаться.

Солнце подернулось легкой, голубоватой дымкой, было очень душно.

Светлана, стоя на берегу, полоскала руки: горная вода в мелководном Элекмонаре была все-таки теплее катунской. Алешка вошел в воду, сразу же храбро присел. Вода билась о его спину.

И тут Светлана увидела, как с противоположного берега плыла, ввинчиваясь в воду, черная маслянисто-поблескивающая гадюка.

— Алешка, на берег! Змея! — закричала Светлана.

Алешка волчком крутнулся в воде, выпрыгнул на берег.

И вот теперь Светлане кажется, что уже с этого момента она почувствовала какое-то беспокойство... Да, да, именно с той минуты!

Когда они подошли к лежневой переправе, заморосил теплый дождик. Жерди намокли. И в тех местах, где кора была сбита копытами, стерта колесами, жерди стали скользкими.

На одной из этих жердей нога у Светланы подвернулась, соскользнула и застряла в щели. Острая боль прошла до колена.

Светлана охнула. Алешка бросился к ней, помог вытащить ногу, дрожащими руками прощупал лодыжку и сустав. Светлана дергалась от боли.

— По-моему, нет вывиха и перелома нет, — успокоил он.

Светлана подержала ногу в холодной воде, и, правда, боль прошла.

Алешка выломал палку, и, опираясь на нее, Светланаковыляла дальше. Сколько она так может проковылять?

Дождь усиливался. Рюкзак намокли, стали в два раза тяжелее. В кедах хлюпала вода.

И тогда они увидели в горе, метрах в двадцати от ее подножья, темную дыру — пещеру.

— Это же здорово — переждать непогоду в пещере! — закричал Алешка. Он храбрился, говорил громче обычного. А Светлана притихла, боялась, что боль может повториться.

— Разведем костер, обсушимся, чай вскипятим! — отстегнул от рюкзака котелок, зачерпнул воды из родника, который светлой струйкой пробивался из-под ржавых камней, взял Светлану за руку и осторожно потащил в гору.

Пещера оказалась неглубокой, потолок у нее был наклонный, стоять можно было только у входа. А все-таки — крыша над головой.

Только они сняли рюкзаки, по макушке горы так тарахнуло, будто гору кто-то хотел расколоть. И тут же сплошной стеной упал дождь.

Алешка сбросил рубаху и джинсы и выскочил под дождь.

— Куда ты?! Я боюсь грозы! — крикнула Светлана.

— Топлива поищу, а то все размокнет!

Да, оказывается, не очень-то просто терпеть боль. Нога тупо ныла, и в намочшей одежде было холодно. Она огляделась. В пещере уже когда-то разжигали костер: между двумя камнями лежали головешки. В углу, куда не доставал дождь, было припрятано несколько полешек, а под стеклянной банкой на камешке лежал коробок спичек. Кто-то оставил, как руку помощи протянул.

Светлана отжала свои и Алешкины рубашки и джинсы, зацепила их за острые выступы, а сама завернулась в одеяло.

Ей уже казалось, что никакого удовольствия

от путешествия они не испытали. Глупо было нарочно искать всякие трудности: сидели бы дома, ходили бы в театр, за город выезжали — все в тысячу раз приятнее! Никто не испытывал бы тебя на страх, на боль, на одиночество...

Может быть, если бы к ней не пришли тогда эти мысли, она, где-то в самую важную минуту, подумала бы не только о себе. Но сидя под сухим одеялом, дожидаясь Алешку, поглаживая больную ногу, она уже готова была винить всех: втавили ее в эту дурацкую поездку. Даже сердито крикнула:

— Алешка!

И он тут же вынырнул из дождя с длинной лесинкой. С его волос по вискам, по подбородку текли ручьи, на густых бровях повисли дождевики.

— Гляди, на всю ночь хватит! А завтра вернемся в Элекмонар. Ездят же по этой дороге на машинах.

Он растерся концом своего одеяла, потому что полотенца они забрали в ваезжем доме, натянул полосатый свитер.

— Видишь, как хорошо, что захватили топорик, ты говорила — лишняя тяжесть. — И Алешка рубанул по лесине.

Сухие полешки помогли разжечь костер. В пещере запрыгали оранжевые лоскутки пламени, ночь сразу сгустилась, только тени маячили внизу — это тальник столпился у реки да матово поблескивала цепочка лужиц вдоль дороги, будто кто-то набросал слюды.

Дождь стихал, но низкое небо было плотно затянуто тучами.

— Вот и чай готов! А душицы мы с тобой не запасли, — Алешка снял забулькавший котелок.

От всей этой Алешкиной деловитости Светлане стало веселее.

Она опять почувствовала себя надежно: будто можно сесть на ближайшую электричку, и они будут дома.

Обжигаясь они пили из кружек чай, ели хлеб со сгущенкой.

— Сильно болит? — спрашивал Алешка.

— Терпимо, — улыбнулась Светлана.

Рубашки и джинсы подсохли, они натянули их и улеглись около теплых углей, одно одеяло постелив, а другим укрывшись. Отодвинулись друг от друга, чувствуя неловкость. А может быть, это только она, Светлана, чувствовала? Когда они ездили за город и брали одну двуспальную палатку на пять человек, а то и на шесть, никогда никакой неловкости не было. А тут...

— Только бы не проспать, когда пойдут лесовозы... — Алешка говорил уже сонным голосом.

— Я и не усну совсем...

Но он уже не слышал ее, спокойно посапывая. А Светлане ноющая боль мешала уснуть.

Дождь совсем стих. Угли в костре догорали, снизу сильнее потянуло сырým холодным воздухом.

Ей показалось, что кто-то крадучись поднимается к пещере. И в это время Алешка будто почувствовал, что она испугалась, повернулся и положил руку ей на плечо.

Светлана хотела отодвинуться, но Алешка дышал все так же сонно. А его рука лежала доверчиво почти под ее подбородком. И она побоялась пошевелиться, чтобы не потревожить Алешку.

Может быть, он хотел обнять ее? Тогда бы не спал. Она склонила голову и чуть коснулась подбородком его руки.

Сколько же он может так пролежать? Будить нельзя. Это ведь он во сне, он даже не знает, что обнял ее. Нога замыла сильнее. И опять ей послышалась какой-то шорох снизу.

Светлана осторожно отвела тяжелую, но послушную Алешкину руку, приподнялась.

Какие-то тени маячили, шорох то затихал, то снова усиливался. Может, змеи?

Разбудить Алешку, тогда не будет страшно... Но шорох прекратился. Она снова почувствовала себя сильной. Конечно, она сумеет завтра спуститься с этой горы, и они доберутся до Элекмонара.

Ветер, наверное, повернулся и стал задувать в пещеру.

Светлана встала, чтобы подбросить в костер, какой-то камешек вывернулся из-под ноги, она пошатнулась, приступила на большую ногу, и даже губы свело от боли.

— Ты чего?! — вскочил от ее стога Алешка.

А когда она протянула к костру ногу, они увидели на лодыжке темно-фиолетовую опухоль.

— Нельзя ждате, — заволновался Алешка, притрагиваясь к опухоли. — Может, все-таки перелом или трещина. Вгорячах не почувствовала. А может, вывих... Надо срочно! Иду в Элекмонар, достану лошадь и вернусь за тобой...

— Ни за что! — уцепилась за его руку Светлана. — Я одна не останусь...

— Я бегом! Ты понимаешь, дождь. Может, они в дождь не возят никакой лес. А донести я тебя не смогу...

— Я потерплю, — не отпускала его руку Светлана. — Я могу потерпеть.

— Если даже вывих, надо срочно. Тебе здесь ничего не грозит. А к утру я вернусь...

Боль была почти нестерпимой, она прошивала всю ногу и отдавалась в затылке, и, чтобы как-то унять ее, Светлана зажмурилась.

— Только скорее, — попросила она.

— Я налегке, бегом, понимаешь, бегом. Возьму сухарей немного, мне хватит.

Он подошел к ней нарубленные дрова, отдал свой ярко-полосатый свитер:

— Мне на ходу и так жарко будет, — еще укутал ее одеялом и дернул за косичку. — Ну, рыжая, будь мужиком! Понимаешь? — и исчез.

Когда он волновался, то начинал часто повторять это свое «понимаешь».

Больше она его не видела. Она даже не поглядела на него в последний раз... Почему в последний раз? Не может быть, не может быть...

— Где ваша пещера? Ты говорила — недалеко от переправы? — Юрий Кузьмич смотрел на Светлану незрячими глазами.

Светлана выбралась из машины, оглядела залитые солнцем горы и на одной из них отыскала белесую пещину. Сейчас видно было, что никакая это не пещера, а просто неглубокая выемка, сделанная в горе, может быть, тем же пастухом, который и нашел Светлану на другое утро.

Она молча показала рукой.

— У самой дороги... — удивился Николай и закашлялся. — Растрясло меня в машине. Пешком лучше...

Каждый вдох он делал с опаской, будто воздух, целебный алтайский воздух, затруднял дыхание. Всю дорогу у Николая в груди что-то хрипело, всхлипывало. Он откидывался на спинку сидения, распрямлял плечи.

Теперь закашлял тяжело, хрипло. Немного отдышавшись, сказал:

— Надо было мне с ними тогда. Пешком-то я еще ничего... Только не взяли бы они меня.

Юрий Кузьмич побежал к горе. Чем меньше оставалось надежды сегодня, сейчас найти Алешку, тем больше торопился Юрий Кузьмич.

И шофер-парнишка полез за ним. А Светлана опять вспомнила, как Алешка во сне доверчиво положил руку на ее плечо.

Зачем они полезли туда? Чего там найдут?

Они стояли в пещере, и шофер показывал на что-то в стороне от дороги. Потом стали спускаться.

— Там еще, — Юрий Кузьмич махнул туда, куда они смотрели с горы, — еще какая-то дорога. Если он пошел по ней?

— Это брошенная дорога, — сказал Николай и горбясь полез в машину.

— До пастуха далеко? — Юрий Кузьмич быстро, коротко затягиваясь, докуривал сигарету.

— Рядом. Сначала старые землянки, а потом — летнее стойбище...

И опять закружились горы с гранитными боками. А минут через десять горы чуть отступили, и в лошине, обнесенные жердями, заросшие лебедой и крапивой, стали видны плоские крыши землянок, сложенных из пластов дерна.

— Где-то здесь и должна быть тропинка к шалашу, — Николай выбрался из машины и медленно пошел вдоль зарослей тальника.

— Ну да, точно вышли! — Николай нырнул в кусты.

Юрий Кузьмич и Светлана — шофер остался в машине — миновали заросли тальника, малины, колючего шиповника и оказались перед мостиком через Элекмонар. Здесь он был совсем смиренный, приветливо журчащий по гальке.

Достаточно было с берега на берег перебраться на столбиках-опорах два бревна с набитыми поперек дощечками, а выше на стойках прибить жердь — вот тебе и мост с перилами.

На другом берегу, почти у самой воды, стоял пастуший шалаш, сбитый из досок, покрытый толем. Перед входом, повернутым в сторону горы, под одной крышей с шалашом — ограда из ошкуранных жердей, внутри ограды очаг из кирпича, на очаге — котел. Тут же стол и скамейка, как на полевом стане.

Светлана все это помнит, она пробыла в этом шалаше часа полтора. В нем две постели, покрытые козьими одеялами, над одной — винтовка и охотничий нож в кожаных ножнах. На этой постели отдыхала Светлана, после того, как пастух отыскал ее в пещере.

Над другой постелью, на маленьких козьих рожках, прибитых к стене шалаша, две круглые алтайские шапочки из разноцветных оленьих кусточков. Это шапочки дочек пастуха.

Когда Светлану привел пастух, они еще спали. Но тут же проснулись. А потом не знали, чем ей услужить.

— Пей, вкусно! — Чуть не каждые пять минут младшая ташила кружку с чегенем: — Очень вкусно! — и ее черные, продолговатые глаза ревниво следили, не мало ли гостя выпьет.

А старшая, уже школьница, смотрела на Светлану издали. Стеснялась, наверное.

И сегодня они втроем — еще черненский теленок рядом — выстроились перед шалашом в ожидании, когда гости перейдут речку через мостик.

Младшая сразу же бросилась к Светлане:
— Не болит нога?

И тут же все рассказала: отец и мать на покосе. Нет, никакой молодой русский не приходил к ним в эти дни. Только туристы — она хорошо знала это слово — покупали у них молоко. И даже палатку недалеко ставили. День пожил и ушли на Караколы... Еще она с отцом ездила в Элекмонар за учебниками. Нынешнюю зиму и она, младшая, пойдет в школу... Тогда и завезли они рюкзак в ваезжий дом. Отец, наверное, и не поехал бы, но забеспокоился, никто за рюкзаком не приходил.

Младшая девочка, скуластая, с черными волосами, но очень белой кожей — у них мать русская — была в восторге, что к ним пришли гости. Она сбегала под навес и принесла банку чегеня.

Юрий Кузьмич отказался, а Николай с удовольствием выпил.

Старшая, видно, поняла, что важное дело привело этих людей к их шалашу. Она что-то сказала по-алтайски сестренке, потом повернулась к ним:
— Я сбегая на покосы... Тут близко.

Ее красное в белый горошек платьишко мелькнуло на мосту и скрылось в кустах.

Юрий Кузьмич и Николай сели на валун у самой воды.

Младшая, заглядывая Светлане в лицо, сунула шершавую руку в ее ладошку. Светлана жала ее пальцы: вот кто ни в чем не обвиняет ее...

Крепко стоял легкий шалаш среди гор, теленок отмахивался хвостиком от оводов, ярко зеленела трава от самого шалаша до подножия горы. По горам бродили черные козы-яманы — отец девочек пас их. Вон они ползают, отсюда

совсем крохотные, бродят по той горе, в которой пещера...

Девчушка повела Светлану по узкой тропинке показать их старый дом, без умолку тараторила, занимала гостью.

Когда вернулись к шалашу, у речки шумно втягивала воду низенькая темная лошадка, торопливо смахивая длинным хвостом наседавших мух. Отец девочек уже сидел с Юрием Кузьмичем и Николаем.

— Здравствуйте, Байрам, — Светлана остановилась рядом.

— Будь здорова, — улыбнулись узенькие глаза на темном лице.

Байрам сидел не на камне, а просто опустился на корточки.

— Тебя отыскал, теперь надо твою парня искать. — И опять улыбнулся. — Найдем! Только живой ли еще? Девятые сутки... Почему сразу не приехал ко мне?

Светлана поняла вопрос Байрама. Почему не приехала? Наверное, боль в ноге зеслонила весь мир. И глупая обида... Так получилось.

Когда осталась одна в пещере, даже костер боялась разжигать: чтобы темнота не стала плотнее.

Пока от углей шло тепло, было спокойнее: это еще Алешка разжигал костер, еще им добытое тепло согревало ее, а когда угли остыли, она пододвинула к себе топорик: что там, за темнотой?

Перед утром задремала, разбудила какая-то птица — громко закричала у самой пещеры.

Воздух был уже прозрачным, внизу появились очертания кустов, и дорогу можно было разглядеть. Небо все еще затягивали тучи, свет сквозь них пробивался медленно. Было сыро. Светлана дохнула и увидела пар. Нога, если не шевелить, не болела...

Сколько же времени? Часы были только у Алешки. Успел ли он добраться до Элекмонара? Сколько ей придется ждать?

От сырости, от почти бессонной ночи знобило. Разожгла в костре прутьики, подбросила полешко, но оно не хотело разгораться, тогда собрала все бумажки из рюкзаков и на них подогрела остатки чая. Пила, чувствуя, как согревается.

И когда вроде совсем успокоилась, черная голова, с красноватыми глазами, длинной бородой и штопором закрученными рогами, сунулась в пещеру.

Светлана даже крикнуть не смогла. Голова исчезла.

Светлана приподнялась и увидела черную козу с длинной шерстью. Дикая?!

Рядом раздался крик. Вцепившись в топорик, Светлана ждала.

Из кустов вынырнул козленок, коза боднула его, но козленок увернулся и сунул голову в материнскую шерсть. Следом за козленком выехал на лошадке человек, он резко выкрикивал какое-то короткое слово.

— Пожалуйста! — позвала Светлана. — Не уезжайте. Я не могу встать.

Человек вроде махнул ей, но проехал.

Не услышал? Не захотел подъехать?

Но тут же она увидела, что козленок поднимается к ней, ведя в поводу лошадь...

— Заболел? — спросил он Светлану.

— Нога... — она развернула одеяло и показала распухшую ногу.

— Ты один здесь? Зачем один далеко ходил?

Светлана рассказала про Алешку.

— Надо ко мне, тут близко, — решил человек. — Письмо оставь парню.

Он помог свернуть и сложить одеяло, подсадил ее на коня. Прицепил к седлу оба рюкзака, а удочки и этюдник понес сам.

На большом камне в пещере Светлана оставила записку: «Алеша! Меня нашел пастух. Его дом где-то рядом. Я жду тебя там. С.»

Байрам придавил записку маленьким камешком: «Чтобы ветер не спрятал».

Высокая русская женщина в сатиновых шароварах и стеганой безрукавке поверх пестрой ситцевой кофточки встретила их у «дома». Уложила ее в постель. Две черные головенки вынырнули из-под козьего одеяла на соседней кровати и молча смотрели, как мать ощупывает ногу у смешной чужой тетеньки.

— Надо в больницу... Кабы не сломана. Через опухоль не пойму, — сказала женщина, прикрывая краем козьего одеяла Светланины ноги.

Пастух кивал, раскуривая трубку.

— Я не могу, мне надо дожидаться товарища, — Светлана от боли еле выговаривала слова. — Он пошел в Элекмонар за помощью...

Опять беречь ногу! Нет, лучше она отлежится здесь.

— Постели не жалко, — улыбнулась женщина. — Но и тянуть нельзя. Хуже будет. А парень твой вернется, мы встретим и скажем.

Женщина осмотрела свое жилище, что-то разыскивая, потом сняла с головы платок и обвязала Светланину ногу.

— Так лучше будет. Давайте-ка завтракать, и выбирайтесь на дорогу. Упустим лесовозы, тогда опять на сутки...

Потом они ждали у дороги: Светлана на коне, положив ногу на палку, которую Байрам приспособил перед седлом, а сам он сидел на камне.

Серое, непонятное было утро. И птицы в кустах попискивали боязливо.

— Сколько времени? Алешка, наверное, уже возвращается...

— Однако к шести скоро, — посмотрев на затянутое облаками небо, проговорил пастух. Он достал из внутреннего кармана выгоревшего на солнце пиджака часы на цепочке.

— Половина уже на шестой... Должны идти. — Он прислушался. — Ну, угадал, — одобрительно кивнул сам себе. — Слышишь, ревет уже...

Немного спустя и Светлана услышала нарастающий гул.

Дорога извивалась вслед за речкой, машины не было видно до тех пор, пока она не высунула из-за поворота тупого носа.

Над кабиной виднелись красноватые горбушки лиственничных кражей.

Байрам торопливо помаячил рукой.

— Чего тебе? — хмуро спросил усатый шофер, высовываясь из кабины.

— Больницу надо! Пожалста. — Байрам показал на Светлану. — Ногу зашиб. Однако сильно зашиб...

Шофер все так же хмуро глянул на Светлану и вдруг рассмеялся:

— Ну как такую рыжую не взять?! Садись давай! До Бийска довезу, а по городу мне некогда валандаться...

— Я там сама... Такси поймаю, — поторопилась успокоить Светлана,

Байрам подвел коня к самой кабине, Светлана встала здоровой ногой на ступеньку и боком завалилась на сиденье.

— Дорогой смотри, может, встретишь парня, — наказывал Байрам. — А не встретишь, так мы тут скажем и мешок отдадим и ящик.

Светлана взяла только свой рюкзак. Она кивнула Байраму, помахала рукой, будто давным-давно знала этого человека.

В селе шофер по просьбе Светланы сходил к Николаю, но и заезжий дом и Аннин были на замке.

Наверное все они поехали выручать ее, Светлану. Где же разминулись? Ей даже и в голову тогда не пришло, что с Алешкой могло случиться несчастье.

Будем твою парня искать, — повторил на прощанье Байрам.

Он обещал Юрию Кузьмичу объехать все горки между Элекмонаром и Койеном, который впадал в Катунь ниже, и проехать по той, заброшенной дороге, которую Юрий Кузьмич с шофером увидели с горы...

Они опять перебрались по узенькому, в два бревнышка мостику, продрались сквозь заросли тальника к терпеливо дожидавшемуся «газику».

В Элекмонар вернулись к обеду. Солнце поднялось над горой и заливало пустую улицу. Только на огородах кое-где старушонки в белых платках, повязанных по-алтайски, — край платка закрывал и плечи — махали тятками, да около столовой, прячась в пятнистой тени тополя, дожидалась автобуса женщина с ребенком: кажется, та самая цыганка, которую Светлана встретила в первое утро на автобусной станции.

Юрий Кузьмич попросил остановиться у почты.

— Спасибо тебе большое, — поблагодарил он шофера-паренька.

— А может, вам еще куда надо? — спросил паренек.

По всему было видно, что и он встревожен. — Отправлю телеграммы, — размышляя вслух, произнес Юрий Кузьмич, — загляну в правление, а потом... — он посмотрел на паренька. — Подбросишь до Маймы?

— О чем разговор, конечно.

— В правление я пойду, — сказал Юрию Кузьмичу Николай и неторопливо пошел по улице.

Светлану будто никто и не замечал. Она стояла у машины. Еще там, у пастушьего шалаша, Николай говорил, что народ собрать будет трудно, все на покосе. И тогда же она подумала, что можно дать телеграмму в школу, вызвать их класс на поиски. Но ребята, наверное, разъехались.

Уговорить Анну: ходили же они по клубнику, могут опять обойти эти горы...

Юрия Кузьмича все не было. Теперь он совсем другой. Не суетится, весь почернел. В глазах не испуг, а какая-то отрешенность.

Он вышел из дверей почты, остановился рядом, сказал не глядя на нее.

— Иди в заезжий. Сиди там. Будут поступать телеграммы. Тебя разыщут. Я договорился...

К вечеру над Элекмонаром появился вертолет. Он летел уже оттуда, с Каракол. Покружил над горой, почти задевая макушки деревьев, и ушел куда-то за гору, и опять выплыл, громко стрекоча, с другой стороны.

Нет, не нашли, раз он так кружится над горой...

К правлению колхоза весь день подъезжали верховые, по одному, по два человека. Это вызывали колхозников с лугов и отправляли в горы.

Николай тоже ушел в горы.

Одна. Без дела, без цели. Анна вызвалась дежурить на почте, а Светлана тут, наедине со своими мыслями.

Днем две женщины здесь же вот, у заезжего, не замечая ее, разговаривали:

— Считай, каждое лето... И что за народ, сам на погибель лезет!

— Прошлогоднего-то купальщика поймали уж у Аноса!

— Одного-то совсем не нашли!..

У Светланы стиснуло горло.

Уже пригнали стадо, уже затянуло синевой горы за Катунью, когда на дороге показался Николай.

Анна, вернувшаяся с почты, и Светлана сидели на бревнах у дома.

Николая увидели, когда он еще только входил в село.

— Господи, что с ним?! — всплеснула руками Анна.

Николай шел, наклонившись чуть ли не до земли, будто волок за собой длинную лесину. Шел, выписывая дуги от одной кромки дороги к другой.

Когда подбежали, увидели, что лицо у Николая серо-зеленое, губы побелели, и дышит он, широко раскрыв рот.

— Да ты что? Ты что? Заболел? — подхватила его Анна, потому что он начал медленно опускаться на землю.

Вдвоем они дотащили его до дому, опустили на широкую крашеную лавку, Анна бросилась разбирать постель.

Николай вытянул из кармана клетчатую тряпку и тяжело, между свистящими вздохами, пробормотал:

— У Койена... Там ищите...

Светлана схватила тряпку. Смотрела на нее дикими глазами. Анна разула Николая, уложила его в постель.

— Душно... — он сбросил с себя одеяло.

— Ты потерпи, Коля, потерпи, — просила Анна. — Я сейчас... Я доктора приведу...

Светлана глядела на клетчатый лоскут. Яркосиние и фиолетовые клетки еще не поблекли.

Она уже точно знала, что он от Алешкиной рубашки. И все-таки ей стало казаться, что у него была не синяя, а коричневая клетка. Нет, нет! Это не от его рубашки. Края растянуты, нитки выпались. Клок вырван чем-то. Может быть, человек падал и зацепился за камень. Она боязливо взяла лоскут, расправила его на столе. Руки дрожали. Искала на лоскуте кровь.

Крови не было. Только хвоинки и трава при- стали...

— Беги на почту! — уже с порога крикнула Анна. — Звони в Майму. Там, наверно, Юрий-то Кузьмич. Скажи про лоскут. Про Николая тоже...

До Маймы Светлана еле дозвонилась. Юрия Кузьмича поблизости не оказалось, но телефонистка сказала, что знает — ищут туриста, заблудившегося в тайге, обязательно найдет его отца, расскажет про лоскут.

— У Койена надо искать! — кричала Светлана в трубку.

— Понимаю. У Койена, — ответил далекий женский голос.

Возвращалась Светлана, когда уже совсем стемнело. И вдруг в нескольких шагах от себя увидела Алешку. Размахивая руками, он шел к заезжему дому. Вот же он! Вот! А его ищут!

— Алешка! — рванулась Светлана.

Человек обернулся, спросил чужим голосом:

— Вы меня, девушка?

Ноги у Светланы задрожали, она опустила глаза на бровку дороги.

— Вы не меня? — переспросил человек.

Светлана только качнула головой.

Когда прошла дрожь, поднялась и устало пошла к дому.

Если его не найдут, она все равно останется здесь. И тогда уж будет сама искать. Хоть всю жизнь...

Светлана разглаживала лоскуток на столе.

Пока она была на почте, Николая увезли в Бийск. Анна уехала с ним.

Опять они не простились.

Теперь вот и Николай заболел. И, выходит, опять из-за нее. Что же ей делать? Если бы она была сейчас там, со всеми, где ищут Алешку, ей было бы легче...

Светлана натягивала на голову простыню, поворачивалась и поворачивалась с боку на бок, не могла заснуть...

Когда Байрам усадил ее в кабину лесовоза, она думала, что все страдания кончились. Что выздоровеет нога, и они с Алешкой, пережившие столько приключений, вернутся вместе домой...

Пока ехали до Бийска, Светлана рассказала шоферу лесовоза почти все и про себя и про Алешку. Поэтому он и сделал крюк и доставил ее прямо куда надо — в травматологическое отделение городской больницы.

— Ничего страшного, — сказал совсем молодой доктор, сонными глазами осматривая Светлану ногу. — На рентген... — бросил он сестре, взял газету и вышел.

— А после рентгена меня куда? — спросила Светлана.

— Если ничего нового не обнаружится, домой! — сестра достала из-за шкафа костыль. — Опирайся.

— Понимаете, за мной должен вот-вот заехать товарищ, — начала объяснять Светлана. — Я подожду его у вас, в приемной, или там, на улице на скамеечке. Мы вместе поедем...

Хотя рентген «ничего нового» не обнаружил, Светлану все же на несколько дней оставили в больнице. В светлой чистой палате кроме Светланы были уже «ходячие» женщины, да и ей разрешили вставать, только обед приносили в палату.

Каждый раз, когда открывалась дверь или кто-то уверенно проходил в коридоре, Светлана ждала: сейчас увидит встревоженное или виноватое или радостное лицо Алешки. Ей тогда, в больнице, все время казалось, что он рядом с ней, как был рядом в пещере, в шалаше пастуха и в кабине лесовоза. Стоит только обернуться, и она увидит его.

Но прошел и второй, и третий день, Алешка не появлялся.

На следующее утро сестра сказала, что ее выписывают.

Да, конечно, конечно ей надо ехать, сколько можно ждать?..

И то, что родилось там, в пещере, и что делало ее добрей и сильней, стало гаснуть.

И вот тогда злая обида захлестнула ее: как он мог после всего, что было в пещере, забыть про нее, про больную? Бросить ее! Узнал, что ее отвезли в больницу и успокоился? Конечно, это так. И теперь ловит своих хариусов, малюет эту-ды. А еще говорил в вагоне, что ради нее может пожертвовать институтом. Говорить все умеют! А сами только о себе... Ничего!

Она тоже проживет без него и даже не станет думать о нем.

В больнице ей дали палочку, санитарка проводила на вокзал. Но даже и эта забота оказалась ей неискренней. Все только притворяются добрыми...

Поезд прибыл очень рано. Около часа Светлана ждала на привокзальной площади первого трамвая...

— Приехали?! — радостно воскликнула мама, пропуская ее в дверь. И тут же побледнела, увидев палку в ее руках. А когда ощупала, осмотрела ногу, — опухоль почти опала, из фиолетовой она стала зеленоватой — синяк рассасывался, — облегченно вздохнула:

— Частливо отделалась, — и ее укоряющий взгляд на отца говорил: видишь, не зря я беспокоилась..

— Ногу она могла подвернуть и у нас на лестнице, — сказал отец.

Само собой подразумевалось, что она вернулась с Алешкой.

Нет, не спится! Не может она заснуть. Она натянула куртку, подняла клетчатый капюшон и вышла на улицу. Черное небо с яркими крупными звездами казалось низким. В углу двора стояла спала лошадь.

Катунь шумела, будто над горами кружил реактивный самолет.

А где-то там в горах, с факелами, люди ищут Алешку. Ищут даже ночью, потому что теперь нельзя терять и часа. Заканчиваются девятые сутки, как Алешка убежал из пещеры...

Когда она вернулась домой из Бийска, начались всего пятые сутки. Почему она сразу не подняла тревогу?!

Светлана проснулась, когда родители уже ушли на работу. Во сне она все еще ехала... на станции хотела купить земляники... на базарных столиках ею были полны ведра, корзины, тазы... Вернулась на вокзал, а поезд тронулся. Она пыталась догнать, но большая нога не слушалась, не двигалась...

Светлана проснулась, потому что заплакала во сне от горя, от обиды, от страха.

Открыла глаза, а перед ней знакомая комната, балконная дверь открыта, и ветерок шевелит тюлевую штору. И слабый запах маминых духов...

Светлана потянулась. Нога не болит! Кончились ее муки. Знала бы она тогда, что они еще и не начинались...

Зазвонил телефон. Алешка?! Конечно это он!

Светлана соскочила с постели. Может быть, даже приехали в одном поезде и не встретились.

— Алло! — Светлана выговаривала это слово твердо, и Алешка всегда ее передразнивал. — Что? Что? — не поняла она.

— Это цирк, спрашиваю? — рассердился женский голос.

— Нет! — Светлана медленно положила трубку.

Даже не звонит. Эгоист чертов! Узнал, что отвезли ее в больницу и успокоился.

Светлана сидела на постели, поглаживала бледный синяк. Казалось, нога опять начала болеть. Нет, она ни за что первая не позвонит. Он, может быть, все еще ловит с Николаем своих хариусов, и Светлана представила себе быстрый Элекмонар, около самого моста две фигуры, напряженно следящие за удочками, — Николай и Алешка. Алешка резко дергает удочку, подскакает, выбрасывает на берег серебристую рыбку. Рад!..

Светлана снова подошла к телефону и позвонила своей подружке Тане, чтобы рассказать, сколько интересного было на Алтае. Таня тут же, конечно, прибежала.

А если бы вместо нее, Светланы, ездила с Алешкой Таня? Могло у них все так же случиться?

Только Алешка ни за что бы не поехал с Таней. Светлана приглашала и ее на Алтай. Приглашала, потому что знала: Таня поехать не может, у нее болеет мама, и Таня каждый день ходит в больницу.

Вот она, оказывается, какая — Светка! И почему она раньше за собой ничего этого не замечала? Да разве редко она бывала несправедливой, равнодушной? И, главное, умела всегда себя оправдать...

Таня прибежала веселая: на днях ее маму выпишут из больницы, и они поедут на юг. Серые глаза ее блеснули.

— Хочешь с нами на юг? — предложила Таня, когда выслушала и про бидон с клубникой и про первого хариуса.

Она-то предложила искренно!

— Нет, я не могу! — поспешно отказалась Светлана, и сама удивилась своей поспешности. Все-таки она хоть и бессознательно, но должно быть, уже тогда забеспокоилась об Алешке?

На следующий вечер они ходили с Таней в театр. У них в городе гастролировал театр Маяковского. Смотрели «Медю» с Козыревой. И потом всю дорогу говорили о том, какой красивый голос у Козыревой и какая это прекрасная актриса. И она, Светлана, думала тогда: вот они какие с Таней умные, образованные, вот они как разбираются в искусстве...

Тупая, тупая была!

Через три дня так переполнилась обидой на Алешку, так ее палило уязвленное самолюбие, что она решила сама позвонить. Уж теперь-то он, наверное, нарыбачился и приехал. Она скажет все, что думает о нем: больше они не друзья! Потому что дружба познается в беде. Он бросил ее в беде...

Как противно все это вспоминать! Стыдно!

Перед тем, как позвонить, она все-таки подумала: а если ему что-то помешало прийти в пещеру, приехать в больницу? Но тут же отогнала тревогу. Что ему могло помешать? Заболел? Но ведь Николай и Анна давно бы сообщили. Если бы он заболел — это бы сразу стало известно.

Нет, просто Алешка — свинья!

Она решительно подошла к телефону и набрала номер. И пока там не брали трубку, все подхлестывала себя: сейчас, сейчас она ему все скажет. Прямо. Пусть знает!

— Вас слушают,— раздался спокойный, приятливый голос Юрия Кузьмича.

— Здравствуйте. Это Светлана.— И неожидан-но робко попросила.— Позовите, пожалуйста, Але-шу.

Юрий Кузьмич помолчал, а потом спросил:

— Разве вы уже вернулись?

Через час после этого разговора пришла тре-вожная телеграмма из Элекмонара от Николая и Анны.

Через три часа они с Юрием Кузьмичем еха-ли на Алтай.

И вот заканчиваются девятые сутки...

Светлана вздрогнула от утренней сырости. Пока она стояла среди двора, трава стала отсвечивать в темноте.

Светлана присела на корточки, провела рукой по густой ромашке и почувствовала, как ладонь стала мокрой от росы. Утро скоро...

Она вытерла руку о куртку, вернулась в ком-нату, осторожно легла, и только задремала, как в глаза ударил свет.

Села на кровати. Темно, тихо. И тут из окна выплыл и прошел по комнате, задев Светлану, желтоватый луч. Она услышала шум мотора за окном. Сразу же раздалась нетерпеливые удары в дверь.

Она соскочила с кровати, откинула крючок.

— Быстро собирайся! — голос у Юрия Кузь-мича глухой, усталый. Он нащупал у косяка вы-ключатель, зажег свет.

— Не нашли?!

— Байрам нашел... Заблудился Алешка. Без сознания... Еще бы день и...

И вдруг Юрий Кузьмич прижал ее к себе, ей показалось, что он падает. Плечи его дрожали. Светлана обхватила его, хотела подвести к стулу, но он высвободился из ее рук.

— Как же так...— зашептал Юрий Кузьмич.— Как же вы будете жить? Надо же быть добрее... великодушнее. Ведь мы же не долговечны... Одни останетесь,— он гладил ее волосы. Будто это она только что нашлась. И вдруг заторопил-ся: — Что же мы стоим? Пошли! — и начал соби-рать вещи.— Скорей, скорей!

Светлана побоялась спросить, где Алешка. Прямо на пижаму натянула джинсы и рубашку, схватила сумку.

Перед заезжим домом стоял «газик».

Юрий Кузьмич подтолкнул Светлану, когда она подошла к машине:

— Быстрее же! Садись вперед, как-нибудь поместимся...

Светлана села поближе к шоферу. В нос уда-рил острый запах лекарств. Обернулась.

На заднем сидении «газика», укутанный в одеяло, лежал Алешка. Голова его запрокинута на колени женщины в белом халате... Худая, длин-ная шея, впалые щеки, закрытые глаза...

Юрий Кузьмич умащивался рядом со Свет-ланой. И уже не верилось, что этот большой, шум-ный человек только что плакал.

И как бы он теперь ни относился к ней, она никогда не предаст его. Никого, никогда не пре-даст...

Еще спали горы Алтая, но темнота уже стано-вилась прозрачной, в долине, за Катунью, белыми струйками поднимался туман.

Гоня перед собой желтоватый луч, «газик» обходил самые малые выбоины, самые мелкие камни, набросанные на дороге.

Было надежно и спокойно ехать вместе с Юрием Кузьмичем и шофером-пареньком в гим-настерке, который, видно, не спал всю ночь, но весь сосредоточен, осторожно ведет машину, и женщина в белом халате рядом, время от времени она нащупывает пульс на Алешкиной руке.

Теплота, доверие к людям захлестнули Свет-лану. Но где-то за этой большой, незнакомой ей радостью гнезвился ужас: а если бы Алешку не нашли?..

Рисунки Е. Стерлиговой.

От редакции

«Известия ЦИК» сообщают:

«В продолжение 1923-24 гг. Эпрон (Экспедиция подводных работ особого назначения на Черном и Азовском морях), несмотря на большие затраченные средства и энергию, не смогла обнаружить места гибели английского парохода «Черный Принц», погибшего в числе многих других английских и французских судов во время шторма 2 (14) ноября 1854 года у Балаклавы. Эпрон, путем водолазного аппарата особой конструкции, обследовал на внешнем рейде Балаклавы площадь в 3—4 квадратных километра с глубинами до 100 метров. Было найдено много обломков деревянных судов, но железного корпуса «Черного Принца» обнаружено не было. Направо от выхода из Балаклавы в море была найдена мачта из тикового дерева, принадлежность которой «Принцу» была установлена.

17 октября 1925 года, совершенно неожиданно, налево от выхода из бухты, почти под самой башней «Док», которая хорошо видна с пароходов, идущих на южный берег, на глубине 17 метров были обнаружены выступающие из грунта старые паровые котлы и части набора железного корпуса. После непродолжительных раскопок, водолазная партия убедилась, что это место и является могилой легендарного парохода.

Хотя работы по подъему «Черного Принца» с технической точки зрения не представляли каких-либо затруднений и являлись для наших водолазов довольно простыми и легкими, экспедиция до последнего времени не считала целесообразным приступать к ним ввиду отсутствия каких-либо документов или точных сведений о действительном нахождении на этом пароходе большой суммы золота.

20 июня с. г. Эпрон заключил договор с японской водолазной компанией «Синкай Когиосио Лимитед», предоставляющий ей право производства дальнейших работ по подъему парохода «Черный Принц».

Перед заключением договора японской компании была предоставлена возможность обследования своими водолазами места гибели парохода, указанного Эпрон, и поэтому Эпрон не берет на себя никакой ответственности за успех предпринятой японской компанией операции... Несмотря на короткий срок, прошедший с момента вступления договора в действие, работы по подъему, под руководством 15 японцев-специалистов, начались уже в первых числах августа. Техническое оборудование, выписанное из-за границы, прибыло.

Можно поэтому предполагать, что ближайшие два-три месяца принесут нам полную разгадку «Черного Принца».

Помещаемый ниже рассказ Павла Норова, написанный специально для «Всемирного следопыта», отвечает тому большому интересу, который вызывает тайна «Черного Принца».

Рисунки Е. Стерлиговой.

I. В Балаклавской бухте

В знойный июньский полдень, когда солнце бьет отвесными ослепительными лучами, Балаклавская бухта кажется голубым озером. Резко очерченным полукругом поднимаются вокруг озера террасы гор, усеянные белыми домиками. И снизу кажется, что домики эти висят друг над другом и лепятся по скалистым отрогам, как причудливые гнезда птиц.

В городке тишина. Все спрятались от жаркого южного солнца. Только неутомимые рыбаки-греки возятся около лодок. Они недавно вернулись с рыбной ловли и теперь выгружают из глубоких трюмов рыбу.

Когда солнце приблизится к закату, на набережную явятся балаклавские хозяйки закупать рыбу. И тогда будет здесь шумно: рыбаки будут запрашивать до изнеможения, хозяйки будут торговаться до седьмого пота с криками, визгами и проклятиями. Горяч южный народ! Но теперь стоит тишина.

Балаклавская бухта глубоко врзалась в материк в форме удлинённого овала. Она надежно закрыта со всех сторон, и только в южной части ее виднеется узкий выход на внешний рейд.

Превосходная бухта! Для малых судов порт — лучше не выдумать: тихий, глубоководный. Но проход — предательский, точно подстерегающий корабли с неосторожными лоцманами. Одно неверное движение руля — и катастрофа в свежий ветер неизбежна.

На языке черноморских моряков «свежий ветер» — совсем особое понятие. Когда сорвется норд-ост и, окрасив темно-зеленые волны Черного моря в белый цвет, заставит кипеть вокруг корабля воду, как кипятки в котле, тогда приветливая Балаклавская бухта превращается в опасную ловушку. И горе кораблям, которые попытаются искать спасения в ее водах. Предательский выход из бухты окаймлен высокими, нависшими

над морем, скалистыми берегами, словно нарочно устроенными для кораблекрушений.

Недаром Балаклавское взморье еще с древних времен было местом классических кораблекрушений. На дне его каменистого рейда лежат сотни кораблей. Финикийяне, греки, генуэзцы, римляне, турки и, позднее, англичане, французы, итальянцы оставили здесь свои корабли.

Это древняя морская усыпальница, которая среди мировых морских кладбищ уступает разве только знаменитому Саргассову морю и берегам Новой Земли, куда подводным течением сносят остовы погибших кораблей...

Такие мысли пробегали в голове молодого помощника командира водолазной команды Ивана Васильевича Резцова, который стоял на высокой скале, над самым выходом из Балаклавской бухты, и смотрел на внешний рейд.

На рейде шли водолазные работы. Около черного низкобортного водолазного баркаса виднелись два парохода с могучими лебедками.

— Какого черта эти американцы ищут?— прошептал Резцов, впиваясь зоркими глазами в знакомую картину водолазных работ. Вся его крепкая, мускулистая фигура напряглась, точно для прыжка; на загорелом лице с сильно развитой челюстью проступило хищное выражение, а волосатый кулак ударил по выступу скалы.

— Не добьешься ничего у дьяволов!— со злобой заключил он.— Ну, да я узнаю! Археологи? Как бы не так...

Резцов отвернулся от волновавшей его картины и крупными шагами пошел по каменистой тропинке, назад в город.

II. Что искали американцы?

Дело было в 1892 году. В Петербург, в морское министерство, поступило ходатайство «Американского Общества морских изысканий», поддержанное Вашингтоном, о разрешении Обществу произвести с научно-археологическими целями исследование некоторых бухт южного побережья Черного моря.

Ходатайство начало ходить по инстанциям, и, вероятно, это «хождение по мукам» затянулось бы надолго, если бы догадливые янки не зашестели вовремя банкнотами.

Когда банкноты с солидным количеством тысяч долларов были вручены по соответствующим инстанциям, канцелярское «хождение» круто изменило свой медлительный характер и приобрело необычайную резвость. Немедленно была получена подпись самого министра. «Дело» взлетело в «высочайшие сферы» и получило пометку: «Одобрено».

И полетели к севастопольскому морскому начальству бумаги с предписанием:

«Оказать всякое содействие американскому обществу для его изысканий и дать в его распоряжение водолазную команду из севастопольского порта».

Правда, севастопольское морское начальство тоже не вчера родилось на свет. И потому американским банкнотам пришлось шелестеть еще раз. Но, как бы то ни было, к изысканиям американцы были допущены с большой любезностью.

— К вашим услугам...— сказал седой начальник порта.— Хотя все Черное море обшарьте...

Американцы вежливо улыбались и заявили, что их интересует в настоящее время Балаклавская бухта и прилегающий рейд. На водолазную команду согласились, а когда приехали на место, то оказалось, что из Англии прибыло два специальных парохода и своя водолазная команда. А русскую просили «пока подождать»...

Командир водолазной команды, морской офицер Хохлов, который значительно больше любил исследовать крымские кафешантаны, чем морское дно, оставил команду на помощника. И на прощанье сказал ему:

— Вы, дорогой мой, того,— оставайтесь стечерь американцев, а я поеду по делам службы в Ялту.

Помощник Резцов козырнул начальству и сказал:

— Слушаю-с!

А про себя подумал: «Знаем мы твои «дела службы»,— они в шелковых чулках ногами дрыгают»...

Был он человек завистливый, жадный и решительный, но скрытный.

Теперь он каждый день смотрел на эти изыскания издали и терзался мыслью, что американцы что-нибудь ценное со дна выгребут. И пройдет это мимо него, мимо жадного резцовского рта. Он давно мечтал разбогатеть как-нибудь этак экстренно, чтобы бросить беспокойную службу и пожить широко.

Шагая домой, Резцов продолжал думать: «Хоть тресну, а дознаюсь, что ищут проклятые американцы!»

И вдруг мелькнула у него мысль: «А ведь надо мне поговорить с дедушкой Прониным. Ему восьмой десяток пошел, он многое помнит. Эта старая морская крыса должна очень много знать! Обязательно поговорю!»

И, приняв это решение, Резцов зашагал быстрее, хотя жгучее солнце так и палило своими лучами в этот полуденный час.

III. Дедушка знает многое, да не все говорит

Маленький домик дедушки Пронина стоял почти рядом с тем помещением, где располагалась водолазная команда.

Был он, собственно, даже не дедушка, а прадедушка. У старшей его внучки был уже маленький ребенок. Жил старина в Балаклаве со времен очаковских и покоренья Крыма. В севастопольскую кампанию был морским канониром, много потом всяких должностей прошел по морскому делу. А теперь благодушествовал на покое в своем домике, но все же в огороде копался. Крепкого дерева был старик.

Резцов столовался в семье Прониных и даже слегка ухаживал за хорошенькой Варей, младшей из внучек почтенного ветерана.

Обедали здесь по-старинному, в два часа. Глава дома Степан Иванович Пронин, в древности лет ел больше тюрю из редьки с квасом. Ел и похваливал:

— Самая настоящая еда — от нее человек долго живет!

Резцов решил поступить политично. После обеда он посидел с Варей, поболтал, пока старик отдыхал. И явился к нему в самый удобный мо-

мент, когда Степан Иванович выспался и попы- хивал в садике трубочкой.

Завязался разговор.

— Ты спрашиваешь, чего ищут американцы в рейде? — говорил Степан Иванович, пуская густую струю крепкого дыма сквозь белые усы. — Известно чего — денег. Человек всегда де- нег ищет. Потому жаден он и неразумен. Да...

Резцов насторожился.

— Каких денег, Степан Иванович?

Старик усмехнулся.

— В нашем Балаклавском рейде, брат, много денег лежит. Клады огромаднейшие на дне моря хранятся. Где ищут-то?

— С острова на восток... с милю...

— Ну, и вышли дураки! Не там ищут. В этом месте, действительно, погибло около тридцати кораблей. В пятьдесят четвертом году... Да не те...

Резцов так и загорелся от жадного нетерпе- ния и срывающимся голосом спросил:

— А где же, Степан Иванович?

Старик хитро прищурился и посмотрел на него все еще зоркими глазами:

— А тебе-то что, дружок? Ведь ты искать не собираешься?

Резцов съежился и побагровел.

— Да нет... — пробормотал он. — Я так... из любопытства...

И, оправившись, заговорил смелее.

— Я все собираюсь, дедушка, вас просить рассказать мне про севастопольскую кампанию. Если вас не затруднит, конечно; вы ведь все помните....

Дедушка тихо засмеялся.

— Да, память еще не отшибло пока. Даже лучше помню, что было пятьдесят лет назад, чем недавно. Если любопытно — послушай; расскажу, пожалуй, что было в пятьдесят четвертом. Страш- ный был этот год. Ну, а один день — второе но- ября — тот всех страшнее был. Восьмой десяток около Черного моря живу, чай, лет сорок, поди, плавал по нем, а такого шторма не запомню. Гневное наше море по осени и к зиме, а тут уже такое было, что сверх всякой меры хватило.

Дедушка Пронин раскурил трубку и продолжал:

— В те поры я был на морской службе канониром при береговой батарее. Служ- ба тогда, при Николае Пер- вом, была лютая — по двад- цать пять лет сроком. Моей службе шел год седьмой, и попался я в севастопольскую кампанию. Сильной руки шел на нас неприятель — англича- нин, француз, итальянец, ту- рок, — навалился силой. Для десанту пригнали четыреста судов. Сначала высадили шестьдесят пять тысяч войска, обошли Севастополь с восто- ка. А тут слышим, еще десант привезли на двухстах судах паровых. И вытянулись в киль- ватерную колонну вдоль все- го берега, от Качи до Балак- лавы. Наша батарея стояла у Карантинной бухты, и была у нас неприятельская эскадра под обстрелом.

В начале октября подошли

англичане к Севастополю. И до чего хитры — псы! Большие у них были парусники, а паровые суда малые. Так они сняли все мачты с больших судов, чтоб меньше прицелу было. Пришварто- вали к парусникам пароходы, да так, ползком, и подошли к Севастополю.

Открыли такую пальбу по городу, что небу стало жарко. Стоял на море штиль, и от дыма на рейде ничего не было видно. Двадцать тысяч ядер выпустили. А убили семьдесят человек.

Мы отвечали калеными ядрами. Накалим ядро докрасна, да так в пушку и сунем. Чтобы пожар на корабле произвести. Сожгли кое-какие. Но им это нипочем. И не дрогнули.

На море мы с ними ничего не могли сделать, потому наш флот был почти весь парусный, а их почти сплошь паровой. Затопили мы свои кораб- ли у входа в Северную бухту, с остальными спря- тались в Южную. И засели там, как мыши в норе.

Первого ноября выглянули из-за брустверов на море. Смотрим — силой подходят. В две кильватерных колонны пароходов и баркасов вы- тянулось с сотню. Стали на якорь становиться. Назавтра высадка. Ну, значит, будет нам работа, а потом, того и гляди, и самих нас прихлопнут.

Только к вечеру, смотрим, командир наш веселый ходит, говорит:

— Ребята! Быть завтра большой буре. Баро- метр сильно падает. Достанется англичанам при десанте на орехи!

Ну, мы себе намотали на ус. Значит, бить будем орудиями. Снаряду припасли достаточно. Вышел я в первой ночной смене, посмотрел на барометр — батюшки! Совсем упал — на вели- кую бурю. И назначил меня командир в эту ночь пройти к Балаклаве лазутчиком. Возвращаюсь я — зги не видать... Небо черное, воздух душный — буря надвигается. А через час поднялась такая, что и мы свету не взвидели на берегу. Минареты сносит прочь, дома которые расшвыряло, с кото- рых крыши поснесло, палатки в лагерях унесло. А в море? Ад кипучий стоит!.. Вода побелела, волны, как горы, ходят, а на рейде такая толчея

поднялась, что страх берет. Суда с якорей рвет, мачты ломает. В первый же час с десятков паровых судов оборвалось с якорей, бросило их на скалы и разбило, как яичную скорлупу. Другие повернули носом к морю, дали полный ход, чтобы уйти в открытое море. Смотрим, загорелись сердечные от перегрева котлов... Заживо горит народ... Тысячи людей бросаются в море и тут же тонут — где выплыть!..

— Ну, впрочем, и нашим в те поры приходилось не сладко! — продолжал старый боцман, — генералы нас одолели! Каждый на свой манер мудрил, а людей не жалели. Недаром тогда солдаты про генералов песню сложили. До сих пор наизусть ее помню. Наши солдаты ее пели тогда.

И старик, не без огонька, дребезжащим голосом пропел такую солдатскую песенку¹:

Долго Вревский генерал
К Горчакову приставал:
«Князь, займи ты эту гору,
Не вступая со мною в споры, —
Я отказа не снесу,
В Питер тотчас донесу».
Горчаков собрал совет.
Генералы, съев обед,
Гору штурмовать решили,
И Липранде предложили
Лишний крест приобрести —
Войско на бой повести.
Но Липранде:
«Нет, атаңде!..
Тут нам умного не надо,
Вы назначьте-ка Реада,
А я не пойду,
Лучше малость подожду!»
Генералы рассуждали,
Диспозицию писали;
Вышло гладко на бумаге,
Да забыли про овраги.
На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А в атаку ту, в шыки —
Вышли целые полки.

— Вот как нашего брата тогда крошили! — уже сердито закончил старый боцман. — Народ был крепостной, для господ генералов — дешевле скота...

Старого моряка взволновали эти воспоминания. Он встал со стула и заходил по садику. Резцов спросил:

— Ну, а что же, батареи в корабли стреляли? Старик нахмурился.

— Нет, О стрельбе тогда забыли... — и тут же добавил сурово:

— Разве в гибнущих людей можно стрелять? Это уж не солдатское дело, а разбойное. Мы — не генералы!

Резцов криво усмехнулся, но промолчал. А старый моряк закончил так:

— Погоди! Я схожу, достану свою памятную книжку, тогда расскажу, какие суда тогда погибли, спасая самое дорогое для них судно, которое звалось по-английски «Блек-Принц». По русски значит: «Черный Принц».

И старик ушел в домик.

¹ Это — запрещенное цензурой в Севастопольскую кампанию стихотворение Льва Толстого, участника кампании, в переделке солдат, которые распевали его в свободные от боя минуты вдали от офицеров.

IV. Как погиб «Черный Принц»

Вот что рассказал Резцову старый боцман, изредка заглядывая в книгу в переплете из телячьей кожи.

На внешнем рейде в этот день погибло тридцать пять судов. Первым сорвался с якоря американский паровой транспорт «Прогресс». Он протаранил по пути еще три судна, а затем всех четверых бросило на скалы и разбило в щепы. Далее налетел на скалы корабль «Сити-Лондон». Его капитан, Левис, во время удара схватился за канат, и его раздавило в лепешку между скалой и судном. Громадное американское транспортное судно «Вулкан», где была тысяча солдат, выбросило четыре якоря. Через короткое время все цепи оборвались, и судно бросило на скалы с такой силой, что оно разлетелось в щепы. Вест-индский пароход «Мельбурн», который вез бочки с ромом, так стремительно кинуло на берег, что семь человек экипажа ракетами вылетели на верхушку скалы. Остальные погибли, раздавленные сотнями бочек рома, плававшими среди людей.

Но большой, совершенно новый винтовой пароход «Блек-Принц», который вез самый ценный груз — двести тысяч фунтов стерлингов золотом (жалованье войску) — англичане решили спасти во что бы то ни стало. Громадной силы машины позволяли ему некоторое время бороться с ураганом. Он держался против урагана силой всех своих машин, дав им полный ход. На этом корабле был лучший английский моряк — капитан Гудель. Но ураган был слишком силен, и, когда больше нельзя было держаться, капитан Гудель решил на последнее средство: он приказал срубить все мачты, чтоб облегчить пароход.

И этот маневр его погубил. Такелаж одной из мачт упал на винт, запутал его, и машина перестала работать.

Разом сорвались все якоря, и корабль понесло на скалы. Капитан Гудель объявил экипажу, что теперь всякий может спасти свою жизнь. И сам бросился в кипящую пучину моря.

Три раза бросало «Черного Принца» на скалы. Четвертым ударом ему пробило бок, и пароход пошел ко дну со всем экипажем. Из полутораста человек спаслось только шесть-семь матросов и мичман Конгреф. Так погибли все сокровища «Черного Принца».

Только одному пароходу «Авон» удалось проскочить через узкое кипящее горло в Балаклавскую бухту. По пути этот пароход протаранил и утопил несколько судов. Его бросало, как щепку, из стороны в сторону. Но сам он спасся¹.

Резцов прослушал живой, образный рассказ старого моряка с напряженным вниманием. Закончив, старик выколотил трубочку и после минутного молчания добавил:

— Тогда же я заметил и нанес на карту то место, где затонул «Черный Принц». На моих глазах дело было.

Резцов с притворным равнодушием спросил:

— И карта в этой книжке?

— Да...

¹ Все это — исторически верно. Взято из письма очевидца, командира английского корабля, напечатанного в «Морском Сборнике» за 1855 г., т. II.

— Любопытно! Вы могли бы, дедушка, теперь продать свой секрет американцам очень дорого.

Старый моряк покачал головой.

— Не продам. Пусть умрет со мной. Золото портит людей. Пусть себе лежит на дне моря. И так уж много крови пролилось из-за золота. План этот возьму с собой в гроб.

Резцов вздохнул и искоса посмотрел на старика. А тот спрятал книжку в глубокий карман и мирно продолжал курить трубку.

— Ну, вот тебе, сынок, история «Черного Принца». Теперь понял, что ищут американцы?..

— Да... Понял...

* * *

С этого дня Резцов потерял покой.

«Как? Сокровище так близко, можно сказать, под руками, а старый дурак умрет и похоронит с собой план места, где затонул «Черный Принц»! Не бывать этому никогда! Надо пойти на все, но план добыть. Но как добыть? Украсть книжку Пронина не так легко — старик зорок и крепок еще, зря у него ничего не валяется. Убедить его поделиться своей тайной? Пустая надежда! Старик упрям и, главное, совсем не жаден на деньги; скопил себе кое-что и доволен. Нет! Тут нужно придумать что-нибудь похитрее!»

И вдруг Резцова осенила мысль, от которой он пришел сразу в веселое настроение: «Варя выручит!»

До сих пор он лишь слегка ухаживал за внучкой Пронина, Варей. Теперь он решил «заянться» этой девушкой «всерьез».

Сказано — сделано. Следующая неделя прошла в усиленной, «артиллерийской» подготовке. И в тихую, лунную ночь, когда волнует и томит южный воздух Крыма, свидание завершилось горячим признанием в любви.

На одной из скал Балаклавского берега они сидели в полном одиночестве и тишине. Резцов шептал:

— Ну, Варюша, это решено! Ты теперь моя

невеста! Только пока дедушке ничего не говори...

Варя удивилась.

— Почему, милый?

— Да потому, что мне нужно еще выполнить ряд разных формальностей. Понимаешь — я офицер инженерных войск, надо взять разрешение начальства, ну там реверс¹, может быть, придется внести. Словом, это долго рассказывать — не поймешь; через месяц все устрою и тогда формально объявим.

Девушка опечалилась.

— А пока?

— Ну, а пока будем, конечно, видеться. Неужели я утерплю хоть денек без тебя?..

Провожая Варю домой, Резцов думал:

«Ну, за месяц я тебя так приручу, голубушка, что ты для меня что угодно сделаешь!»

И офицер самодовольно закрутил черный, жесткий ус.

V. Удача идет навстречу Резцову

Третий месяц возились американцы на рейде, а дело у них, видимо, подвигалось туго.

Теперь обследование морского дна передвинулось от острова к береговым скалам Балаклавы. И тут, на глубине около 90 метров, погибли два водолаза. Тогда вспомнили о русской водолазной команде, отданной в распоряжение компании. Командир команды получил приглашение «пोजаловать на американский пароход».

Командир Хохлов был занят в это время обследованием симферопольских ресторанов; приглашение принял его помощник — Резцов. Он давно этого ждал. Хотелось ближе посмотреть, что делают эти загадочные «морские археологи».

Резцов пришел в водолазную команду и здесь отобрал партию лучших водолазов:

— Незамай, Кривенко, Осипов!

Вытянулись три молодца: Незамай — плотный, чернобровый, с богатырской грудью и добродушным лицом, сухой и сильный Кривенко и Осипов — плечистый и рослый. В водолазы берут только очень сильных людей, привычных к морю.

— Ребята! — крикнул Резцов с наигранной веселостью. — На работу сегодня!

— Есть, ваше благородие! — гаркнули водолазы.

— Американца выручать. У него дело разладилось. К часу соберите все в порядке. Осипов — ты старшиной будешь...

Часа через два водолазный баркас подвалил к американскому пароходу. Резцов прошел к капитану. В кают-компании его ждали капитан — седой, бородатый англичанин — и два бритых американца. Один из американцев заговорил порусски, выбирая слова и часто останавливаясь.

Американец объяснил, что на последних работах они потеряли двух своих лучших водолазов, и теперь временно прекращают работы, до приезда новой партии из Америки. Суда они отведут

¹ От молодых офицеров в малых чинах в царское время при женитьбе требовался залог в 5000 рублей. Это называлось — «реверс».

к Севастополю, а русской команде дают следующее поручение: обследовать рейд балаклавского побережья и наметить приблизительно места затонувших судов, вне района, уже обследованного ими.

— Чтобы не терять времени до осенних бурь,— объяснил американец.

За эту работу, на которую назначался месяц, американцы обещали команде особое вознаграждение в тысячу долларов. Резцов быстро сообразил всю выгоду этого предложения для его планов.

«Это как раз то, что мне сейчас нужно,— подумал он.— В этот месяц надо все кончить». И он немедленно выразил свое согласие. Тут же было подписано соглашение на двух языках: английском и русском. Резцов получил аванс в пятьсот долларов.

На другой день американцы снялись с якоря и отплыли, а русская водолазная команда принялась за работу. Командира Хохлова Резцов известил письменно, на что получил в ответ телеграмму: «Дуй белку в хвост и в гриву. Благо-славляю!»

Видимо, телеграмма писалась неунывающим командиром под веселую руку.

Водолазы были очень довольны американским дополнительным вознаграждением. Работа закипела. Резцов, сам опытный водолаз, разбил предполагаемую к исследованию часть залива на правильные секторы. Водолазный паровой баркас должен был передвигаться по составленному Резцовым плану и попутно наносить на особую карту все, что найдется на дне.

В первый же день Резцов решил, что опустится сам, взяв с собой водолаза Незамайя в качестве помощника.

На баркасе все приготовили для спуска. Четыре человека стали у двух нагнетательных насосов, снабжающих водолазов воздухом по резиновым трубкам, двое других заняли места у сигнальных веревок.

Первым одели в водолазный костюм Незамайя, а вторым Резцова.

По двум лестницам они спустились на морское дно. Стоял яркий солнечный день, и вода была прозрачна, как расплавленный сапфир.

VI. Водолазные работы

Глубина достигала тридцати метров. Оставаться под водой можно было часа полтора. Резцов огляделся и пошел по дну. Он увидел множество корабельных обломков; кузова судов, килями вверх, лежали на дне, покрытые перламутровой сеткой раковин и моллюсков.

Резцов оставил Незамайя у первого кузова. Заранее было условлено, что Незамайя обшарит первое попавшееся им судно, а Резцов пройдет подальше, насколько позволит длина сигнальной веревки и воздушной трубки.

Резцов коротко дернул сигнальную веревку один раз. Это означало на водолазном языке: «Я на грунте. Чувствую себя хорошо».

И действительно, он почувствовал теперь сильный подъем, хотя обычно под водой водолазы испытывают несколько угнетенное состояние духа.

Незамайя ворочался, как подводное чудовище, около затонувшего судна — он искал входа внутрь, чтобы доложить затем командиру об увиденном. Резцов два раза волнообразно потряс сигнальную веревку. Это означало: «Потрави веревку и трубку».

Тут же, почувствовав, что веревка и трубка подались — смело двинулся вперед. Условлено было заранее, что потравка может дойти до ста метров — в этом радиусе Резцов и решил про-извести свои обследования.

Резцов легко пошел по морскому дну. Каждая свинцовая подошва его водолазных «галаш» весила около десяти кило, да свинцовые грузы — спинной и грудной — по сорока кило каждый. Но здесь, на тридцатиметровой глубине, этот груз не чувствовался. Без него водолаза выбросило бы наверх, как пробку из бутылки забродившего кваса.

На морском дне стоял зеленоватый полумрак, в котором привычный глаз водолаза разбегается легко метров на 5—6 вокруг. Каменистое дно было густо усеяно раковинами. Блестящая поверхность их давала отраженный свет. В некоторых местах было совсем темно — здесь скопились обломки погибших кораблей. Резцов пошел к этим темным пятнам, беспрепятственно требуя дальнейшей «потравки» сверху.

VII. Решение на дне моря

Подводная жизнь мало интересовала Резцова, усердно исследовавшего обломки погибших кораблей, в надежде наткнуться на остов «Черного Принца». Но в этом обширном морском кладбище не так легко было сразу ориентироваться даже привычному и опытному водолазу.

Обломки затонувших судов виднелись во многих местах. Обломки эти густо затянуло мол-

люсками. А скелеты людей, отшлифованные, как слоновая кость, с обрывками одежды,— говорили о том, что здесь некогда произошла трагедия со многими человеческими жертвами.

Захащенным с собой острым топором Резцов отбивал моллюсков, толстой корой облепивших корпуса судов, чтобы прочесть имя погибшего судна.

«Все не то! — с досадой думал он.— Нет, так его не найдешь, хоть целый месяц ищи. Надо знать точнее место...»

Его мысли были внезапно прерваны резким рывком сигнальной веревки. Старшина сверху спрашивал: «Как себя чувствуешь?» И вслед за этим два раза веревка затряслась волнообразно. Это означало: «Не ходи дальше. Шланг весь вышел».

Резцов, увлекшись поисками, зашел дальше условленного района. Шум в ушах стоял сильный. И внезапно Резцова охватила злость. Он слишком долго пробыл под водой, и даже на его крепкий организм это подействовало — глухое раздражение накачивалось на него.

«Дурак! — подумал он.— Разве так ищут? Надо во что бы то ни стало достать книжку с картой у старика... через... Варю... или... — он мрачно задумался,— если она не захочет, так я сам достану. Хоть убью, а достану...»

Резцов быстро пошел к месту подъема, где уже стоял наготове водолаз Незамай, сигнализируя что-то наверх, и отрывисто дернул сигнальную веревку три раза: «Поднимай наверх. Выхожу».

То же сделал и Незамай.

Наверху водолазов освободили от тяжелых одеяний. Оба немедленно легли на палубу ничком, и лежали так с полчаса, отдыхая.

Когда Резцов переоделся в форму, старшина Осипов почтительно доложил:

— Ваше благородие пробыли два часа. Мы уж думали, не случилось ли чего? Сигнализировали Незамаю — так тот успокоил: здоровы.

Резцов угрюмо выслушал его и резко сказал:

— Осматривал дно. Дай карту! — Нанес на память место, где находил обломки и остатки погибших кораблей англо-французской эскадры. Потом так же угрюмо заявил старшине:

— Теперь будете каждый день работать по размеченному плану секторами. Понимаешь? — и он указал пальцем на расчерченную карту.

— Докладывать мне каждый вечер. Я буду наносить. А работу ведите пока сами.

Умный матрос первой статьи, старшина Осипов, сдержанно ответил:

— Есть, ваше благородие! Справимся! В эту пору погода штилевая. Работа легко пойдет.

Резцов внимательно посмотрел на него и отчеканил:

— Незамай спиши с баркаса. Пришлю приказ. Будет при мне вестовым.

Старшина Осипов про себя удивился: лучшего водолаза в команде, и вдруг — вестовым! Чудаки эти, господа офицеры! Но строго держа дисциплину, вслух сказал:

— Есть, ваше благородие!

Резцов съехал на берег на маленьком паравом вельботе, захватив с собой Незамай.

Сегодня на дне моря им было принято твердое решение: не терять теперь ни одного дня. Идти самым быстрым темпом к цели, чтобы успеть все закончить в данный американцами месячный срок. Незамай должен будет ему по-

мочь. Из всей команды он выбрал этого добродушного, сильного детину, производившего впечатление человека скромного и молчаливого. Да и водолаз он отличный.

— Надо его обработать, не посвящая, конечно, ни во что,— решил Резцов, выскакивая из вельбота на пристань в Балаклавской бухте.

VIII. Простые души

— Ты понимаешь, Незамай,— внушительно говорил Резцов в своей канцелярии при казарме водолазной команды,— что я тебя приближаю к себе. Значит, оказываю доверие. Можешь ты это понимать?

Незамай скромно стоял, вытянувшись у прилоки. Он отвечал без запинки:

— Есть, ваше благородие. Мы это можем понимать. Даже вполне.

— Кто ты? — продолжал Резцов, пуская сигарный дым спиральными кольцами в воздух.— Простой матрос второй статьи. А я офицер. Вот кончишь свой срок службы, и если верно будешь мне служить, я тебя могу устроить... того... вообще... недурно...

Резцов сам не знал, куда он собственно может устроить Незамай, но простодушный матрос уже отвечал с веселой готовностью:

— Есть, ваше благородие! Так что покорно благодарим.

— Ты человек холостой?

— Так точно.

— Ну, вот и отлично. Будешь моим вестовым, а Андрейчука я спишу на баркас. У него язык бабий — болтает много лишнего. А я хочу, чтобы мой вестовой был не болтун, не шатун... Чтобы язык за зубами держал,— уже строго повышая тон, сказал Резцов.— Мало ли что господа офицеры делают! Чтоб молчок — понимаешь?

Незамай охотно согласился.

— Есть, ваше благородие. Чего языком трепать зря?

— Ну, так вот,— заключил Резцов.— Теперь сходи-ка ты к Прониной барышне, Варваре Сергеевне, да отнеси ей эту записку. Знаешь ее? Незамай добродушно усмехнулся.

— Чернявенькая из себя... Внучкой будет дедушке Степану Ивановичу... Знаем...

— Только смотри, отдай так, чтобы никто не видал. Понял? И особенно дедушка.

— Есть! Сделаем в плепорцию.

Резцов передал записку и, когда Незамай ушел, задумался.

«Это будет решительный ход. Если Варя согласится украсть эту проклятую книжку — дело в шляпе. Если нет — сорвалось дело. Без этого плана надо целый год тут шарить по дну, да и то не найдешь...»

Все эти мысли бурно и беспорядочно пронеслись в голове Резцова. И он не заметил, как в комнату тихо вошел Незамай и прошептал:

— Ваше благородие! Извольте принять писульку от барышни...

Резцов схватил записку из рук вестового и прочел два слова:

«Приду, милый...»

Через час, перед закатом, Резцов стоял на выступе скалистого отрога, близ Балаклавского рейда, и ждал Варю. Это было постоянное место их встреч. В сонной Балаклаве мало находилось

охотников гулять по этим крутым тропинкам. Но если не находилось здесь туристов и обывателей-охотников до прогулок, то встречались «охотники» другого сорта — балаклавские контрабандисты. Здесь, на малодоступных для береговой стражи местах, они прятали товары, доставляемые им в темные ночи на турецких фелюгах, и отсюда потихоньку сплавляли их дальше.

Христо Беретос, главарь шайки греков-контрабандистов, в эту минуту сидел в узкой расщелине скалы и наблюдал за шагавшим взад и вперед Резцовым. Христо скрипел зубами от злости. Как стемнеет, ему должны сюда доставить товар на специально приспособленном блоке по

канату с моря. Этот чертов малый может помешать. Кого он ждет?

В эту минуту Христо увидел, как из-за поворота скалы быстро вышла в белом платочке Варя и побежала к молодому человеку. Грек тихо зацокал языком:

— Це-це-це! Внучка старого боцмана! Чего им здесь нужно?— И насторожил чуткое ухо.

Резцов прерывающимся голосом говорил:

— Дорогая, теперь судьба наша в твоих руках. Ты понимаешь, мне дано такое важное поручение от этих американцев — обследовать рейд и наметить, где лежат затонувшие суда. Если я выполню это хорошо, меня ждет крупная награда и повышение по службе. И тогда наша свадьба обеспечена.

— Какое счастье! — лепетала Варя, прижимаясь к Резцову. — Милый, дорогой мой...

Тот сурово отстранил ее.

— Но я этого не могу сделать.

— Почему? Почему же?

Резцов трагическим жестом ударил себя в грудь.

— Я спускался сегодня на дно... Осматривал... Здесь работы хватит на год... И тогда — прощай и награда и повышение... Прощай наша свадьба!..

Варя тихо заплакала и прижалась опять к Резцову.

— Милый, что же делать? Чем тут я могу помочь?

Резцов заговорил убедительно и властно:

— Можешь! Затем я тебя и вызвал. Если хочешь нашей свадьбы — помоги.

— Я все сделаю! — горячо воскликнула Варя.

— Слушай! У твоего деда, в его памятной книге, записан подробный план расположения погибших кораблей. Надо его достать.

— Так попросим у него...

Резцов усмехнулся.

— Я просил. Не дает и не даст. Твой дед — старый чудака. Он помешался на том, что это его тайна, которая должна умереть с ним.

— Я его упрошу! Дедушка меня любит и сделает это для моего счастья. Я открою ему, что ты мой жених.

Резцов крепко сжал ее руку:

— Нет! Этого нельзя делать ни под каким видом. Ты глупенькая, Варюша. Надо это сделать по-другому.

— Как же?

— Взять эту книгу.

Варя тихо вскрикнула:

— Как взять? Тайно?

— Ну, да!

— Значит, украсть?..

Резцов резко захохотал:

— Не делай глупых драм, Варя. Дело идет о нашем счастье. Не украсть, а взять всего на час. На один час! Я сниму копию с планов и верну книгу тебе. Ты ее положишь на место, и никто никогда не узнает об этом. Поняла?

Варя чуть слышно ответила:

— Поняла...

За выступом скалы, в узком ущелье, Христо не пропустил ни одного слова из этой беседы. И когда молодые люди пошли по дороге к Балаклавке, он выразительно зацокал:

— Це-це-це! Тут что-то неспроста! Надо последить...

Багряно-золотистое солнце окунулось в море, словно собиралось нырнуть туда. Розоватые лучи яркими бликами побежали по гладкой водной

поверхности, точно дарили море последними ласками уходящего солнца. Быстро спускалась южная ночь.

Далеко внизу, на море, гудел глухой шум волн. Его прорезал протяжный свист. Христо выполз из своей щели и три раза прокричал со-вой... Где-то среди камней заскрипел блок.

IX. Бук поставлен

Через три дня Резцов сидел, запершись на ключ, в своей комнате, и жадными, внимательными глазами пожирал страницы старой книги в кожаном переплете. Тут же сидела Варя и тревожно рассказывала:

— На наше счастье, дедушка вчера вечером вынул книгу и стал туда что-то писать. Я поглядела, куда он ее прячет, — в железную шкатулку. Ключи он всегда в кармане пиджака носит. Лег он сегодня после обеда в саду отдохнуть — смотрю: пиджак висит на гвозде. Схватила ключ, открыла шкатулку, вынула книгу... и ну бежать к тебе. Уж как положу назад — и сама не знаю...

Резцов не слушал ее. Он судорожно перелистывал страницы, ища нужного плана. Быстро пробежал глазами несколько планов, набросанных старым боцманом — и вдруг чуть не вскрикнул от радости. Сверху одного плана стояла надпись: «Место гибели парового судна «Черный Принц» в 1854 году, по показаниям очевидцев, по сей карте».

Здесь был нарисован план внешнего рейда с выходом из Балаклавской бухты. Тщательно зарисованы все мысы и выступы. И в одном месте поставлен черный крест. Внизу — пояснительная надпись:

«От левого крыла выходного жерла бухты по внешнему рейду отойди сто сорок шагов. Прямо на взморье против Красного мыса сажен сорок. Пошел вверх килем после трех ударов о скалы».

Резцов быстро записал эти слова, скопировал план и быстро перелистал книгу до конца. Дальше шли отметки о совершенно неинтересных ему авариях. Он глубоко вздохнул, точно сбросил с себя стопудовую тяжесть, и протянул книгу Варю.

— Беги скорей... Клади на место...

Варя удивилась:

— Так скоро? Только и всего!

Резцов радостно рассмеялся:

— Только и всего, дорогая! Беги скорей! Наше счастье близко...

Варя убежала, а Резцов крикнул Незамай, велел приготовить паровой вельбот и взять с собой самый сильный морской телескоп.

А пока готовили вельбот в бухте, он быстро зашагал к внешнему рейду, взобрался на выступ крутого берега и принялся отмеривать ровными аршинными шагами отмеченное в книге расстояние. Когда место было найдено, он подошел к выступу крутого берега, возвышавшегося на несколько десятков метров над морем, нагнулся — и увидел внизу гладко отполированный волнами острый мыс темно-красного цвета.

— Не соврал старик! — радостно прошептал Резцов и впился глазами в море. Его наметанный «морской глаз» быстро определил приблизительное расстояние в сорок сажен на взморье.

«Так вот ты где, голубчик, находишься! Мой дорогой «Черный Принц» со своими затонувши-

ми сокровищами... А дураки американцы ищут тебя в трех километрах отсюда! Хе-хе-хе!».

Он засмеялся тихим, внутренним смехом человека, который уже протянул руку к сокровищу и знает, что оно ему принадлежит. Потом, почти бегом, пустился к бухте, перескакивая через камни, как горный козел. Он чувствовал такой подъем духа, что готов был прыгнуть прямо вниз, но вовремя себя сдержал и быстрыми шагами подошел к вельботу.

Незамай с телескопом стоял на юте и ждал начальника. Резцов вскочил одним прыжком на трап и отдал приказ в машину:

— Вперед! До полного!

Вельбот ринулся из бухты, пролетел ее стрелой, вылетел на внешний рейд и описал большую дугу влево от выхода. Затем, замедлив ход, подошел почти вплотную к Красному мысу. Отсюда по прямой линии Резцов отмерил нужные сорок сажен и коротко сказал:

— Якорь!

Загремела якорная цепь. Вельбот замер на месте, тихо колыхаясь на мелкой волне. На море стоял штиль. Солнце прошло зенит, но бросало все еще жаркие лучи. Далеко маячил водолазный баркас, там шли работы. Резцов взял сильный морской телескоп и стал вглядываться в глубину. Но видно было только метров на двадцать, а дальше шла муть.

— Незамай! — крикнул Резцов. — Смерь-ка глубину...

Незамай скоро доложил:

— Так что шестьдесят метров, ваше благородие! Глубко будет...

— Брось бук! — распорядился Резцов.

И пока шли приготовления, он раздумывал: «Надо будет это дело поумнее обставить. По команде объявлю, что начну сам обследование от выхода из бухты — для скорости. Это ни у кого не возбудит подозрения. Потом надо будет удалить людей с вельбота — механика и кочегара. Сам их заменю. Перенести сюда нагнетательный насос небольшой, два водолазных костюма. Кроме Незамайя никого нельзя брать — разболтают».

В это время раздался голос Незамайя:

— Есть бук!

Резцов приказал машине тихий ход и поплыл вдоль берега. Он слышал от кого-то из старожилов, что есть в крутых балаклавских берегах

хорошо скрытые пещеры, которыми прежде пользовались контрабандисты. Надо было найти такую на всякий случай, если придется временно спрятать сокровище.

Острыми глазами он обшаривал крутые, каменные берега и, наконец, нашел полукруглую щель — вход в пещеру.

«Ну, теперь дело в шляпе!» — весело подумал Резцов и полным ходом двинул вельбот во внутреннюю бухту.

Х. На борту «Черного Принца»

Все было исполнено, как по писаному.

Водолазная команда ничуть не удивилась, когда узнала, что помощник командира решил сам заняться изысканиями с другой стороны рейда.

— Видно тоже заработать хочет долларей, — решили водолазы, которых очень интересовала награда американцев.

Прибывший на короткое время командир Хохлов тоже одобрил намерение своего помощника.

— Работайте во славу Америки, — изрек неунывающий моряк между двумя стаканами портера в комнате Резцова. — Кстати, из американской ассигновки выдайте мне сотню долларов. И запишите за счет ревизии водолазных работ.

Резцов охотно выдал командиру сотню долларов — ему хотелось скорее его спроводить. Капитан Хохлов не засиделся — в Ялте начинался «бархатный сезон», и он отбыл туда с первым же пароходом.

Теперь надо было приниматься за дело быстро и энергично. В тот же день Резцов вышел на вельботе на место, отмеченное красным буйком. Он взял с собой Незамаю, полное водолазное снаряжение и двух помощников к насосам.

— Я спущусь первым, — сказал он Незамаю, — а ты спускайся, когда я дам сигнал. На такой глубине долго не проработаем.

Быстро снарядился и, сгорая от нетерпения, погрузился в воду. На этот раз он был вооружен топором, сильным ручным электрическим фонарем с вольтовой дугой и воздушными аккумуляторами за плечами, состоявшими из трех прочных стальных цилиндров, скрепленных скобами. Этот воздушный аккумулятор был снабжен воздухом с давлением до 40 атмосфер. Аккумуляторы эти позволяли водолазу не зависеть от воздушной резиновой трубки и давали ему возможность свободно передвигаться под водой.

Аккумуляторный аппарат нужен был теперь потому, что Резцов собирался забраться внутрь погибшего судна. Резиновая трубка могла здесь запутаться.

Аппарат весил в воздухе десятки кило, а в воде всего 12 килограммов. Резцов с трудом спустился по стальной лестнице, укрепленной у борта вельбота, и облегченно вздохнул, очутившись в воде. Он довольно быстро пошел вниз и через минуту-две очутился в мути густой тины. Он догадался теперь, почему морской телескоп не взял дальше двадцати метров в глубину.

И когда Резцов ступил на дно, прорезая те-

лом густую, вязкую массу тины, он понял, что тут будет много возни. Но сокровища «Черного Принца» были слишком заманчивы. И он решительно дал наверх первый сигнал: «На грунт!» И сейчас же второй: «Трави канат!»

И тотчас двинулся вперед, пробираясь сквозь тину, закрывшую стекло и облепившую его. Бешеными усилиями пробрался водолаз вперед, и вдруг наткнулся на острый выступ. Чуть не упал, но поднялся и ощупал встретившийся предмет. Ясно — это киль корабля. С новой энергией двинулся вперед, держась бортов облепленного тинной корабля. И, холодея от ужаса, подумал: «Его всего облепила тина... Не проберешься внутрь»...

Взволнованный, он задышал глубже и почувствовал сильнейший шум в ушах. Слишком велик был напор воздуха в легкие. Он умерил его

приток, дышать стало легче. Сделал еще несколько энергичных усилий и, наконец, выбрался из тины. Дернул сигнал два раза, волнообразно: «Трави дальше!» И уже спокойно пошел вдоль кила погибшего судна.

Большой паровой корвет лежал на боку, без мачт и такелажа, весь обросший ракушками. Только носовая часть застряла в тине, а остальной корпус был ясно виден в этой зеленой пелюшке на каменистом дне.

Резцов взял сэбя в руки и начал методически работать. Прежде всего он добрался до носа, все время травя сигнальную веревку, и здесь принялся старательно обчищать топором то место, где обычно помещается имя корабля. Теперь он свободно работал в тине. Он уже привык к ней и следил лишь за тем, чтобы не засосало сигнальной веревки. После недолгой работы топором он начал различать выпуклые буквы, и при свете электрического фонаря, укрепленного на шлеме, ясно прочел надпись:

«Black Prince»

Резцов почувствовал внезапно сильный звон в ушах и одновременно затрудненное дыхание. В голове его мелькнуло: «Со мною обморок!» И последним усилием воли он быстро задергал сигнал тревожными рывками.

На вельботе старшина прочел сигнал со дна: «Тревога! Подымай скорей!»

Резцова подняли наверх, сняли с него шлем, освободили от тяжелого водолазного костюма.

Резцов лежал ничком неподвижно и постепенно приходил в себя. Незамай жалостливо качал головой.

— Глыбко спустились, ваше благородие...

Очнувшись, Резцов, однако, бодро вскочил и отдал команду:

— Передвинь буюк на тридцать метров ближе к берегу по прямой. Здесь тина.

Незамай бросился исполнять приказ, а Резцов усмехнулся и подумал: «Обморок? Нет, это не глубина довела меня до обморока, не давление, а ты, мой дорогой «Черный Принц!»

XI. В кабачке «Кошачий глаз»

Там, где Балаклавская бухта делает свой первый внутренний загиб, упираясь в стену полуразрушенной древней постройки, едва ли не времен генуэзцев, — стоял хорошо известный балаклавцам кабачок «Кошачий глаз».

На облупившемся портале входа красовался грубо намалеванный кот с зелеными глазами, и около него бутылка. Виноградная лоза густо обвила эту убогую постройку, придав ей живописный вид.

Любознательные туристы частенько заходили сюда, чтобы выпить маленькую чашку ароматного и крепкого турецкого кофе и посидеть в прохладе виноградных лоз в знойный день.

За прилавком неизменно стоял хозяин-грек Аристид Хриносанофецко, а прислуживала его дочь Калипсо — красивая, но довольно грязная и косматая девица.

Все это было так — днем. Но лишь только спускалась темная южная ночь, как гостеприимный вход запирался и в боковой двери, узкой, как щель, появлялся зеленый фонарь: он светил в чернильную тьму, точно глаз сказочного кота, и какие-то тени, одна за другой, крались к зеленому фонарю и неслышно пропадали в щели. Если же зеленый фонарь не горел — это означало тревогу. И тогда безлюдно было около кабачка.

Это был притон балаклавских контрабандистов. Здесь они сбывали свой товар.

В тот вечер, когда Резцов впервые ступил на борт «Черного Принца», зеленый фонарь горел весело и призывно. И движение теней около щели было оживленно.

Аристид принимал гостей у прилавка. Вся его смуглая физиономия с давно небритой густочерной щетиной, которая начиналась от глаз и лезла в уши, сияла гостеприимством. Косматая Калипсо еле успевала раскупоривать и подавать на стол вино. Контрабандисты пировали. «Улов» был богатый.

В скрытую каморку, которая имела выход в ущелье, сносились тюки с драгоценными смирнскими тканями. Громадная выгода этого дела была в том, что драгоценные ткани достались почти даром: доверчивый турок, хозяин фелюги, в пути нечаянно «утонул». Такая «удача» бывает не каждый день. И потому пир шел горой. Колочий Аристид уже подумывал о том, что сегодня не хватит запасов его погреба, когда вошел главарь шайки Христо, нахмуренный, озлобленный. Сев за крайний столик, в углу, он кивком пальца подозвал хозяина.

Два друга сидели за столом молча, пили черный кофе. Потом закурили дорогие сигары.

Колочего Аристида разбирало зверское любопытство. Христо узнал что-то важное; нужно, чтобы он первый заговорил, — тогда верх будет его, Аристида. Если же Аристид первый проявит любопытство — тогда ясно, что возьмет верх Христо и постарается высосать из него всю кровь раньше, чем даст заработать хоть один золотой.

И потому оба молчали и курили.

Аристид, в качестве хозяина, счел долгом вежливости заговорить о только что сделанном деле. Разговор шел по-гречески.

— Большая удача! Тут может очиститься... — и Аристид стал быстро считать, точно в голове у него помещался арифмометр. Христо равнодушно слушал. Дал выболтаться другу до конца и сухо сказал:

— Интересны не те дела, которые сделаны, а те, которые еще можно сделать.

Аристид сжал в колочий комок свою физиономию и захихикал почтительно.

— Да, да, да... Но смирнская ткань — это то же золото.

Христо хмуро ответил:

— Но еще лучше взять чистое золото...

Аристид судорожно заерзал на стуле и не выдержал. Задыхаясь от волнения, он прохрипел:

— Есть дело? Говори... Говори...

Христо выдержал долгую паузу и, когда жадный Аристид был доведен до белого каления, веско уронил:

— Да! — и тут же, взяв строгий хозяйский тон, заговорил тихо и раздельно:

— Нужно будет двух молодцов на «мокрое» дело. Наши не годятся. Таких, чтоб шли на все...

Аристид съежился и посинел от натуги.

— Какое дело-то?— прошептал он, наклоняясь к другу.

Христо коротко отрезал:

— Найди людей сперва...— И вышел из кабачка.

XII. Незамай выручил

Три дня дул норд-ост, и в море была «свежая погода». Водолазные работы прекратились. Резцов с утра сидел в казарме и злился. Для такой опасной работы на большой глубине необходимо был полный штиль. Малейшая неосторожность старшины у сигнальной веревки и носса могла стоить жизни водолазу.

Он не ходил эти дни к Прониным. Лишь Варя забежала на минутку сказать, что ей удалось незаметно положить дневник в дедушкину шкатулку. Но Резцов встретил ее сурово: необходимость в девушке миновала, и его грубое сердце не дрогнуло, когда Варя тихо заплакала.

— Отчего ты так сердит?

— Не реви! Терпеть не могу женских слез! Разве не видишь, какая погода,— работать нельзя.

Он нетерпеливо, в десятый раз бросил взгляд на барометр и заметил вдруг, что стрелка начала подниматься.

— Наконец!

Резцов быстро выпроводил Варю и бросился к рейду.

Погода прояснилась. Последние лучи быстро убегали к востоку. Из их темной толпы внезапно выбрался золотой шар — яркое солнце — и радостным светом залил все еще не успокоившееся море, кудрявое от мелких барашков. Наступала мертвая зыбь.

— Незамай!— гаркнул Резцов во всю силу могучих легких.— Готовь вельбот!— и снизу, с бухты, донеслось в ответ:

— Есть вельбот!

Через полчаса вельбот вылетел на рейд, в

толчею мелкой зыби. А еще через полчаса Резцов в полном облачении водолаза давал последние инструкции Незамаю и двум матросам: не спускать глаз с сигнальной веревки. И быстро спустился на дно.

На этот раз он сразу отыскал остов корабля. Корвет лежал на боку, и пришлось сделать лишь несколько шагов, чтобы наткнуться на широкую пробоину в подводной части. Резцов внимательно проверил респиратор¹ цилиндров. Дышалось легко, лишь в ушах стоял обычный шум. Он дал наверх сигнал: «Потрави!» и смело двинулся в пробоину корабля. Прошел среди покрытых ракушками обломков к машинному отделению. Здесь лежало два костяка с лопатами около них — кочегары у топки. Осторожно пролез через обломки и наткнулся на груды скелетов, валявшихся в беспорядке. Здесь все было затянато, как густой кисеей, мелкими, блестящими ракушками и моллюсками.

Резцов осторожно, все время требуя сигналом «потравки», двинулся к носу корабля. Он, опытный моряк, знал, что ценности всегда хранились в большой командирской каюте, которая обычно была на носу, под мостиком, где сосредоточивалось управление судном. К этой каюте он и шел, равнодушный ко всем подводным зрелищам. Он шагал через пушки, через груды кортиков и ружей, точно поспешно сброшенных командой перед гибелью судна.

Наконец он добрался до носовой части. Капитанская каюта была завалена обломками, которые приняли форму чудовищных, неведомых подводных зверей, замерших в момент бешеной схватки.

«Эге! Да здесь работы дня на три»,— подумал Резцов, и двинулся обратно. Он решил поручить черную работу очистки входа в заветную каюту Незамаю. А когда все будет готово — он спустится сам и довершит дело.

Резцова подняли наверх. Он отдохнул и призвал к себе Незамайя.

— Вот, братец... даю тебе работу. Внизу лежит корвет. В носовой части завал обломков — надо очистить вход. Это для американцев, значит... Будет награда сверх полученного.

И стал давать подробные инструкции.

Незамай внимательно выслушал и тут же стал облачаться в костюм водолаза.

Когда его спустили, Резцов сам сел у сигнальной веревки. Прошло добрых двадцать минут, когда Незамай дал сигнал: «Тяни наверх!»

С водолаза сняли скафандр. Он был бледен, как полотно, и тяжело дышал. Около часа лежал на животе — приходил в себя. А потом встал, подошел к Резцову и доложил с добродушной улыбкой.

— Так что — все готово, ваше благородие! Очистил!

Резцов сделал удивленные глаза.

— Как? Все? Сразу?

— Так точно!

¹ Инструмент для равномерного нагревания и очистки втяаемого воздуха.

— Ну, брат, и медвежья у тебя сила. Я думал, дня на три будет работы.

— Постарался, ваше благородие. Хоть трудно было...

И, наклонившись ближе к Резцову, сказал пониженным голосом:

— Каюту прихлопнуло обломками — как заперло. Как вошел туда, увидел — три стальных сундука стоят. Зеленью покрылись...

Резцов похолодел.

— Ну? Дальше что?..

— Крепко заперты мудреными замками заморскими. Видно, казна лежит. Что будем делать с ними?

Резцов овладел собой и сухо приказал:

— Ладно. Там видно будет. А теперь не болтай. Молчи, как рыба.

И приказал сниматься с якоря. Пока вельбот снимался, Резцов угрюмо думал: «Теперь придется ввести в дело этого болвана. Эх, прогадал — надо было самому заняться очисткой. Проклятая барская привычка чужими руками дело делать. Вот теперь изволь брать компаньона! Впрочем...»

Мозг Резцова усиленно заработал в поисках выхода из создавшегося положения. Он не заметил, как из-за утеса показалась лодка с тремя людьми, дала скрыться вельботу, остановилась на месте спуска водолаза и долго кружилась здесь, точно искала чего-то...

XIII. Незамай обработан

Вечером того дня Резцов призвал к себе в комнату водолаза Незамай, крепко запер двери и сказал ему:

— Садись, друг. Мне надо с тобой серьезно поговорить.

Простодушный Незамай смутился.

— Что вы, ваше благородие... Мы постоим...

Резцов сильной рукой усадил Незамай на стул и заговорил раздельно и ясно, точно обрубая каждое слово:

— Теперь мы с тобой товарищи. Забудь о моем чине. Перед нами важное дело, которое можно сделать только вдвоем. Я наткнулся на то, что ищут американцы. Если сделаем чисто, большая будет нам награда. Но по команде этого объявить нельзя. Нагрянет севастопольское начальство, и тогда достанутся нам только рожки да ножки. Понял?

Незамай внимательно и напряженно слушал слова Резцова, и в его сердце росла тревога.

Он служил четыре года матросом во флоте, где царил неумолимая и жестокая дисциплина; два года был водолазом уже сверх срока, и теперь давно мечтал о том, чтобы уволиться и поселиться в своем селе, расположенном у гирл Днепра. Там ждала семья — отец, мать, братишки меньшие... Да еще ждала черноглазая дивчина Ганна, которая обещала быть его женой, когда он кончит службу и вернется домой. Бедность была дома; на водолазной службе можно было подработать по-

больше и принести домой. Желанья его были скромны — скопить сотни две-три рублей. А тут вдруг большая награда, да дело-то опасное... Как бы под суд не попасть. Тогда — прощай дом, прощай Ганна — закатают в Сибирь, если еще под расстрел не подведут. Барину хорошо, он вывернется, а матросу — крышка!

Незамай опустил глаза и молчал.

— Что же ты молчишь? — уже нетерпеливо воскликнул Резцов. — Понимаешь, в чем дело?

Незамай с усилием заговорил:

— Понимаю, ваше благородие... Да... боюсь...

Резцов сдержал усилием воли волну бешенства, подступившую к горлу, и заговорил — опять спокойно:

— Во-первых, брось всякие эти «благородия». Забудь, что я твой начальник. Говорю тебе — мы товарищи. Во-вторых, если боишься, значит, не понял. — И Резцов вдруг переменял тон, с деланным весельем ударил по плечу Незамай, достал из буфета бутылку коньяку, налил два стакана и один из них поднес матросу.

— Выпьем, брат! Легче будет говорить!

И чокнулся с водолазом.

От угощения, по понятию Незамай, нельзя было отказываться. И после трех-четырех стаканчиков крепкого коньяку беседа пошла по-иному. И даже как-то незаметно стерлась та крепкая грань, которая всегда отделяла офицера от матроса.

А когда бутылка подходила к концу, а на столе появилась другая — и самое дело представилось уже в совершенно других тонах: стоит только рискнуть, а барин во какой ловкий — он поможет, в случае чего, вывернуться... А Резцов между тем говорил:

— Тут, брат, дело чистое... Главное, чтоб начальство не пронюхало — жадное оно до денег. И сейчас дело по-своему обкургузит.

— Правильно! — подтвердил Незамай заплеп-

тающимися языком.— Начальство известно уж... Дошкурит...

— Американцев мы обдерем,— продолжал Резцов.— За указание тысяч двадцать, а то и тридцать возьмем. Патерку тысяч тебе, а остальные мне. Здорово?

У Незамай даже дух захватило от такой сумы. Пять тысяч! Куда их девать-то?! И он блаженно помотал головой; мысли начинали мешаться: то выскакивела бритая американская морда с громадными пачками денег, то появлялся остов погибшего корабля, из которого выглядывала черноглазая Ганна, сидевшая на стальном сундуке. И смеялась, и кивала ему...

Последним видением была красная физиономия Резцова: он укладывал матроса на диван.

Так и заснул Незамай в офицерской комнате мертвым сном, сраженный крепким коньяком.

XIV. Сокровища «Черного Принца»

С этого вечера Незамай стал безмолвным слугой и верным помощником Резцова в задуманном им деле.

Резцов давно наметил одну пещеру, скрытую в каменных складах скалистого берега; здесь образовалось тихое глубокое озерцо. Он посетил его на другой же день, взяв гичку¹ без гребцов, и еще раз ее осмотрел. Место было удобное и скрытое от любопытствующих глаз. Здесь можно было спрятать что угодно...

В голове Резцова созрел такой план: все сокровища, которые найдутся на борту «Черного Принца», он свезет сюда и опустит на дно этого подземного озера. Лучшего хранилища, по его мнению, нельзя было придумать. Отсюда можно будет брать их постепенно или сразу, как позволят обстоятельства. Ведь надо после этого происшествия еще выполнить целый ряд формальностей: либо взять отпуск, либо совсем выйти в отставку — словом, так или иначе, но освободиться от службы, чтобы тогда действовать уже на свободе.

Правда, в этом плане было одно неясное место — Незамай... Без компаньона в этом деле не обойдешься — один на дно не полезешь. Незамай с того памятного вечера был уже свой человек. Простовой парень, но прямой и честный. Резцов его раскусил. Совершенно не входило в его планы посвящать водолаза в самую сокровенную сущность дела. Но так уж вышло — он увидел то, чего не должен был, в сущности, видеть. Делать нечего: надо было взять Незамай временным компаньоном, с тем, чтобы потом от него все же избавиться. В таких делах лишние свидетели — очень опасная вещь...

Незамай теперь ходил за Резцовым, как верная собака за хозяином. Он ничего не подозревал — верил всецело.

«Такая уж натура цельная,— усмехаясь, думал Резцов,— уж если поверит, то до гроба».

Предстояло выбрать тихую, темную ночь, чтобы начать дело. По команде было объявлено, что изыскания передвинулись дальше; буй сняли и передвинули паровой вельбот на полкилометра дальше, на запад. И в темную, тихую ночь, когда люди спали в казармах, а Незамай дежурил по

наряду, Резцов спустился в бухту. Взял весельную лодку, которую Незамай заранее оснастил водолазными принадлежностями, и на самом тихом ходу бесшумно вышел на рейд.

Заввачены были сильные подводные электрические фонари, динамитные патроны для подрывных работ. Резцов предусмотрел все до мельчайших подробностей. Неслышно приплыли на место, отмеченное новым, под цвет воды, буйком. Первым спустился Резцов, а Незамай стал у сигнала — внимательный и настороженный.

Когда Резцов очутился на дне корпуса «Черного Принца», он зажег электрический фонарик, укрепленный на лобной части шлема, и смело вошел в свободный теперь проход к каюте. Здесь стояли три больших стальных сундука.

Резцов прикрепил динамитный патрон близ замка сундука, протянул провод, отошел на всю длину его и нажал кнопку. Взрыва не услышал. Он знал, что на такой глубине и не услышит его. Приходилось проделывать это и раньше.

Вернувшись в каюту, он увидел на стальной стенке сундука большую, лучевидно расходящуюся трещину. Ударил по ней коротким, острым ломом раз, другой и сильнейшим ударом — в третий... Крышка сундука отскочила. Лом пробил замок, уже поврежденный динамитным патроном. И так как сундук лежал на боку, как и весь корвет, то немедленно из него посыпались крепко завязанные мешки из плотного просмоленного холста. Один лопнул, и золотым потоком хлынули из него монеты — крупные, старинные дублоны¹, сверкавшие под яркими лучами электрического фонаря.

У Резцова на секунду захватило дух. Он пошатнулся и схватился за дверь каюты. Но тут же взял себя в руки и принялся разбирать мешки и считать их. В этом сундуке уложено было двадцать мешков. В воде они весили немного. Резцов захватил четыре мешка, крепко обвязал их веревкой, захлестывая морские узлы.

Теперь он работал методично и уверенно, всеми силами сдерживая волнение. Перекинув мешки через плечо — два пришлось сзади, а два спереди,— он дал сигнал наверх.

— Тяни!

И тут же почувствовал, что отделился от судна и медленно поплыл вверх.

Очень труден был подъем на лестницу. В воздухе сказалась вся тяжесть снаряжения и мешков с золотом. И только исключительная сила Незамай вывезла. Он схватил Резцова за плечи и втащил его в лодку.

Стояла густая тьма. Огней нельзя было зажигать, чтобы не привлечь внимания с берега. Но и в темноте Незамай понял, что Резцов нашел что-то ценное. Мешки упали с глухим звоном.

Матрос быстро освободил Резцова от шлема и, когда тот отдышался, шепотом, волнуясь, спросил:

— Нашли клад?

Резцов молча кивнул головой и прохрипел: — Дай отлежусь немного... Потом стану у насоса — полезай теперь ты...

Он был под водой двадцать минут, но устал так, словно пробыл там много часов. Сдерживаемое волнение отняло много сил, да и глубина была большая.

¹ Длинная узкая лодка с плоской кормой, легкой постройки.

¹ Золотая монета того времени, весом 21,06 г.

XV. Последняя ночь

Для скорости решили водолазных костюмов не снимать. Шестипудовый груз давил даже этих исключительно сильных людей. Так велико было их волнение, которое они скрывали друг от друга, что говорить они могли только отрывистыми фразами, почти шепотом...

Чередуясь друг с другом, четыре раза спускались они на дно и через три часа девятнадцать мешков с золотом лежали на борту лодки. Остался один, последний, который лопнул и высыпал из своих недр золото. Надо былс и его подобрать.

Оба почти выбились из сил. Частое опускание на большую глубину, даже при всех принятых мерах предосторожности, утомило почти до дурноты. Резцов достал флягу с коньяком и педал Незамаю:

— Выпей...

И сам отхлебнул почти половину. Стало немного легче. Потом вручил Незамаю крепкий кожаный мешок, куда прятал обычно инструменты.

— Ну, теперь спустись в последний раз. На сегодня довольно будет.

Незамай спросил хриплым шепотом:

— А куда же мы все это спрячем?

Резцов, которому коньяк вернул бодрость, усмехнулся. Но усмешки этой Незамай за темнотой не увидел.

— Вот вылезешь, так узнаешь. Спрячем так, что никто не найдет,— сказал он.

Когда Резцов остался один на борту лодки, накачивая насос и следя за сигнальной веревкой, он услышал вдруг, среди ночной тишины, сквозь глухой рокот прибоя волн об утесы, жалобный крик совы. Резцов вздрогнул и тут же крепко выругался: «Кричи на свою голову, проклятая!»

Но тут же услышал сквозь глухой шум прибоя тонкий протяжный свист, который шел уже, видимо, с моря.

«Точно иволга кричит»,— угрюмо подумал Резцов. И сразу забыл об этих звуках, увлеченный другими мыслями. Машинально качая воздушный насос, думал: «Пожалуй, больше и не возьмешь оттуда ничего. Еще два сундука осталось... Больно трудно достается... Довольно будет и этого. Сколько тут золота? На всю жизнь хватит с избытком. Надо спрятать понадежнее. Да, что еще нужно сделать? От Незамаи избавиться...»

Лавина бурных хаотических мыслей быстро промчалась в голове Резцова. Он почти не заметил, как задергалась сигнальная веревка, требуя подъема.

«Никто из команды не знает, что мы выехали сюда... Свидетелей нет... Об исчезновении Незамаи можно будет сообщить рапортом. Да и кто будет заботиться о простом матросе?!»

Сигнальная веревка задергалась очень часто и резко — водолаз требовал немедленного подъема.

«Связать себя свидетелем на всю жизнь... Нет! Нет!..»

Резцов стиснул зубы и решительным движением вынул нож. Ощупью нашел трубку, подававшую воздух, и перерезал ее.

Сигнальная веревка, намотанная на локоть Резцова, бурно задергалась. Уже спокойным движением Резцов обрезал и ее и глубоко вздохнул — точно сбросил с плеч тяжелый груз:

«Концы в воду!..»

В каменной стене скалы виделось небольшое полукруглое отверстие. Это был вход в пещеру с подземным озером.

В темноте нелегко найти пещеру. Ослепительные лучи прожекторов со сторожевой вышки обшаривали море, а этот уголок прибрежной полосы оставался в полной тьме.

Резцов осторожно греб, нащупывая время от времени концом багра каменную стену. Поставил лодку перпендикулярно к узкому проходу в пещеру, нагнулся — и сильным движением багра вогнал нос лодки во входное отверстие. Потом, хватаясь за выступы каменных стен, быстро продвинул лодку вперед.

Через минуту проход расширился. Резцов зажг электрический фонарик. Высокие своды осветились мягким, голубоватым светом. Это был отраженный свет от тихих вод озера.

Резцов действовал спокойно и уверенно. О погибшем Незамае он совершенно не думал. Все его внимание было занято драгоценными мешками с золотом. Внимательным взглядом он еще раз оглядел пещеру. Своды ее уходили ввысь и здесь закруглялись в форме купола. Гладкие стены из темно-красного гранита местами выступали отрогами. В неверном свете фонаря эти выступы казались фантастическими чудовищами, прицепившимися к стенам.

Резцов взглянул на часы: «Два часа... До рассвета еще долго... Все успею сделать и вернуться так, что никто не увидит...»

Он отвел лодку багром в глубь пещеры, в намеченное ранее место. Укрепил канат за выступ и принялся за работу. Надо было затопить мешки на дне озера. Резцов осторожно зацепил багром первый мешок и стал опускать его на дно...

Тем временем у входа в пещеру колыхалась на волнах лодка контрабандистов. Христо шепотом давал последние инструкции двум молодцам с темными лицами, в рваных рубашках. По сигналу все легли на дно, и лодка проскользнула в пещеру, где находился Резцов.

Резцов был так погружен в выгрузку мешков, что не заметил, как скользнула лодка. Он услышал звук выстрела и почувствовал резкую боль в спине. Хотел закричать — и выплюнул густую струю крови. Пуля Христо пробила ему легкие. Он вскочил и, задышав, выплевывая кровь, схватил револьвер.

По узкому берегу к нему бежал полуголый, мускулистый человек с ножом в зубах. Ослабшей рукой Резцов нажал спуск... Гулкий выстрел... Промоахнулся!..

В эту же минуту со звериным воем бросились на него двое оборванцев, свалили на дно лодки и крепко прижали к оставшимся мешкам.

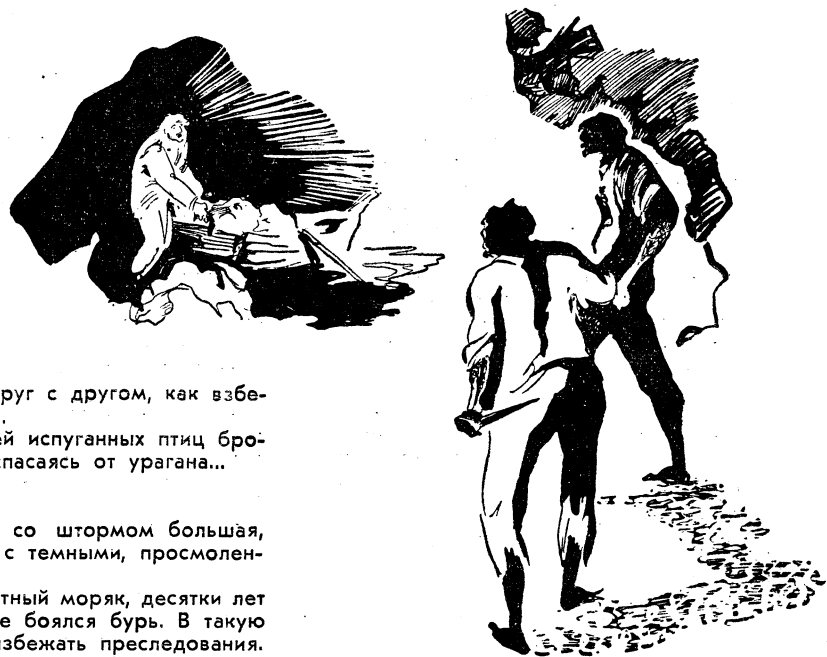
Христо, скрипя зубами, нагнулся к Резцову и вонзил ему в сердце изогнутый турецкий кинжал, повернул его и держал до тех пор, пока не увидел, что Резцов перестал дышать...

...Когда выглянул бледный рассвет — сильно засвежело. По темно-зеленому морю с беско-

нечными белыми гребешками промчались мелкие барашки. Прибрежная полоса закипела яростным прибоем, и когда солнце преодолело темные тучи и выкатилось над горизонтом — казалось, чье-то могучее дыхание пронеслось над морем.

Грозно загудел ветер. Пробежав по воде, он точно гигантским стальным плугом пропахал море. Заходили большие волны. Сталкиваясь рядами, они боролись друг с другом, как взбесившиеся косматые звери.

Заревел шторм. Стаей испуганных птиц бросились рыбацьи шхуны, спасаясь от урагана...

...Отчаянно боролась со штормом большая, черная турецкая фелюга с темными, просмоленными парусами.

Старый Абдулла, опытный моряк, десятки лет возивший контрабанду, не боялся бурь. В такую «свежую погоду» легче избежать преследования. Он стоял на корме фелюги, как бронзовое изваяние. Рука точно приросла к рулю, твердо направляя судно, которое то ныряло в водную пропасть, то взбиралось на водяную гору. Абдулла давно уже шел на одном штормовом кльвере. Все другие паруса были убраны.

Везли ценный груз. Христо с двумя своими людьми глубоко запрятал мешки с золотом в трюмы. И теперь все трое бесстрашно помогали турку бороться с ураганом...

Бешеным взрывом ветра изорвало последний кльверный парус. Руль вышибло из рук турка и бросило на борт. Христо, как зверь, бросился к рулю, но не успел добежать, как фелюгу положило на бок и залило.

Новый порыв перевернул фелюгу, как скорлупу, и она исчезла в кипящей пене моря...

«Всемирный следопыт» № 9, 1927 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Конечно, история, описанная в журнале «Всемирный следопыт», вымышленная. Но в основе рассказа лежит подлинное историческое событие, вот уже более ста лет волнующее людские умы: катастрофическая буря 2 ноября 1854 года на Черном море и гибель английского флота в Балаклавской бухте, в том числе и корабля, известного под именем «Черный Принц». Существует уже большая литература об этом событии. О нем писали и исследователи-историки, и падкие до остро сюжетных и таинственных историй журналисты и литераторы, не обошли его вниманием и некоторые серьезные писатели, как А. И. Курпин в «Листригонах» (глава «Бодолазы»), С. Н. Сергеев-Ценский, М. Зошенко, историк Е. В. Тарле и другие.

В рассказе П. Норова, в изложении старо-

го боцмана оно передано в основном довольно точно.

История эта интересует не только историков, писателей и журналистов. Не меньше (а, пожалуй, больше) она волнует также умы корыстолюбивых людей, любителей наживы, искателей приключений. Приведенная в предисловии к рассказу заметка из «Известий» сообщает о попытках японской компании «Синкай Когносио» отыскать останки «Черного Принца» в 1927 году. Еще раньше — в 1901—1903 годах с этой же целью приезжали в Балаклаву итальянцы на корабле «Генуя», а до них — французы, американцы, норвежцы, немцы.

Но — странное дело! — среди искателей сокровищ «Черного Принца» никогда не фигурировали сами англичане, которым, казалось

бы, как говорят, и карты в руки—ведь все документы о легендарной катастрофе покоятся в недрах архивов Адмиралтейства Великобритании.

И вот знакомство с хотя бы только опубликованными документами сводит на нет легенду о сокровищах «Черного Принца». В 1928 году в Севастополе вышла небольшим тиражом (и поэтому почти совсем забытая сейчас) брошюра научного сотрудника Военно-исторического музея В. И. Самсонова. Основательно изучив документы, опубликованные в Англии в 1855—1857 годах, автор пришел к выводам, которые страшно разочаровали как любителей «антологий таинственных случаев», так и искателей наживы.

Во-первых, пишет он, «надо указать, что «Черный Принц» никогда у Балаклавы не погибал, и корабля, носившего такое название... во время войны 1854-55 гг. совсем не было. Во время бури... потерпел крушение со всем своим ценным грузом пароход «Принц». Слово «Черный» было присоединено к названию погибшего парохода впоследствии молвой».

А во-вторых — и это, конечно, главное — груза золота, тех шестидесяти тысяч соверенов (фунтов стерлингов) в звонкой монете, которые составляют главную приманку в легенде о погибшем корабле — в трюмах «Принца» НЕТ.

Тот «ценный груз», о котором упоминалось выше, представлял собой действительно более дорогое в этой обстановке, чем золото, — военное имущество. Кроме артиллерийских снарядов, медикаментов, электрического телеграфа и водолазных приспособлений, с помощью которых англичане рассчитывали заложить мины и взорвать русские корабли, затопленные при входе в Севастопольскую бухту, на «Принце» находилось большое количество теплого белья, специально изготовленного для зимовки в Крыму: 40 тысяч шерстяных одеял, большое количество шерстяных ковров и фуфаек, 60 или 70 тысяч шерстяных курток, туфель, брюк, перчаток и т. п. Груз этот оценивался в 5 миллионов рублей.¹

¹То есть около 600 тысяч фунтов стерлингов — в десять раз больше, чем предполагается сумма золота на «Принце».

А золото? Разве его не было? Откуда же тогда пошла легенда? Или это «сочинение на вольную тему»?

Нет, золото было, но...

В четырехтомном отчете следственной комиссии, созданной английским парламентом для расследования причин катастрофы и определения вины капитанов погибших кораблей, под № 15729 процитировано показание помощника главного интенданта Джона У. Смита. 25 апреля 1855 года он заявил комиссии: «Я должен установить, что кладовая на 60000 соверенов пришла для комиссарията с этим судном, т. е. с «Принцем», и, хотя я не имел специальных приказаний в отношении распоряжения с этими деньгами, я взял на себя ответственность выгрузить их в воскресенье утром в Константинополе и таким путем спас их».

В этом же отчете приведен и документ, подтверждающий показание пом. интенданта — донесение его начальника в Лондон, посланное 18 ноября 1854 года, то есть через четыре дня после катастрофы.

Вот оно: «Пароход «Принц», недавно прибывший из Англии, также погиб при этих обстоятельствах со всем своим ценным грузом, за исключением 60 тысяч фунтов стерлингов золотом, которые были выгружены в Константинополе».

Итак, золота в трюмах лежащего на дне моря «Принца» нет.

Но его все же искали. Да и сейчас еще оно фигурирует в некоторых «Списках неподнятых богатств моря», и сейчас еще находятся горячие головы, мечтающие добыть богатства «Принца» со дна моря под Генуэзскими башнями.

Трудно бывает людям расставаться с заманчивой легендой, с которой они свыклись и жились...

А. ПОХОДОВ

КНИЖНЫЕ СУДЬБЫ

ЕЩЕ римляне говорили: «Книги имеют свою судьбу». Разгадать эту судьбу иногда помогают пометки, оставленные на книжных страницах владельцами.

Так обнаружилось, что в далеком Ташкенте хранятся рукописи и старопечатные книги, судьба которых в определенный период их жизни была связана с Уралом.

Среди рукописей сектора редких изданий Ташкентской публичной библиотеки имени А. Навои есть «Повесть о покорении Сибири Ермаком», написанная Саввой Есиповым в первой половине XVII века в Тобольске. Списков этого произведения, довольно распространенного в Сибири и на Урале, сейчас учтено около пятидесяти, но ташкентский список остался неизвестным. Интересно, что в конце рукописи есть приписка: «*Сия летопись Сибирское царство и княжение и взятие его в Тобольску граде писано в лето 7145-го (1636 г.) сентября в 1-й день.*»

Судя по водяным знакам бумаги, ташкентская рукопись была переписана примерно в середине XVIII века. Как, когда и при каких обстоятельствах она оказалась в Средней Азии, установить пока не удалось.

Ташкентский список имеет некоторые отличия от ранее известных.

Внутренние переплеты некоторых рукописей и старопечатных книг ташкентского собрания подклеены уральскими и сибирскими газетами разных лет, поэтому можно предполагать, откуда книги перекочевали в Среднюю Азию.

Несомненный интерес для исследователей представляет рукопись середины XIX века «Поморские ответы» с рисунками в тексте, с копиями царских и синодских указов начала XVIII века, «Певчая азбука» начала нашего века, с большим старанием и мастерством расписанная, в подражание старым поморским рукописям.

В той же библиотеке хранит-

ся уникальный экземпляр Острожской Библии первопечатника Ивана Федорова. Она была приобретена библиотекой в 1943 году. Книга содержит записи XVII—XIX веков, сделанные ее многочисленными владельцами на польском, украинском и русском языках. (К сожалению, большинство записей наполовину обрезано при одном из поздних переплетов книги). Одним из последних владельцев Библии перед ее поступлением в библиотеку был житель Екатеринбурга (Свердловска). На обороте первого листа книги (и еще два раза в тексте) овальная печать: «Иван Иларионович Скорняков, в Екатеринбург(урге) Основ(инская?) ул(ица)». Книга хорошо сохранилась.

Всего в библиотеке имени А. Навои обнаружено шесть рукописных старопечатных книг, значительная часть которых в свое время хранилась на Урале и в Сибири.

А. МАЗУНИН,
кандидат филологических наук

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА

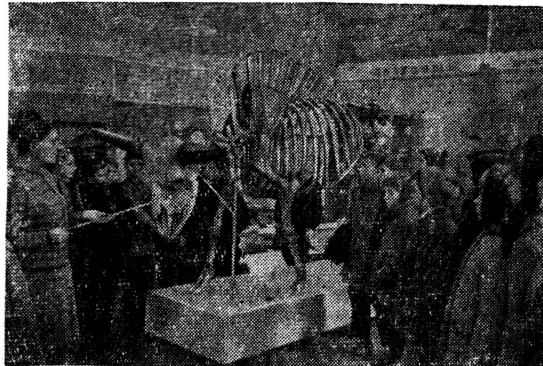
Кости ископаемых носорогов, слонов, бизонов, туров, медведей в древних речных отложениях реки Вятки встречались нередко. Но полный или почти полный скелет животного — это уникальная находка, которая выпадает на долю науки два-три раза в столетие.

В районе пристани Атары в Кировской области художник и автор детских книг О. К. Кобельков несколько лет назад обнаружил скелет коротконового бизона. В результате раскопок специалисты нашли около ста костей: позвонки, таз, крестец,

ребра, фаланги конечностей. Оказалось, что бизон был довольно крупный. Длина его примерно 3,9 метра, высота в холке — 2,3 метра. Судя по размерам, он весил больше тонны.

Как он погиб? Старица древней Вятки имела в этом месте несколько протоков. Дно их илистое, вязкое. Ученые предполагают, что переходя протоку, бизон остановился напиться. Стал бить ногами по воде — эти животные любили пить мутную воду — и завяз в топком грунте.

Зоологи реставрировали скелет, и сейчас он экспонируется в отделе природы краеведческого музея Кирова.

СТРОКИ, НЕ СТЕРТЫЕ ВРЕМЕНЕМ

В плеяде талантливых творцов уральской горнозаводской техники давно известно имя механика и гидротехника Василия Петровича Воеводина.

В биографическом указателе «Творцы техники на Урале» о В. П. Воеводине сказано, что «с 1798 года он управлял вотчинами, соляными и горными заводами В. А. Всеволожского. Деривационные установки, созданные по его проектам и под его руководством на Никито-Инвенском (Майкорском. — П. К.) заводе и возле Всеволодо-Вильвенской пристани, были первыми во всех заводах хребта Уральского. В награду за изобретения и усовершенствования он вместе с семейством в 1813 году был отпущен вечно на волю».

Но подробности его биографии оставались неизвестными. В то далекое время, когда жил и трудился Воеводин, художники не писали портретов управляющих из крепостных. И сами они не оставили, подобно своим господам, ни рукописных родословных, ни собственных жизнеописаний. Лишь многолетние поиски позволили узнать о многогранной производственной и творческой деятельности В. П. Воеводина. Однако они мало что дали для выяснения биографии этого новатора техники. Оставались невыясненными даже даты рождения и смерти его, которые в упоминавшемся указателе означены весьма ориентировочно: «XVIII—XIX вв.».

И вот безуспешно отыскиваемые в архиве «паспортные данные» о В. П. Воеводине были обнаружены там, где их вряд ли кто и предполагал найти.

Но об этом несколько ниже. А пока — вот что теперь известно нам о бывшем управителе прикамских заводов.

* * *

Родился В. П. Воеводин 26 января 1764 года в семье приказчика Пожвинского завода. Пока еще полностью не установлено, какой курс обучения

прошел Воеводин, но стиль его писем, его технический кругозор свидетельствуют об основательной общеобразовательной и инженерной подготовке.

Преодолев многие ступени служительской лестницы, в 1797 году он стал управляющим уральскими вотчинами и заводами Всеволожского и в этой должности плодотворно трудился в течение 32 лет.

Из многих осуществленных им дел важнейшим стала реконструкция Пожвинского завода. В первой четверти XIX века завод по существу отстроили заново. Деревянные строения были заменены каменными, устаревшее оборудование — совершенным, изготовленным тут же на месте.

В основу планировки промышленных объектов Воеводин положил четкую организацию поточности* (как сказали бы мы сегодня) основного производства, начиная от выплавки чугуна и кончая изготовлением различных изделий из получаемого здесь же ковкого металла.

При всем этом производственные корпуса, гидротехнические сооружения, служебные помещения создавались не только как совершенные для того времени инженерные сооружения, но и как произведения архитектурного искусства. Архитектура завода внешне проста, но вместе с тем выразительна. В оформлении внешнего и внутреннего вида цехов было широко применено художественное чугунное литье. Здесь воедино сливались практическая целесообразность и красота.

Но какой огромной ценой моральных, да и физических усилий окупалось Воеводинным осуществление заветных замыслов! Какой силой воли нужно было обладать, чтобы, находясь в зависимом положении крепостного, выстоять в единоборстве с заводовладельцем-помещиком, помышлявшим лишь о получении прибыли!

Останутся безвестными устные выговоры и гневные нота-

ции недовольного владельца, выслушиваемые с сдерживаемым душевным возмущением. Из немалого же числа письменных порицаний, ставших архивными документами, приведем (с соблюдением орфографии) лишь один — предписание В. А. Всеволожского от 21 февраля 1812 года.

«Я читаю, — писал Всеволожский Воеводину, — что ты безвременными для меня разорительными, но впрочем по твоему красивыми строениями, нанес ты мне убытку не менее полумиллиона. Знаю я и то, что выстроено хорошо, но хозяйственно-коммерческие рацоты тобою потеряны до того, что я убытка сего забыть никогда не в состоянии. Ты забыла даже, что украшать фабрики, чтобы ими утешаться тогда только можно, когда бы выпуск и количество изделий было так велико, что награждало бы труды в давно потерянном времени, и дивало бы по существу имения истинный доход. А пользоваться одними твоими образчиками без дохода от славного имения, жить на щет Астраханского (имения. — П. К.) и в то же время терять полумиллиона на бесполезных и для одних глаз твоих приятных строениях, не только для меня отяготительно, но уж и несосно. Вникни во все это, прочитай все мои прежния подобныя сему писания и признайся мне, что ты со всем обширным и славным имением, коим ты управляешь, не только по сю пору никакой пользы мне не приносишь, но и причиняешь одни озорчения и оныя только лишь умножаешь».

Как горько это было читать человеку, талантливому производственнику со вкусом взывательного художника, оставившему после себя шедевры промышленной архитектуры!

Умер В. П. Воеводин 26 но-

ября 1829 года, в дни, когда он был увлечен замыслом осуществить постройку «паровых фур для перевозки руды или угля по чугунным дорогам», то есть первого в России паровоза.

* * *

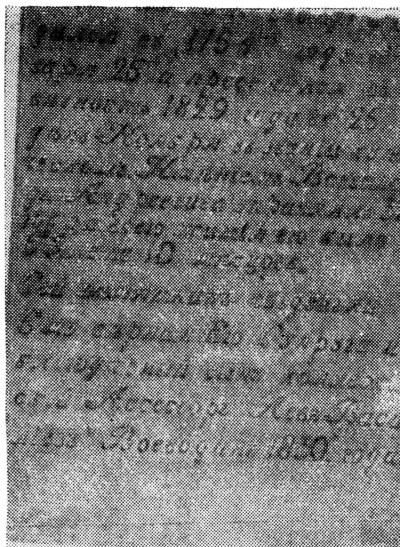
Возвратимся к неожиданной находке, о которой шла речь вначале.

Во время переоборудования бывшего дома заводовладельца в Пожве под профилакторий для новых владельцев — рабочих завода — печное отопление заменялось пароводяным. При разборке одной из печей каменщики сняли массивную плиту, перекрывавшую жаровое пространство.

Сквозь толстый слой ржавчины и сажи просматривались буквы. И быть бы плите в переплавке, не попадись она в руки дотошных и любознательных краеведов. После очистки текста стало возможным определить, что это половина надгробной плиты с могилы В. П. Воеводина.

«Сей памятник,— гласит надпись на плите,— воздвигли ему верная его супруга и благодарный сын коллежский асессор Лев Васильевич Воеводин 1830-го года».

Но самое ценное — на плите сохранились даты рождения и смерти В. П. Воеводина. **«Родился в 1764-м году января 26 а переселился в вечность**

1829-го года в 26 день ноября в звании купеческом. Именiem Всеволода Андреевича управлял 32 года а всего жития его было 65 лет 10 месяцев».

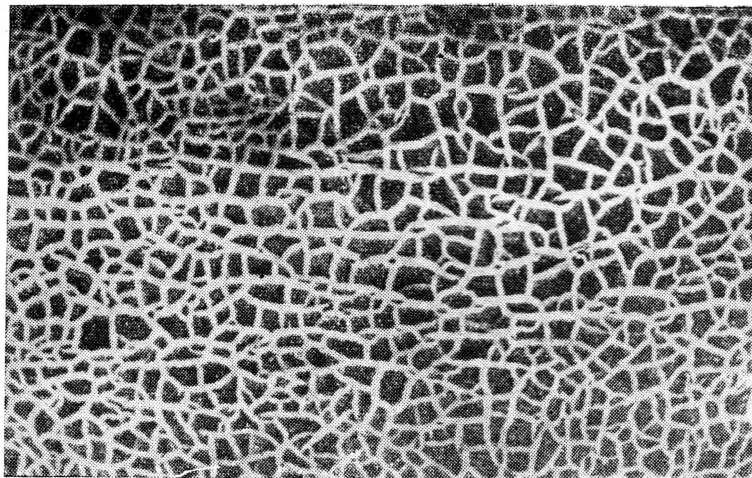
Когда же и почему надгробная плита была обращена в очажную?

Вероятнее всего в начале 1920-х годов, когда во владельческом доме располагались различные местные организации и учреждения, а завод находился на консервации. Известный печник, не имея в за-

пасе очажной плиты, таким простым способом вышел из затруднительного положения.

Около ста лет плита пролежала на кладбище, затем более четверти века опаялась в печи. Но и после таких «испытаний» на ней хорошо сохранился текст, выполненный художественным шрифтом. Это привело в восхищение даже видавших виды старых мастеров-литейщиков.

П. КАЗАНЦЕВ

**ДОГАДАЙТЕСЬ,
что заснял
фотолюбитель
Бежан
Цимакуридзе!**

АТАМАН МЕТЕЛКА

ВСЕМ известна история крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева, известны его сподвижники—Чика Зарубин, Иван Почиталин, Хлопуша, Иван Белобородов, Салават Юлаев; известны и яицкие матерые казаки во главе с Иваном Твороговым, выдавшие царским палачам своего вождя. Но как-то осталось в тени имя атамана Заметайлова — неустрашимого пугачевца, который и после поражения восстания не выпустил оружие из рук и пытался вновь разжечь пламя народной войны.

Известно, что Заметайлов был родом из простых крестьян, но хорошо знал грамоту, и, возможно, составлял по указу Пугачева «прелестные письма» и воззвания.

Однако Заметайлов — только прозвище. Настоящего своего имени он не выдал даже после страшных пыток. Казаки и крестьяне называли своего атамана и Заметайлов, и Заметайло, и Метелка. Их предводитель умело заметал следы, скрываясь от царских войск, и выводил свой отряд из самых опасных ловушек. Это прозвище говорило и о другом — новый атаман начисто выметает дворян. Так, в декабре 1774 года крестьяне вотчины (Пензенского уезда) публично при всем народе кричали «и промеду того крику покойного императора Петра Третьего поздравляли и приговаривали: хотя же Пугачев нынче пойман, но на том де еще не успокоятся, а еще де есть у нас на место ево Пометала».

Среди крестьянства Заметайлов стал легендарной личностью. Шеф жандармов Бенкендорф в 1826 году доносил Николаю I о распространяющихся среди крестьян пророчествах и предсказаниях: «Они ждут освободителя... и дали ему имя Метелкина.

Крестьяне говорят: «Пугачев погубил господ, Метелкин пометет их».

Крестьянские толки о Заметайле, как о продолжателе дела Пугачева, ходили очень долго.

Иногда атаман Заметайлов называл себя Дубровским. Вполне возможно, что эта фамилия была известна А. С. Пушкину, собиравшему материалы о пугачевском восстании. Ведь один из романов он назвал «Дубровский». У Пугачева секретарем коллегии был Алексей Дубровский. Историк М. Н. Покровский считал, что под этим именем скрывался мценский купец Иван Трофимов. Кто же скрывался под именем Заметайлова, историкам еще предстоит выяснить.

Вначале имя Заметайлова встретилось мне случайно в деле тайной канцелярии, хранящемся в Астраханском архиве. Но следом стали выявляться все новые документы «о бывшем в большой привязанности к самозванцу простом мужике», и я уже не мог оторваться от пожелтевших страниц донесений и рапортов. Передо мной раскрывалась интереснейшая история одного из многих, кто вместе

с Пугачевым шел искоренять ненавистное племя дворян и мирских кровопийцев. Вот что довелось мне узнать о нем.

26 августа 1774 года комендант Енотаевской крепости полковник Петрулин доносил астраханскому губернатору: «Сейчас получил я от правящего в Черном Яру комендантскую должность секунд-майора Перепечина рапорт, которым он извещал, что известный злодей Пугачев клонится к Черному Яру и уже от него отстоит в семи верстах...».

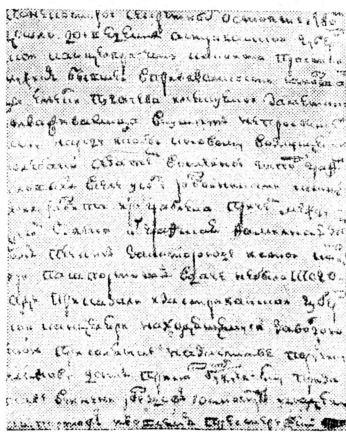
Однако разбитый под Царицыном Пугачев, не доходя несколько верст до Черного Яра, переправился через Волгу и скрылся в новоузенских степях.

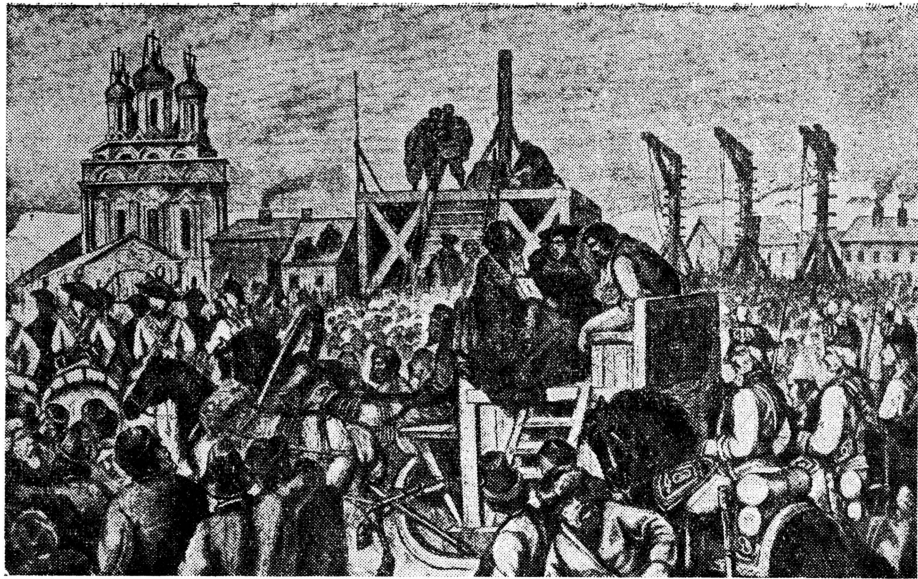
Из Астрахани на поимку Пугачева направили легкую полевую команду и полковника князя Дондукова с особым войском. Дондуков отбирал в поход только богатых калмыков. (Дело в том, что владелец Малодербетовского улуса Ценден со своими калмыками присоединился к Пугачеву.)

Власти требовали во что бы то ни стало схватить Пугачева живым. Но войску Дондукова приходилось вступать в перестрелку с рассеянными пугачевскими отрядами, а в пяти верстах выше Селитренного произошла жестокая схватка. С обеих сторон было много убитых. «Между убитых найдено тело яицкого войска татарского и калмыцкого языка толмача Адракея, который у злодея был ближним человеком и предводителем и имел при себе медали», — доносил в Астрахань Дондуков.

Так же в Астрахань были отправлены под конвоем раненые пугачевцы. Среди них — «астраханского казачьего полка сотник и депутат» Василий Горский. Отобранный у него депутатский золотой знак был отослан в астраханскую губернскую канцелярию.

Но Пугачева ни среди живых, ни среди убитых не оказалось. И, словно стая гончих по горячему следу, стало петлять по степи войско полковника. Затем Дондуков рапортовал, что его «разъезды усмотрели выше Черного Яра следов до ста пятьдесят, переправившихся на луговую сторону Волги против урочища

Казнь Пугачева в Москве.

Тонкеля, которые вверх по Волге следуют к шелковым заводам, почему я, выбрав из своего войска самых лучших лошадей, послал триста человек о двух конь...»

Как вскоре выяснилось, это был не отряд Пугачева, а повстанцы под командой атамана Заметайлова. Заметайлов, по видимому, чтобы отвлечь от Пугачева преследователей, то приостанавливал свой отряд, поджидая войско Дондукова, то вновь уносился вскачь.

Но спасти Пугачева Заметайлову не удалось.

Передо мной лежит письмо наскоро написанное майором Ковалевым астраханскому губернатору Кречетникову:

«...Сего сентября 25 числа господин генерал-майор и кавалер Мансуров через письмо уведомили меня, что известный злодей беглый с Дону казак Пугачев в Яицкой степи около Большого Узеня пойман, а сего 30 числа получил я рапорт от находящегося в Яике господина полковника Симонова, коим тоже подтверждая дал знать, что он Пугачев по поиме сего ж 15 числа привезен в Яик и содержится там под крепким караулом».

Сколько ненависти к «известному злодею» и сколько скрытой радости по поводу его поимки сквозит в словах этого короткого письма! Кречетников с облегчением писал Казанскому губернатору: «Сла-

ва богу, Михельсон счастливо решил все опасения и заботы наши...»

Весь 1774 год правительство потратило на розыски остатков рассеянной пугачевской армии. Не так-то легко было погасить пламя могучего народного движения.

Весной 1775 года в Астрахань стали приходиться тревожные вести. 2 апреля в Астраханскую губернскую канцелярию прибыло доношение из секретной экспедиции «о новом возмущении со стороны Саратова рождающемся среди черни простым мужиком, именуемым Заметайло». Этот отряд разгромил вотчину господ Орловых. Сам атаман долго осматривал бумаги в канцелярии графа и «взял графскую фамильную с гербом печать».

А через несколько дней по округе разлетелись написанные рукой Заметайлова воззвания:

«Любимые чада и братья! От имени его императорского величества объявляю, что по власти всемогущего бога за нужное нашел я без сомнения идти против злодеев-дворян в походы и вас к тому взываю...».

И атаман скреплял эти воззвания случайно найденной графской печатью.

11 марта за Волгою против села Золотого Заметайлова настигла команда капитана Бах-

муцкого полка Закуля. Но после короткой схватки атаман все же сумел уйти. По слухам, он устремился в понизовье великой реки. Беспokoйство вновь охватило царский двор и Сенат. От знаменитого полководца Суворова требовали самых неотложных мер. В свою очередь генерал-поручик требовал содействия со стороны гражданских властей.

7 апреля Суворов прислал уведомление астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову, где говорилось, что «бывший в большой привязанности к самозванцу какой-то простой мужик именуемый Заметайло отваживается внушить народу новые колебания и возмущения». Суворов требовал сообщить о Заметайлове во все присутственные места, на заставы, в уездные города.

Астраханская губернская канцелярия объявила об этом «во всенародное известие», обещая за поимку Заметайлова сто рублей. По всем командам, рыболовным ватагам, на суда, соляные озера и прочие промыслы были разосланы строжайшие предписания: «Не давая знать подлому народу, а через таких людей, как бы доверенность в тайне сохранить могли, изыскивать секретно, нет ли его Заметайлова (по прозвищу Метелка) и подобных ему вралей у кого на жительстве». Кроме того, штатной роте и плац-майору было

приказано: «надеть на себя бурлацкое платье, ежедневно обходить все базарные сходбища, осматривать суда, прибывающие в Астрахань, и примечать, не окажется ли от кого вредных обществу разглашений или о бывшем самозванце толкований».

Архивные документы донесли до нас сведения, что несмотря на самый строгий надзор, атаман Заметайлов миновал Астрахань и со своими товарищами вышел на взморье.

Ранним майским утром, едва только рыбак купца Попова выбрали невод, в Богатый Култук Красноярского уезда прибыла расшива и в верстах двух от наводчиков встала на якорь. Через некоторое время от расшивы отошла лодка с тринадцатью казаками, державшими в руках ружья. Атаман и есаул были при саблях. Все они были молодцы, у некоторых волосы обрезаны по-бурлацки, в кружок. Атамана величали Иваном Заметайловым, Метелкой, а иногда Дубровским. Он был «росту среднего, лицом красен, волосы на голове и борода рыжие, борода невелика, окладиста... Одет был в тулуп, остальные двенадцать — в серые кафтаны» (так характеризует его один архивный документ).

— Есть тут лоцман? — спрашивали приехавшие, входя на расшиву Попова.

Работные люди указали на крестьянина Рыбакова. Атаман велел ему сняться с якоря и идти за ним к Чусиной ватаге. Там у пугачевцев оставалось

еще шестеро товарищей. В лодке при них было семь чугунных пушек: три больших на станках, две средних и две мелких на ветлугах, ввернутых в борта.

Пугачевцы соединились вместе и в этой лодке отправились в дельту Урала. Рыбаков указывал им путь. Около Гурьева-городка Заметайлов присмотрел себе среди рыбацких судов большую и крепкую расшиву купца Орлова. Он захватил ее вместе с бывшими в ней людьми и одной чугунной пушкой. Работные люди с радостью перешли на сторону пугачевцев. Атаман приказал перенести на расшиву из своей лодки все припасы, пушки и бочки с водой. Пугачевцы поплыли затем к Туркменскому кряжу, где пытались объединить разбросанные отряды разгромленных пугачевцев. Заметайлов пытался даже дать сигнал из пушки, но заряд был настолько силен, что пушку разорвало и убило есаула из малороссиян. Убитого привязали к поврежденной пушке и опустили труп в море. Расшива снялась с якоря и повернула обратно в Богатый Култук. За это время Заметайлов рассчитывал поднять новый мятеж на Волге. Пугачевцы решили освободить работавших на рыбных промыслах колодников, собрать на ватагах лошадей и сухим путем ехать на Волгу к Черному Яру или Царицыну...

Не доезжая верст семь до ватаги купца Пугина, пугачевцы, должно быть, раздумали привести свой план в дейст-

вие. Атаман отпустил лоцмана Рыбакова, щедро одарив его. В «розыске» значит, что он подарил ему халат, четыре армяка, сот до двух мерлушек, бязи двадцать концов, четыре занавески, два конца синеных, три кошмы, десять бараньих шкур и четыре волчьих. Кроме того, он дал Рыбакову в оправдание записку, что задержал его силою.

Из показаний самого Рыбакова видно, что расплывшись с ним, пугачевцы захватили с Пугинской ватаги оставленную ими там тяжелую пушку и повернули назад, в море.

После этого о Заметайлове долго не было слышно. Только 6 мая с Песчаной брандвахты в Астрахань пришло донесение о появлении пугачевцев за Синим морцом.

Вечером 29 апреля пугачевцы нагрянули на ватагу астраханского ратмана Старцева на Шестовском бугре. Было их человек тридцать пять, одетых в дорогие халаты и бешметы, с ружьями, саблями и кинжалами. «Впереди их шествовал в темно-зеленом кафтане сам атаман, а за ним следовал высокого роста есаул, лицом и волосами черен, калмыковат».

Надо полагать, что отряд до этого совершил лихой налет на туркменские, а может быть и на персидские берега — одежда и оружие у пугачевцев были восточные.

На Шестовском бугре всполошились. Ватажные рабочие поспешили к атаману с хлебом-солью. Видя, что некоторые промысловые рабочие испуганные стоят в стороне, Заметайлов успокоил их:

— Не бойтесь, братцы! До вас нам дела нет. От меня обижены не будете. Пойдемте, я вас угошу! — И атаман направился в кабак. За ним повалили работные люди.

Пугачевцы выкатили на середину кабака бочку и стали угощать рабочих людей. В общем веселье не принимал участия только ценовальник Власов. Страшно перепуганный, он дрожал за свою голову и за участь казенного добра.

На другой день казаки забрали все оставшееся в питейном доме вино, захватили выручку и одежду сидельца: два кафтана, два камзола, сапоги, перстень да шляпу.

Сиделец бросился перед атаманом на колени:

1775 год апреля 30 числа
Взял есаул покиндов
Иже Шестовского целовальника
вина Сорочий вестрь и лотв
Ениде Ево одежду, впротв
Видели иже Шестовские вата
тели
атаман Заметайлов

— Хоть одежонку-то мою отдайте!

Атаман усмехнулся:

— Ты, брат, как-нибудь наживешь на народной кровушке, а нам где взять. Вот за вино, как оно царское, и тебе придется отвечать, я оставлю протиску. Давай чернильницу!

Тут же за стойкой Заметайлов написал на клочке бумаги: «1775 года, апреля 30-го дня, взяв я со своей командою у шестовского целовальника вина 40 ведер и собственную его одежду, впрочем, свидетели — шестовские обыватели.

Атаман Заметаев».

Когда работные люди вышли на берег провожать казаков, атаман крикнул:

— Гей! Кто хочет ко мне в казаки?

К атаману бросилось сразу несколько человек. Пугачевцы посадили их в свой шхоут и под разудалую песню отплыли от берега.

Узнав о случившемся, астраханский обер-комендант послал на Шестовский бугор своего человека. Ему давалась тайная инструкция узнать: «Долго ли были на том бугре казаки? Какая им была встреча? Где точно стояло, скольким числом людей судно-шхоут? Коликой величины и как сильно вооружено пушками? Почему работными людьми сопротивления чинено не было? Почему по уезде Заметайлова разъездной команде, да на брандвахты для скорейшей помощи знать не дано?»

Однако соглаדתай на поставленные вопросы ничего вразумительного ответить не мог. Он лишь со слов подштурмана Нестерова доносил в Астрахань, что Заметайлов «с одного бугра на шхоуте возвратился за Синее море в море».

Получив это известие, губернская канцелярия распорядилась послать для поимки казаков команду в 120 человек, под начальством двух офицеров на четырех лодках с четырнадцатью пушками. По черням были усилены разъезды, всюду разосланы указы с описанием примет атамана и его есаула.

Прошло несколько месяцев. Заметайлов словно в воду канул. Носились слухи, что в море появилось уже несколько «воровских партий», которые совершали нападение на купеческие караваны, освобождали на промыслах и ватагах колодников и штрафных солдат.

Наконец, в Астрахань вернулся с командой секунд-майор Арбеков, который донес обер-коменданту генерал-майору Левину, что несмотря на тяжелые переходы и мытарства, «о Заметайлове с его шайкой никакого слуха, и неизвестно, куда он скрылся. Зато разъездная команда наскочила на становище другого атамана — (Кулагина¹) с партией в один-

¹ Кулагин, или атаман Кулага — бывший солдат первого астраханского батальона. За

надцать человек, который находился около Седлистого бугра по Волге».

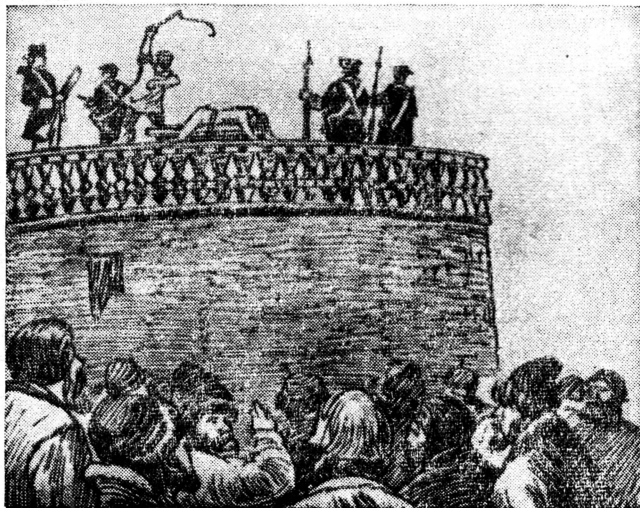
Но и Кулагина схватить не удалось. А вскоре обе группы удальцов соединились. Силы их стали настолько внушительны, что в морских камышах они напали на воинскую команду, посланную из Астрахани. После жаркой схватки объединенный отряд разбил солдат «без остатка» и захватил лодки, оружие и все боевые припасы. Во время боя атаман Заметайлов был легко ранен в левую руку. Получил раны также есаул и четыре казака.

Одержав блестящую победу, казаки надели солдатские мундиры, увешали себя ружьями, сумками на перевязях и тесаками на портупеях. Атаман надел офицерский камзол и шляпу. Есаул взял себе офицерское ружье со штыком и шлагу. Золотой темляк от шпаги он нашел себе на шапку.

Кизлярский комендант полковник Штендер был не на шутку встревожен, когда ему донесли, что казаки движутся к кизлярскому берегу. Однако этот слух оказался ложным. Казаки повернули к ватаге купца Камышова, «ниже Астрахани, в морских косах, на Ивановском карауле». Навстречу пугачевцам вышел сам хозяин с хлебом-солью и принял их как желанных гостей. Так же встретили работные люди Заметайлова на ватаге президента астраханского магистрата купца Бодрова. Пользуясь тем, что купца не было на ватаге, работные люди подарили атаману шестнадцать промысловых лошадей.

Радостно встретили работные люди казаков и на ватаге Томановского. Сам Томановский, бежавший в Астрахань, доносил обер-коменданту Левину, что атаман Заметайлов высадился со своими людьми

попытку перейти на сторону Пугачева был закован в кандалы и брошен в астраханский каземат. Его ждала смертная казнь. Однако Кулагин сумел в конце 1774 года с группой колодников бежать из каземата. Человек отчаянной храбрости, он безжалостно расправлялся с дворянами и начальными людьми. Постоянный его стан находился в одном из протоков, в низовьях Волги. В народе и поныне этот проток называется Кулагинским.

на рыболовном их стане, «состоящем в море на Брянской косе». Только он, Томановский, в маленькой лодке успел приехать «на тамошний берег и хотя из воров пять человек гнались с ружьями, но догнать не могли».

Обер-комендант немедленно послал на Брянскую косу солдатскую команду, но Заметайлова там уже не оказалось. Рыбаки сообщили, что казаков было около тридцати человек. Атаман и есаул «раненые в левые руки, а еще двое очень сильно раненые из расшивы выйти не могли». Казаки рассказали рыбакам, что разбили в камышах солдатскую команду, и попросили немного хлеба. Ловцы отдали казакам подмешка сухарей.

Обер-лейтенант Левин, учитывая нехватку продовольствия у казаков, писал астраханскому губернатору, что люди Заметайлова, по-видимому, предпримут нападение на «мореходные суда с казенным провиантом». Для поимки пугачевцев Левин требовал дополнительных солдатских команд и чтоб на каждой лодке иметь по две небольшие пушки.

На взморье высадили новую разрездную команду подпоручика Климова. Прибыв на Четырехбугоринскую брандвахту, Климов узнал, что на соседней ватаге ограблен купец Николаев. Подпоручику донесли, что Заметайлов направился к Лаганской ватаге. Климов бросился в погоню. В полночь он был у Лагани. Но захватить казаков врасплох не смог. Завязался пушечный и ружейный бой. Казаки показали в этом бою большое военное мастерство. Вот что писал обер-комендант Левин в рапорте губернатору Кречетникову:

«...И между того тех разбойников пуля и оружие не вредило и из оных никого в уроне не состояло, причем сам атаман из ружья выстрелил и ранил подпоручика и на разрездную лодку со своими разбойниками наскочил и отбил у солдат лодку... а оный подпоручик от той раны умер, через сие Вашему Превосходительству рапортую».

На всех ватагах с нетерпением ждали Заметайлова. Стоустая молва о нем докатилась даже до пределов Башкирии и Сибири. 26 мая генерал-поручик Суворов писал из Уфы, что «близ города какой-то башки-

рец Бахтирейка рассеивал слухи о приходе из-под Гурьева Метелки-Железного лба». Суворов считал Метелку и Заметайлова за одно лицо. Генерал-поручик предписал майору Мансурову послать из Уральска партию конницы и пехоты «занять в Гурьеве пост, действовать на море и кончить сего разбойника, если он там окажется».

В тот же день Суворов приказал командировать из Саратова майора Соловьева с ротою гренадер на судах, двумя эскадронами гусар и двумя ротами пикинеров с вожатыми казаками.

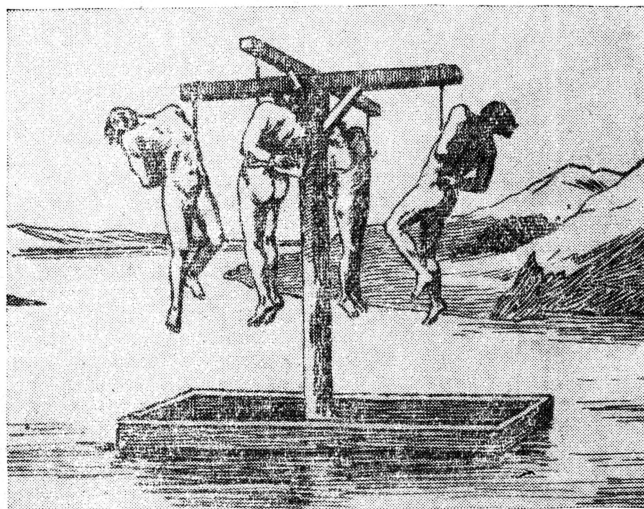
Власти боялись, как бы опять не забушевало пламя крестьянской войны, поэтому старались блокировать очаг опасности в нижней Волге. Майору Соловьеву было строжайше предписано: «без предложений и околичностей, под страхом военного суда и казни, если еще Заметаев не окончен, то где бы он ни был: на Каспийском море, внутри земли, вблизи или отдаленности, оно-го сыскать, схватить или на месту ту ж минуту умертвить».

Однако пока назначенная команда успела собраться, выступить, дойти до Астрахани — времени прошло немало. К тому же два сплавных судна и шесть островских лодок оказались настолько ветхи, что их пришлось дорогой чинить. Из-за частых остановок команда Соловьева пришла к Астраха-

ни 28 июня, когда о Заметайлове и слуха не было. Но в Астрахани, среди народа, появились воззвания атамана. Губернатор приказал сжигать «воровские подметные листы» Заметайлова.

А 1 июля в Астрахани было получено для чтения народу печатное «объявление» графа Панина. В нем говорилось: «...ныне с великим оскорблением услышал я, что между народом в некоторых местах разглашаются и рассеиваются плевелы таковые, якобы какой-то разбойник Заметайлов появился и будет производить новое народное разорение. Я должною моею нахожу... через сие объявить и увещевать, чтобы тому разглашению отнюдь не верить и не пускать народу вводить себя в новое какое-либо заблуждение к новой себе гибели и крайнему разорению, не веря никому об оном разглашении, и запрещая имя Заметайлова и всякого другого подобного тому чудовища к народному устрашению произносить и употреблять или упоминать. Если же кто дерзнет именем злодея Заметайлова или каким другим возвещать новое в народе возмущение, с тем приказано будет поступать со строгостью государственных законов, как было от меня поступлено с возмутителями и сообщниками минувшего народного возмущения».

В Москве приходили в ужас от одной мысли повторения крестьянского восстания, а

Казненные пугачевцы на Волге (со старинной гравюры).

граф Панин, обagrивший руки в народной крови, грозил астраханцам еще более жестокими наказаниями.

Между тем, казачий отряд Заметайлова начал действовать под самой Астраханью. Сенатор Никита Бекетов писал астраханскому губернатору, что «из его сельца Образцова приказчик уведомил об оказавшихся на реках там протекающих партии в двенадцать человек с восьмью пушками».

В ночь с 29 на 30 июля пугачевцы «все без бород, одетые в темное китайское и коноватное платье и сапоги, у многих сабли, ружья и кинжалы, с пушкой на одной лодке, приплыли рекой Черепахой...». Они совершили налет на имение сенатора Бекетова в селе Началово. Это имение находилось в 12 верстах от города.

Бывший астраханский губернатор Н. А. Бекетов грабительно сколачивал себе состояние. В его новом имении, которое получило название Черепаха, земля была заболочена. По указанию губернатора здесь насыпали валы, устроили систему дренажа, и на пустынном месте возникла роскошная дача, утопающая в садах и виноградниках. Бекетов окружил себя изысканным комфортом, имел своих дворовых музыкантов и художников из числа крепостных. В хозяйстве сенатора использовался даровой труд колодников и штрафных людей. Вот их-то и решил освободить Заметайлов.

Зарево охватило полнеба. Пугачевцы подожгли винокурный завод. На широком подворье Бекетова шум и крик. Это освобожденные колодники искали управляющего именем и челядь сенатора. Расправа была короткой.

Работные люди и колодники давно поджидали пугачевцев. Хотя сам Пугачев и не был в низовьях Волги, но молва о нем проникла всюду. Это видно из «Устных преданий черепашенцев», записанных В. Т. Кулагинным в конце XIX века. Черепашинцы рассказывали, что «Пугачев с крестьянами был добрый и милостивый, выпускал крестьян на волю, а господ вешал и настолько был прозорлив, что как бы господин ни наряжался мужиком или бабой, Пугачеву стоило только взглянуть на руку и он сразу узнавал, что это переярженный барин. Пугачева на

Черепахе тоже ожидали, был слух, что Пугачев идет со своим войском на Астрахань, и будет проезжать на судах из Болды рекою Черепахою в Кутум. Управляющий Ахматов приказал себе тайно сделать в саду землянку».

Однако от Заметайлова управляющему скрыться не удалось... А через несколько дней рекой Болдой казаки приблизились почти к самому городу. Когда поравнялись с рыбным плотом, на котором находилась разъездная команда, капрал и солдаты, их окрикнули.

— Мы добрые люди, — отозвались с лодок, — и приехали к ватажной кухне.

Но когда солдаты заметили, что из лодок вышли вооруженные люди «в казачком одеянии», они открыли по ним оружейный огонь. Казаки в долгу не остались и начали палить из ружей и пистолетов. Вскоре с той и с другой стороны оказались раненые. Затем схватка перешла в рукопашную. Казаки «у солдат все ружья выбили, самих их били нещадно и имевшиеся при промысле ловечки и прочие лодки все изрубили и затопили».

На следующий день в канцелярии астраханского губернатора собрались все высшие военные чины. Несколько часов длилось секретное совещание. Наконец, было решено послать на поимку пугачевцев новые разъездные команды. Капитан-лейтенанту Баллею указали поставить на брандвахтах по две пушки. Офицерам было предписано «следовать по разным протекающим из Волги в море протокам и, сообщаясь там со стоящими брандвахтами, чинить поиск и далее в море не леностным, но ревностным образом, чего ради обнять тем разъездным командам все протоки и ерики, чтоб и малейшего простора вора́м быть не могло, разведывая на трактах, на станах и ватагах. Как же скоро где таковые воровские партии уведаны будут, то, тотчас сообщаясь с другими командами, делать нападение и поимку ни мало не допуская злодеев до ухода в море потаенными дорогами».

Напрасно рыскали по глухим ерикам разъездные команды. Пугачевцы словно провалились сквозь землю.

* * *

В жаркий летний полдень более двух десятков всадников остановились на отдых во владениях Теки из Эркетенева рода. Через час несколько прибывших направились к пастухам в степи табун лошадей. Вскоре им удалось обменять у табунных пастухов своих измененных коней на свежих игривых скакунов. Правда, пришлось доплатить за это десять рублей.

А через день разъезд бригадира Пиля узнал об этой сделке неизвестных всадников с пастухами. Начались расспросы: кто возглавлял прибывших?

После небольшого заперательства табунщик Делек Луизганов показал: «... Атаман у них в почтении и ими беспрепятственно повелевает, который ростом не велик собою, лицом рыж с малями рябинками, волосы на голове русые, борода и усы рыжие, на левой руке близ мизинца имеет рану, ему около сорока лет, как же он именем и прозвищем называется не знает, а разбойники зовут его батюшкой... Есаул у них ростом высокого, лицом смугл, волосы на голове черные, борода и усы бритые...»

Получив донесение Пиля, астраханский губернатор Кречетников схватился за голову. По всем приметам выходило, что это Заметайлов был в калмыцкой степи. Значит, он ускользнул из плотного кольца разъездных лодок и брандвахт, сумел вырваться на степной простор. Не одобровать Кречетникову, если Заметайлов замутит вновь русское государство. Спешно собравшись, губернатор поехал в столицу, оправдываться перед государыней.

А 4 августа царицынский комендант Цыплетаев прислал в Астрахань срочную депешу: «Заметайлов с его сообщниками в Кумшацкой станице пойман атаманом Климом Нагибиным и его донскими казаками».

* * *

Судьба атамана Заметайлова сложилась трагично. Видя, что поднять восстание в Астраханском крае едва ли возможно, он решил перебраться на Дон. Бросив лодки, распродав часть имущества, казаки закупили лошадей у калмыков и тронулись к вольному Дону. Однако в Кумшацкой

станции домовитые казаки по наущению атамана Нагибина схватили прибывших из Астрахани пугачевцев, заковали в цепи и отправили в Черкасск к войсковому атаману Сарычеву. Оттуда их переслали в Царицын. О поимке «опасного преступника» тотчас же было дано знать астраханскому губернатору Кречетникову, находившемуся в столице. Губернатор не замедлил донести о таком важном событии в Сенат, где давно с тревогой следили за действиями Заметайлова.

Предписание сената было таково: «...как уже они, воры, в злодеяниях своих обличены, решение учинить по указу 1754 года в тех самых местах, где ими злодеяния чинены были и, наконец, послать в тяжелую работу в Нерчинск вечно».

Губернатор Кречетников распорядился «наказание кнутом учинить им повсеместно, сначала в Саратове, затем в Царицыне, а потом, заковав в крепкие кандалы, доставить в Астрахань и там на всех тех местах, в коих от них разбойничество происходило, бить жестоко кнутом».

После наказания в Царицыне умерло от побоев несколько казаков.

3 ноября, под наблюдением секунд-майора штабной роты Керова должна была совершиться казнь над пугачевцами в Астрахани.

В тот день с утра толпился народ в кремле у лобного мес-

та. Послышался грохот барабанов. От Причастных ворот закрипели повозки со связанными казаками, заблестели на солнце штыки конвоя. В это время палач установил на лобном месте «кобылу» — высокую скамью, обитую кожей. Секунд-майор взошел на эшафот и стал читать приговор. Конвой вскинул ружья на караул.

С Заметайлова сорвали рубаху и уложили на «кобылу», затянув ремнями руки и ноги. Барабаны забили частую дробь. Толпа замерла.

Палач засучил рукава и, взяв кнут левой рукой, высоко поднял его над головой. Потом, зайдя со спины осужденного, остановился и с нарочитой медлительностью стал отводить левую руку назад. Ловко перехватив кнут за спиной правой рукой, взметнул его вверх, устрояя народ. Затем отступил шага два назад и, разбежавшись, зычно крикнул: «Держись!».

Хвосты кнута черными змеями взметнулись вверх, злобно свистнули в воздухе, и падая на спину казнимого, как бы сами собой соединились, образовав толстый кожаный жгут. Даже со стороны было видно, что удар этот свиреп и безжалостен.

Но Заметайлов не вскрикнул. Лишь после двадцатого удара побелевшее лицо атамана бессильно упало на плечо...

В тот же день, на больших лодках под конвоем тридцати солдат, казаков повезли для наказания по ватагам. Снача-

ла была совершена экзекуция на Уваринском учуге, потом на рыболовном стане в Седлестове, где умер под кнутом казак Шапошников. Затем казаков секли на ватагах: Травинской — сенатора Бекетова, Блиновской — купца Шаранина, Белужинской — купца Дьяконова. На последней не выдержал тяжелого наказания сам атаман и умер, не проронив ни слова. С ним вместе испустили последний вздох казаки Чернышев и Баженов. Крепче всех оказались Мухин, Швецов, Григорьев, Обвертин. Они вынесли еще одно наказание под Красным Яром, но дальше следовать уже не могли. На ватаге купца Займинцева ночью все «без остатка померли».

Умерших погребли на небольшом бугре. Только Заметайлова, по указу губернатора, должны были возить по ватагам, где он освобождал колодников, и мертвого сечь кнутом. И долго еще его труп возили по взморью, стараясь нечеловеческой расправой вселить страх перед властями...

...Вот что рассказали мне архивные документы об одном из сподвижников Пугачева и продолжателя его дела. Но, разумеется, мне удалось проследить далеко не все подробности жизни и борьбы атамана.

А. МАРКОВ

ПЧЕЛЫ И ЛЮДИ

Журналист из города Макушино (Курганская область) Михаил Керченко, по образованию агроном и пчеловод, много лет собирает интересные и поучительные истории из жизни пчел. В его коллекции сотни таких заметок, найденных в старых книгах и журналах, рассказов, записанных от бывалых пчеловодов, случаев, которым он сам был свидетелем. Мы решили познакомить читателей с некоторыми материалами из этого собрания.

Кто сильнее?

Английский генерал лорд Робертс в начале XX века находился со своим войском в Индии.

Однажды, позавтракав, генерал отправился осматривать укрепления, как вдруг услышал страшный шум за валом.

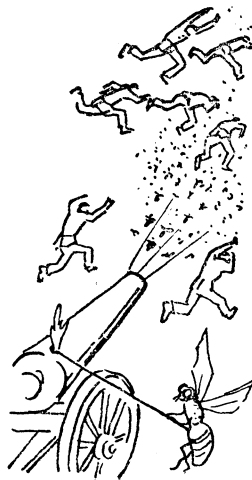
— Что там происходит? — спросил Робертс у адъютанта.

— Паника, сэр, на нас напал враг, — доложили ему.

— Почему молчат пушки? — возмутился генерал и поспешно поднялся на ближайшую башню, откуда можно было обозревать окрестности. В бинокль Робертс увидел свое войско, в ужасе бегущее в разные стороны. Но странное дело: не слышно выстрелов, не видно врага.

Генерал недоумевал: в чем дело? Но только спустившись вниз, он выяснил причину столь неожиданной паники. Оказалось, что один офицер нашел на дереве пчелиное гнездо и ткнул в него штыком. Раздраженные пчелы погнались за офицером, потом напали на солдат.

— А я думал, что сильнее моих воинов здесь никого нет! — воскликнул генерал.

Крылатые привидения

В одной из старых французских газет рассказывалось о страшной истории с привидениями. С некоторых пор в Нью-Йорке, в доме некоего биржевого маклера, все слышались какие-то таинственные шорохи и жужжание. Звуки усиливались всегда в одно и то же время, а затем опять смолкали. Маклер не был суеверным человеком и ни в какие привидения не верил. Он тщательно осмотрел весь дом сверху донизу, но причину странного явления ему открыть не удалось. Тогда хозяин вооружился револьвером и просидел всю ночь в той комнате, где раздавались таинственные звуки. Однако привидение не появилось.

Раз вечером маклер пригласил к себе гостей. В тот момент, когда все усаживались за стол, таинственные шорохи возобновились. Снова началось обследование всего дома, но снова ничего не было найдено. Хозяин пригласил полицию, она обшарила и простукала весь дом и также ничего не обнаружила. Полицейские уже уходили, когда заметили возле дома пчелиный рой, который мгновенно куда-то исчез.

Это объяснило все. Когда плотники подняли полы в нескольких комнатах, то нашли там еще несколько роев. Они скопили огромное количество меда. Оказывается, пчелы нашли незаметный вход под пол с внешней стороны дома и жили там.

Бабий бунт

Шел 1911 год. Шадринский уезд Пермской губернии (ныне Курганской области) был охвачен засухой. Трава на лугах и пастбищах почти не росла, выгорел хлеб на полях. Люди со страхом ожидали голод.

Тяжело отразилась засуха на пчеловодстве. На полях не было взятка, поэтому пчелы больше всего посещали огороды, собирая пыльцу с цветущих подсолнечника, огурцов. Но еще тяжелее для пчел оказалось невежество людей, их суеверие. Женщины, увидев на огуречных цветках «медоносных мух», вообразили, что они высасывают соки, кто-то пустил слух, что растения якобы сначала вянут, а затем и совсем погибают. Слух стал быстро распространяться от села к селу. Бабы взбунтовались.

Пчеловодство на Урале в те годы было еще

слабо развито. В селе Затеченском Далматовской волости была всего лишь одна пасека — у пчеловода Коновалова. Услыхав, что пчелы губят огурцы, бабы прибежали к его дому. Крича и ругаясь, они повели пчеловода к старосте и потребовали, чтобы Коновалов убрал из села своих пчел или совсем их уничтожил. Если он этого не сделает, то улья будут сожжены.

От слов они перешли к делу. Ночью был разбит один из восьми ульев, стоявших в огороде. Тогда пчеловод увез оставшиеся ульи из села версты за четыре и спрятал их в кустарнике. Но пчелы по-прежнему прилетали на огороды. Чем кончился «бабий бунт», старая газета, из которой я вычитал эту историю, не сообщала.

Исцеление

До революции в России было много бродяг, а среди них немало и плутов, готовых поживиться за чужой счет. Вымогая подаяния, они шантажировали людей, притворялись больными.

Как-то на одном крестьянском дворе откачивали мед. В это время около плетня появился нищий-калека, опирающийся на деревянные костыли. Он медленно, с частыми передышками,

пробиравшись к дому, расположенному на возвышенности. Неожиданно на него налетели пчелы, закружились над кудлатой нечесаной головой, запутались в всклокоченной бороде нищего. Калека отбивался от них как мог, размахивая руками, ругаясь на чем свет стоит. Вдруг он со злобой бросил костыли в сторону, легко перемахнул через прясло и с завидной прытью побежал в поле. Спустя несколько часов «чудом» исцеленный от хромоты бродяга вышел из кустов, нашел свои костыли и заковылял дальше, хромая сильнее прежнего. Как видно, жаль было расставаться с костылями — кормили они его.

Крестьяне спросили «исцеленного», почему

он снова захромал? Тот ответил: «Бог на время исцелил меня, чтобы спастись от пчел», — и поплелся дальше, с опаской поглядывая в сторону пасеки. Но тут кто-то крикнул в шутку:

— Пчелы! Спасайтесь!

Бродяга подхватил костыли в охапку и с такой скоростью пустился бежать, что его не смогли догнать и быстроногие ребяташки.

Тяжба

Во многих крупных городах, где имеются большие парки и на улицах растут каштаны, вязы, клены, акации, пчелы собирают меда не меньше, чем в деревне. Но вот лет сто назад известный пчеловод Д. Рут разместил свою пасеку на плоской крыше одного дома в Нью-Йорке. Парка поблизости не было, зато напротив находилась кондитерская фабрика некоего Лофта.

Пчелы быстро разведали, что в кондитерской есть чем полакомиться, и стали тысячами проникать в помещение.

Рут потирал руки и посмеивался, подсчитывая доходы от грабежа фабрики с помощью пчел. Но торжествовал он недолго.

Владелец кондитерской Лофт подал на хитрого пчеловода в суд. Суд приговорил пчеловода к выселению. Но Рут не сдавался, он опротестовал приговор и выиграл дело. Тогда разъяренный Лофт предъявил встречный иск: потребовал, чтобы Рут уплатил ему определенную долю дохода от меда, полученного от продуктов, похищенных пчелами на фабрике. Суд удовлетворил иск, и теперь уже владелец кондитерской фабрики от удовольствия потирал руки.

Михаил КЕРЧЕНКО

Рисунки В. Яковлева.

ОПАЛИХА, ЛЫЧАГА И ДРУГИЕ

За последнее время я получил немало читательских писем с просьбой разъяснить происхождение некоторых слов, диалектных и литературных.

Так, читатель А. П. Зорихин из города Нижняя Салда интересуется, как появились такие слова: **опалиха**, **опалишка**, **лычага**, **супонь**, **хомутать**, **хомут**.

Опалиха — мифическое существо, обитающее в садах и огородах, которым пугают маленьких детей: «Не ходи в огород — Опалиха сожрет». Это у нас на Урале. А в некоторых местностях Севера, например, на Пинеге или Северной Двине, можно услышать другое название этого «существа» — **Полудница**. Она якобы убивает человека в открытом поле, не оставляя никаких следов. Вера в Опалиху и Полудницу восходит к древним, языческим временам, когда нашим предкам весь мир казался населенным духами и божествами, по воле которых происходит все — и рождение, и жизнь, и смерть человека. Особенно потрясала людей внезапная, кажущаяся беспричинной гибель. Лето на Севере хоть короткое, но выпадают и палящие, знойные дни. Тяжело в эти дни непривычному к жаре северянину. Человека, особенно утомленного, голодного или со слабым сердцем, подстерегает на солнцепеке опасность теплового удара, шока, останавливающего сердце. Охваченные суеверным страхом, люди говорили, что в таких случаях человека убивает грозная Полудница или Опалиха. Интересно, что Опалиха или Полудница «действовала» только в открытом поле, огороде, саду.

Опалишка — кусок кислого теста, расшлепанный на круглой сковородке и поджаренный

на углях в печи без всякой начинки. «Мама испеки опалишку», — просят обычно дети. Это слово, как и опалиха, восходит к глаголу опалить. **Лычага** — веревка, свитая из очищенной коры липы. Она употребляется для подвозки копен сена к стогу; слово происходит от **лыко**. **Супонь** — сыромятный ремень, стягивающий половинки хомута, когда запрягают коня в сани или в телегу. Это слово состоит из приставки **су**, означающей **совместность**: сравним диалектное **су-сед** — сосед, тот кто сидит вместе; общерусское **су-тки** — то, что соткнуто вместе, стык дня и ночи. Корень **пон** имеет значение **соединять**, **стягивать**, **связывать**. Сравним слова того же корня: **запонка** — то, что соединяет края обшлагов; **перепонка** — перегородка, тонкая кожица, **запон** — фартук, передник. Итак, **супонь** буквально соединяющая вместе, связывающая. Есть и глаголы — **засупонить** — завязать супонь, **рассупонить** — развязать ее.

Иногда о человеке, надевшем на себя много одежды или туго подпоясанном ремнем, говорят, «Ишь, засупонился! Да рассупонься ты», — сними с себя лишнюю, мешающую одежду или ремень.

И, наконец, откуда взялось слово **хомут**. Оно древнее, общеславянского происхождения, восходящее в корню **хом** — сдавливать, сжимать. Хомут закрепляется на шее лошади, чтобы поддерживать оглобли, и иной раз у неумелого возчика сжимал шею коня довольно сильно. Если же хомут сидит слабо, лошадь может натереть шею. Поэтому настоящий возница закрепляет хомут «в самый раз». Надеть хомут значит **захомутать**. Это слово употребляется в смысле закабалить: «Не заметил, как

меня захомутали. Вот и робил, где не думал».

Читатель Ф. П. Медведев из города Камышлова интересуется происхождением слов: **аркаться**, **шумаркаться**, **дивья**, **кемарить**, **кулага**, **перевница**, **прясло**, **заворы**, **сапаться**, **шарага**, **кумекать**, **нагореть**, **мараковать**, **корнать**. Остановимся на наиболее интересных из них.

Аркаться — ссориться, браниться; **аркать** — громко разговаривать, кричать. Это явно звукоподражательные слова. С каким-либо корнем иноязычного происхождения и русского языка, его связать трудно. **Шумаркаться** — тоже ругаться, ссориться. Автор письма правильно связывает глаголы шуметь и аркаться в одно составное слово.

Дивья — хорошо, легко: «Дивья, говорят, ей жить-то». Это слово древнерусское по происхождению. В одном памятнике XIII века сказано: «Дивья за буяном (за горой) кони поставити, а за добрым князем воевати». Очевидно, это слово — родительный падеж от **дивье** — собирательная форма от **диво** — чудо. Оно входило в сочетание «много ли дивья», то есть удивительно ли, а затем стало употребляться самостоятельно и постепенно превратилось в наречие: много ли дивья — дивья ли — дивья ли — хорошо, легко. Является ли слово уральским, диалектным? Нет, оно употребляется также в разговоре жителей северных областей страны.

Кемарить — дремать — слово не диалектное, а жаргонное. Оно пришло на Урал из центральных областей России, где употреблялось в речи бродячих торговцев-разносчиков, так называемых офеней. Особенности их речи только в последние годы начали основа-

тельно изучаться, и многие слова до сих пор остаются загадкой. Загадочно и слово кемарить.

Кулага — кисель или варенное и распаренное тесто. Даль в «Толковом словаре» пишет: «замешивают в корчаге на кипятке поровну ржаной муки и солоду, до густоты квасной гущи, упаривают на вольном духу и ставят на холод; это лакомое постное блюдо». Есть это слово и в украинском языке. Как предполагают ученые, оно заимствовано из какого-то древнего языка, родственного татарскому, но из какого именно — неизвестно.

Перевица, прясло, заворы — это детали изгороди. Ставятся два кола, перевязываются черемуховыми прутиками (**вицами**, от глагола **вить**) и получается перевица. На перевицы укладываются жерди, и опять сверху жердей колья связываются перевицами. **Вица** — древнее слово, восходящее к тому времени, когда у всех славян был общий язык. Оно до сих пор есть в славянских языках: в болгарском — **вица**, в польском — **вичь**, в словенском — **витва**, в сербском — **витка** и обозначает прут, ветка, розга.

Прасло — звено изгороди между двумя кольями. В украинском оно значит то же, что в русском; соответствующие ему слова — в старославянском — **пренсло**, в чешском — **пшасло**, в польском — **пшенсло**. Это просто звено, часть. В древнерусском прясло имело много значений: звено, ступень, стелень, достоинство, чин, сан; было и «звено изгороди». Такое значение дожило до наших дней.

Ну, а **заворы** — проход в огороде: ставятся четыре кола парами и на них укладываются короткие жерди — **заворины**. Заворы можно легко разобрать, чтобы проехать в огород. В польском языке тоже **завора**, в чешском и словацком **завора**, но означают запор, засов, задвижка для запирания дверей, ворот. Таким образом, перевица, прясло, завора — свидетели давно прошедших времен. Они употреблялись нашими предками еще пятнадцать веков назад. Если считать расстояние во времени от одного поколения до другого в четверть века, то окажется, что эти слова глядят на нас из глубины шестидесяти поколений. Их употреблял в речи прадед, и прапрадед нашего современника, и еще пятьдесят с лишним раз пра... дед.

Шарага — нечто неуклюжее, растопыренное; в словаре Даля шарага — кривляка, ломака (объяснено как слово тобольское). Есть от него и производные — **шаражиться** — ломаться, кривляться, а так же буянить, бедокурить: «Вчера пьяный тут шаражился». Есть и насмешливое выражение **шаражка контора** — о каком-либо несолидном, не внушающем доверия учреждении. Трудно сказать, к какому корню относится весь этот куст слов. Может быть, он связан как-то с глаголом шарахаться?

Кумекать — понимать что-либо в каком-либо деле, смыслить: «Он в етом деле ничего не кумекает»; «Грамоте нисколь не кумекает»; «Мой дедушка в печном деле хорошо кумекал». Это слово принадлежит к тому же гнезду, что и **смекаль, смекалка, намекаль** —

от корня мек. Но откуда взялось **ку?** Это древняя, очень редкая приставка в русском языке. Она встречается, например, в диалектном уральском слове **кумесить** — перемешивать, приводить в беспорядок: «Ты мне все нитки искумесила; не кумеси!» В северных говорах есть также **кунежиться** — нежиться.

Близкий по значению к кумекать глагол **мараковать**, собственно должен звучать **мороковать**, от **морок** — тьма. «Да много ли я маракую (моркую)?» Здесь слышится ироническое отношение к своим умственным способностям. Часто к этому прибегают для хитрости — с дурака, мол, меньше спросу.

Читательница Н. И. Харитонova из Кустанайской области спрашивает о диалекте некоего уральского села Шамака или Шамага, жители которого, по ее мнению, резко отличаются речью от жителей окружающих деревень. Так, они растягивают конец фразы: «Шамага пешком не ходют, все на конях ездюют...». К сожалению, Н. И. Харитонova не указала, в какой из областей Урала расположено это село. Могу лишь отметить, что формы **ходют, ездюют** вместо **ходят, ездят** свойственны южно-великорусским говорам. Кроме того, автор письма указывает на такую примету: музыкальное сопровождение не совпадает с песней. Может быть, кто-нибудь из читателей поможет нам выяснить, что это за село?

В. ЖИТНИКОВ

Где-то там, за горами, осталось море с разноцветными ракушками и капустой, и баржа, пахнущая рыбой и дегтем...

БАБОШКА

БАБОШКА высокий, лохматый, бурый, косолапый. Лапы когтистые с подушками. С виду он строгий, как настоящий зверь, а на самом деле добряк, даже урчать не умеет. Ну какой же это медведь!

Живет Бабошка на прииске Алискерова, на Чукотке. При встрече протянет тебе лапу, покачает головой из стороны в сторону. Это обозначает, что Бабошка просит проводить его в лес. Он покажет, как надо лазать по деревьям. Бабошка делает это быстро и ловко. Цепляется когтями за сучья и идет по стволу дерева, будто по тротуару.

Если захочешь, то он достанет тебе с дерева любую шишку, только попроси. Найдет самую

нежную вкусную веточку ольховника, от речки принесет зеленые стебли травы. Бабошка все знает, знает, как растет лиственница, о чем говорят ночью филины, куда бегут муравьи. Хорошее место тайга, но Бабошке в ней грустно. Алискеровские горняки говорят, что он скучает о море. Ведь в душе Бабошка — моряк. А в тайгу, на прииск, он попал случайно. Бабошка уже и не помнит тех дней, не хочет ворошить старое, зачем? А про то, как он был моряком, Бабошка никогда не забудет.

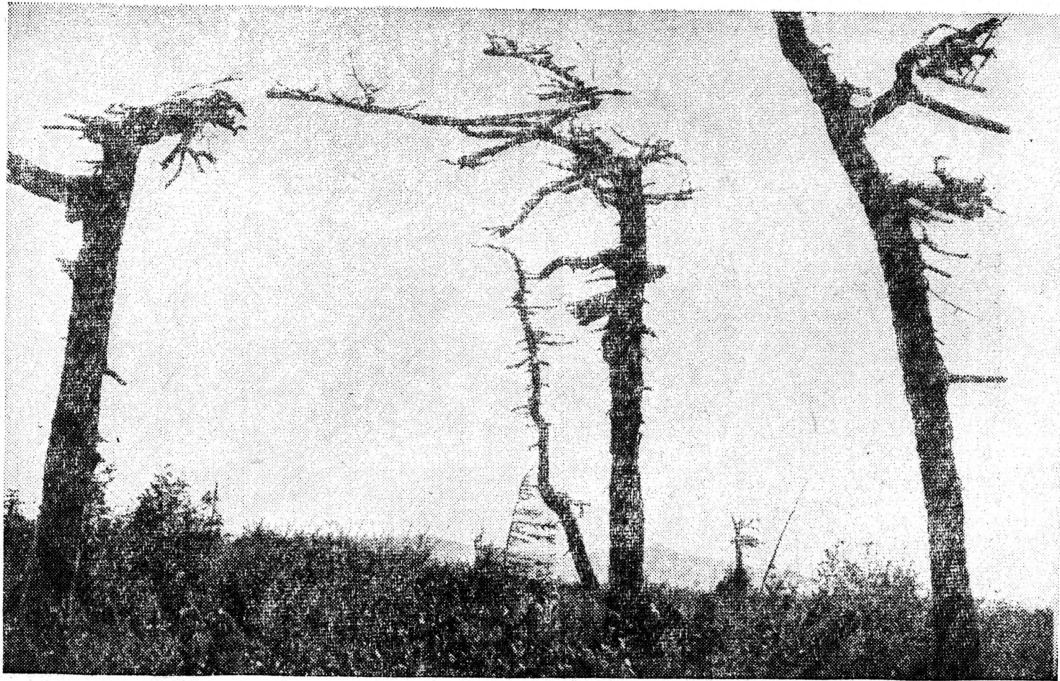
Тогда он был маленьким медвежонок и каждый день приходил на берег моря. Слушал, как здесь разговаривают между собой волны, чайки, переворачивал на скользких камнях морскую капусту. Находил разноцветные ракушки, лизал их, ну, а если попадался страшный краб, то малыш удирал от него. Крабы больно щипались...

Однажды к берегу подошла большая баржа. С железной палубой, с мачтой и рулевой рубкой. От баржи пахло рыбой и дегтем. Бабошка не стал долго раздумывать, ухватился лапами за трап баржи и в одно мгновение оказался на палубе. Медвежонок хотел спрятаться, но к нему не спеша подошел человек в высоких сапогах. Человек улыбался. Бабошка робко протянул человеку лапу и покивал головой, объясняя, что хочет плавать по морю. Лишь позднее косолапый медвежонок уз-

нал, что человека зовут Николаем и что он шкипер.

С этого дня медвежонок стал моряком Бабошкой. Шкипер выдал ему тельняшку и назначил боцманом баржи. Тельняшка «боцману» была к лицу, он в ней ходил на полосатый бочонок. Правда, тельняшка иногда на передних лапах путалась, когти застревали в рукавах. Но это были мелочи.

Бабошка плавал по всем северным морям. Он чистил палубу, взбирался на мачту и наблюдал, как возле баржи проплывали тюлени, моржи, киты, пролетали косяки уток, кружились над ними черные бакланы. «Боцман» точно научился определять ветер и первым угадывал приближение

Здесь и живет Бабошка.

шторма. В этих случаях он сразу же выбирал для себя лучший спасательный круг, так, на всякий случай. Всем этим морским премудростям его научил шкипер.

Потом случилось неправимое. Однажды Бабошка гулял в морском порту, отмахивался от надоедливых комаров и увидел автобус. «Давай, косолапый, к нам», — позвали Бабошку. А когда он взобрался на сиденье, его спросили: «Поедешь с нами золото добывать?» И Бабошка согласился, закивал головой: почему бы и не поехать?

Так Бабошка и оказался на чукотском прииске Алискерова, изменил тельняшке и шкиперу Николаю. Карьера боцмана кончилась. Бабошка потом здорово горевал, но слезами горю не поможешь, и он стал горняком.

Бригада шахтеров взяла пришельца на свое

— Пойдем, погуляем, — просит Бабошка.

Вместе с горняками Бабошка ездит на автобусе к шахте, спускается в забой, ходит по штрекам.

котловое довольствие. Пусть Бабошка не умеет держать в лапах перфораторный молоток, управлять скреперной лебедкой, но бездельником он не был. Он умел веселить бригаду: спляшет, как сможет, на задних лапах походит, кому-нибудь «пошепчет» на ухо или просто ударит лапой по грязным сапогам и заставит человека смеяться. С каждым он меряется силой, борется по всем правилам.

Вместе с горняками он ездит на автобусе к шахте, спускается в забой, ходит по штрекам и всякий раз с нетерпением ждет, когда наступит обед. Даже зимой его кормят молоком, сахаром. Бабошка не подозревает, что тридцать пять шахтеров все молочные талоны отдают на обед бывшему боцману.

Шли дни, и забот у Бабошки прибавилось. Мало того, что приходится бывать на шахте, кататься на автобусе, надо еще заглядывать в детский сад. Сколько там бывает веселья, визга, когда появляется Бабошка. Каждому малышу хочется потрогать медвежонка.

Бывает Бабошка в столовой, заглядывает в магазин. Но больше всего ему нравится гулять с собакой Кляксой. Он, конечно, считал себя старшим и собаку в сбиду не давал.

Клякса выросла. И теперь у нее появились

маленькие щенята, она стала реже играть с Бабошкой, но он приходит к ней все равно. Шахтеры это не очень одобряют и выговаривают медведю, что хватит играть с крохотной собачонкой: «Посмотри на себя — экая дубина вымахал. Давно уже жених, а на уме все еще игра».

Бабошка не обижается на друзей. Просит лишь об одном — дайте работу по силе, все готов перевернуть.

— Работы такой нет, Бабошка, — отвечают горняки, — техника теперь в шахте и на полигонах. Может, в лес хочешь, на свободу, в тайгу, так мы тебя проводим.

— Нет, — мотает головой Бабошка, — не хочу в лес. С кем останется Клякса, ребятишки в поселке? Куда шахтеры будут девать свое молоко?

В тайгу Бабошка, действительно, не хочет. Там холодно и голодно. Но главное не в этом. Бабошка не может забыть прошлых дней, баржу, тельняшку, шкипера Николая. Он скучает о море, его тянет к далеким скалистым берегам. И лишь появится возможность, он удерет на баржу, которая пахнет рыбой и дегтем, и натянет на себя тельняшку. Он снова будет боцманом.

Б. КОРОБЕЙНИКОВ

Фото автора

КАК СПЛЕСТИ ЛАПТИ

В 1937 году учащиеся средней школы города Юрюзани Челябинской области совершили туристский поход на гору Яман-Тау. В своем дневнике ребята записали: «Путешествие было удачным, но нелегким. Особенно подъем на гору. Много впечатлений. Никто не отстал, не заболел. Лапти только на обратном пути не выдержали, сносились. Зато как в них было легко и удобно. Но если кто-нибудь пойдет по нашему маршруту, не забудьте захватить вторую пару лаптей».

Не подумайте, что мы при современной совершенной обуви — кедах, сапогах и прочем — ратуем за лапти. Отнюдь нет, мы просто считаем, что это действительно удобная, во многих случаях незаменимая обувь. А если лапти вам потребуются для самодеятельного спектакля, где в наше время вы их достанете? Поэтому и предлагаем вам научиться самим плести лапти.

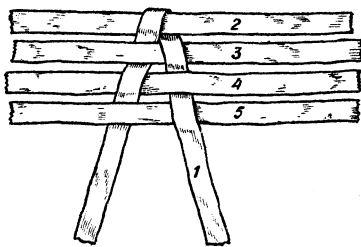
Весной, в мае, с липы дерут кору. Ее расправляют и раздирают на длинные и узкие полосы-лыки. Их сушат. Получается «кислое» лыко, из которого лапти носят дольше. Рабочий инструмент — колодка и специальный выгнутый крючок — кочедык.

Лапоть начинают плести с пятки. Для этого берется пять длинных лык. Одно из них складывается пополам, и в место сгиба вкладывается второе лыко. У нас получается четыре конца. Берем третье и вкладываем его в согнутое лыко параллельно второму, пе-

реплетая их друг с другом, потом четвертое и пятое, как на рисунке.

Правый конец второго лыка сгибаем под углом вниз и сеточкой пропускаем его через 3, 4, 5 полоски. То же делаем и с левым концом второго лыка, а потом попеременно с обоими концами третьего, четвертого и пятого лык.

У нас образуется пятка (фото 1). Когда она будет готова, то ее меряют на колодку (фото 2).

Дальше беремся за подошву. Ее плетут сеточкой, переплетая все десять концов лык между собой. Концы крайних левых и правых полосок все время пропускаются через другие концы во внутрь. Причем делается это поочередно — раз слева, другой раз справа. С каждой стороны у нас останется то четыре, то шесть концов лык.

Вновь берем колодку и измеряем длину подошвы. Если она хороша, то приступаем к

плетению «головы». Она плетется так же, как и пятка — третий конец лыка с одного края пропускается под четвертый, затем и через остальные концы. С другой стороны берется так же третий конец с края и пропускается под четвертый, а затем и через остальные. Для удобства плетения головы лапоть переворачивается подошвой вверх.

Когда «голова» готова, то берем новое, шестое лыко, перегибаем пополам, а затем прикладываем его к краю сплетенной «головы». Оставшимися от плетения «головы» концами огибаем шестое лыко, заделываем их в «голову». Вот здесь-то и нужен кочедык. С его помощью раздвигают плетения и пропускают туда концы.

То же повторяется и с пятой. Она так же прикрепляется к шестому лыку. И у нас остаются полыми лишь бока (фото 3). Их заделываем другими новыми лыками и переплетаем с уже готовой конструкцией лаптя при помощи кочедыка. Потом заделываем в лапоть все оставшиеся концы (фото 4, 5, 6). А через подошву пропускаем вдоль еще несколько коротких полосок. Так лапоть будет носиться дольше.

При плетении лаптей надо проявить смекалку и находчивость. Известно, что мастера различных областей страны имеют свой метод, но главное — научиться сплести пятку и «голову» и «связать» их вместе.

В. ИГНАТОВ

См. 3 стр. обложки.

В нашем журнале

ЧИТАЙТЕ

Р

азведка боем...

Поздним вечером из нас, добровольцев, формируют отделения, взводы, роты и выводят на позицию. Окопы для нас отрыты: нам можно хорошенько выспаться и отдохнуть.

На рассвете начинается артиллерийская подготовка. Через полчаса поднимаемся в атаку и мы. Нас поддерживают десятка полтора танков. Растерявшиеся было гитлеровцы спохватываются и открывают такой огонь, что, не пробежав и ста метров по ничейной полосе, мы залегает, пытаемся слиться с землей, вздрагивающей от разрывов снарядов и мин.

— Вперед! За Родину! Ур-ра!..

Мы встаем, пробегаем несколько метров, падаем и встаем снова.

В тот момент, когда мы спрыгиваем в первую немецкую траншею и в упор расстреливаем все еще сопротивляющихся фрицев, я чувствую, как что-то горячее бьет меня по спине, между лопатками. Выворачиваю руку — на ладони кровь. Боли нет, только почему-то начинает кружиться голова и немеет левая рука. И откуда-то появляется туман. Он гущается и становится чернее ночи...

В 1971 году в журнале будет опубликована повесть Олега Павловского «Нам было семнадцать». Сам участник Великой Отечественной войны, Олег Павловский выразительно, правдиво рассказывает о запасном учебном полку, о первых боях, в которых мужали и крепи семнадцатилетние солдаты, защитники Родины.

М

речная бетонная стена замыкает территорию, на которой расположилась небольшая, но блестяще оборудованная лаборатория профессора Кроза. Что там, за этой стеной? Русский ученый Ильин, попавший в лабораторию по приглашению Тропического института, может пока только строить догадки о том необычайном, что от него скрывают. И все-таки ему удастся проникнуть в тайну. «За стеной, на расстоянии не более тридцати метров от него, двигалось существо, настолько неправдоподобное, что Ильин почувствовал, как весь холодеет. То, что неуклюжим, но быстрым шагом шло за стеной, никоим образом не было человеком...»

Научно-фантастический роман Б. Турова «Остров гориллоидов», впервые напечатанный еще в 1929 году, на страницах «Всемирного следопыта», не утратил своей актуальности и в наши дни. Этот роман мы предполагаем опубликовать в первом полугодии 1971 года.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова

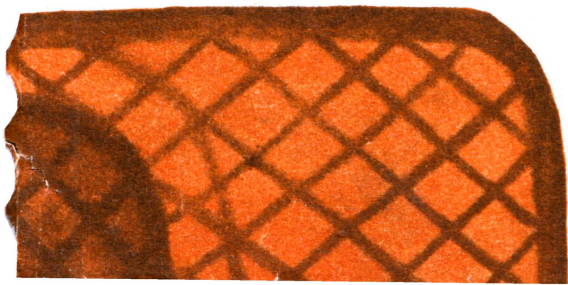
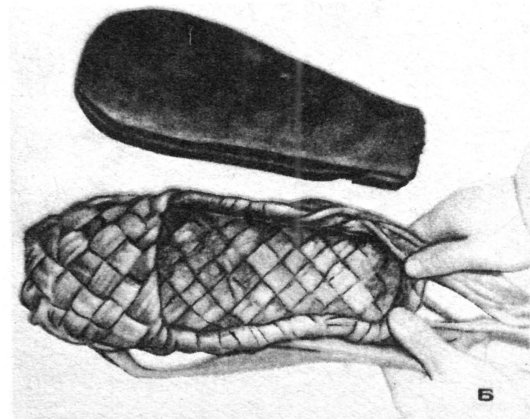
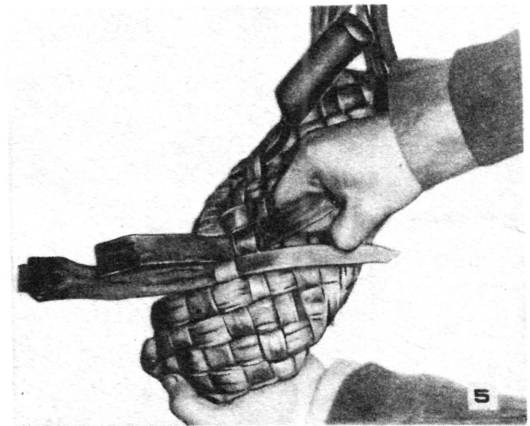
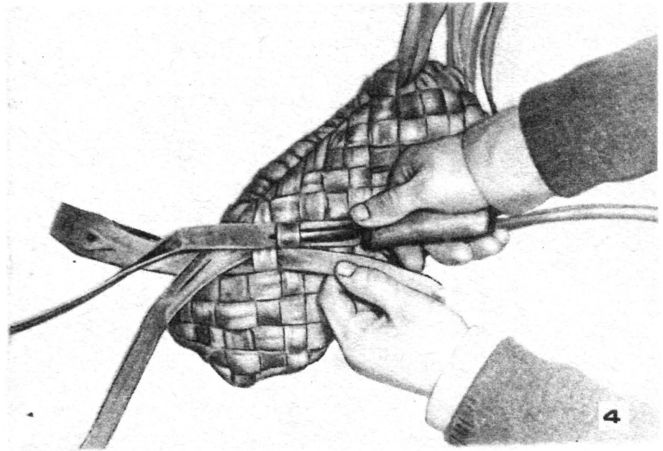
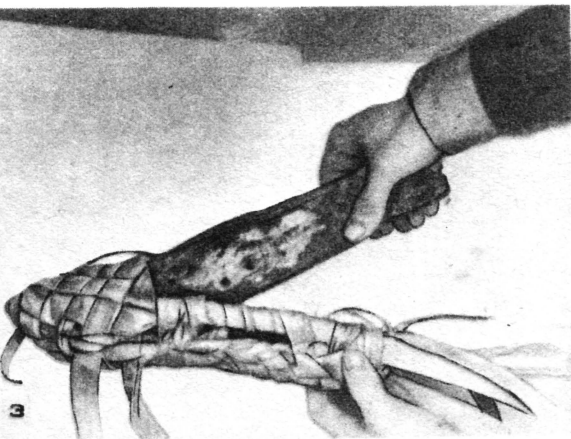
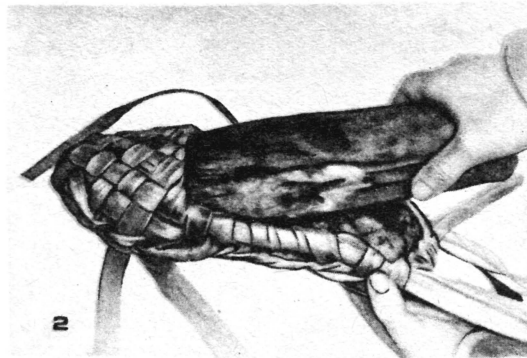
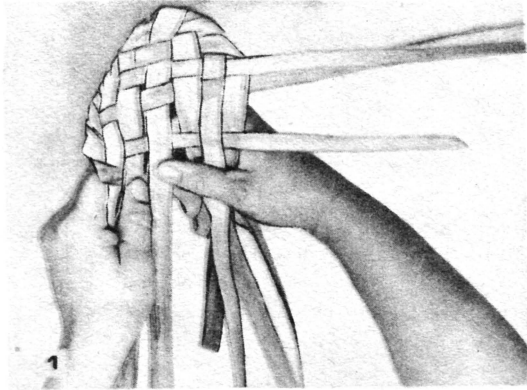
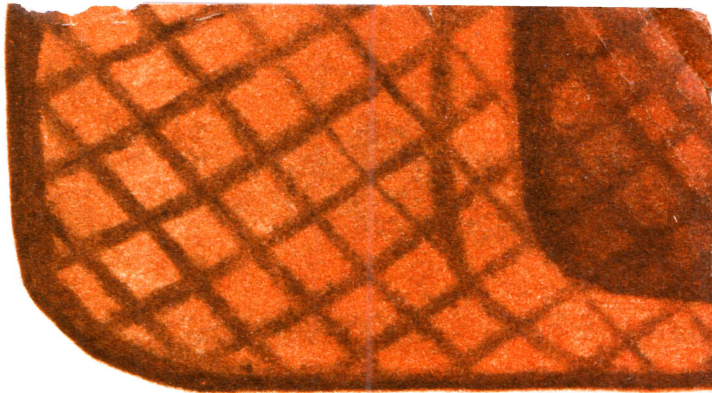
Корректор В. Бурангулова

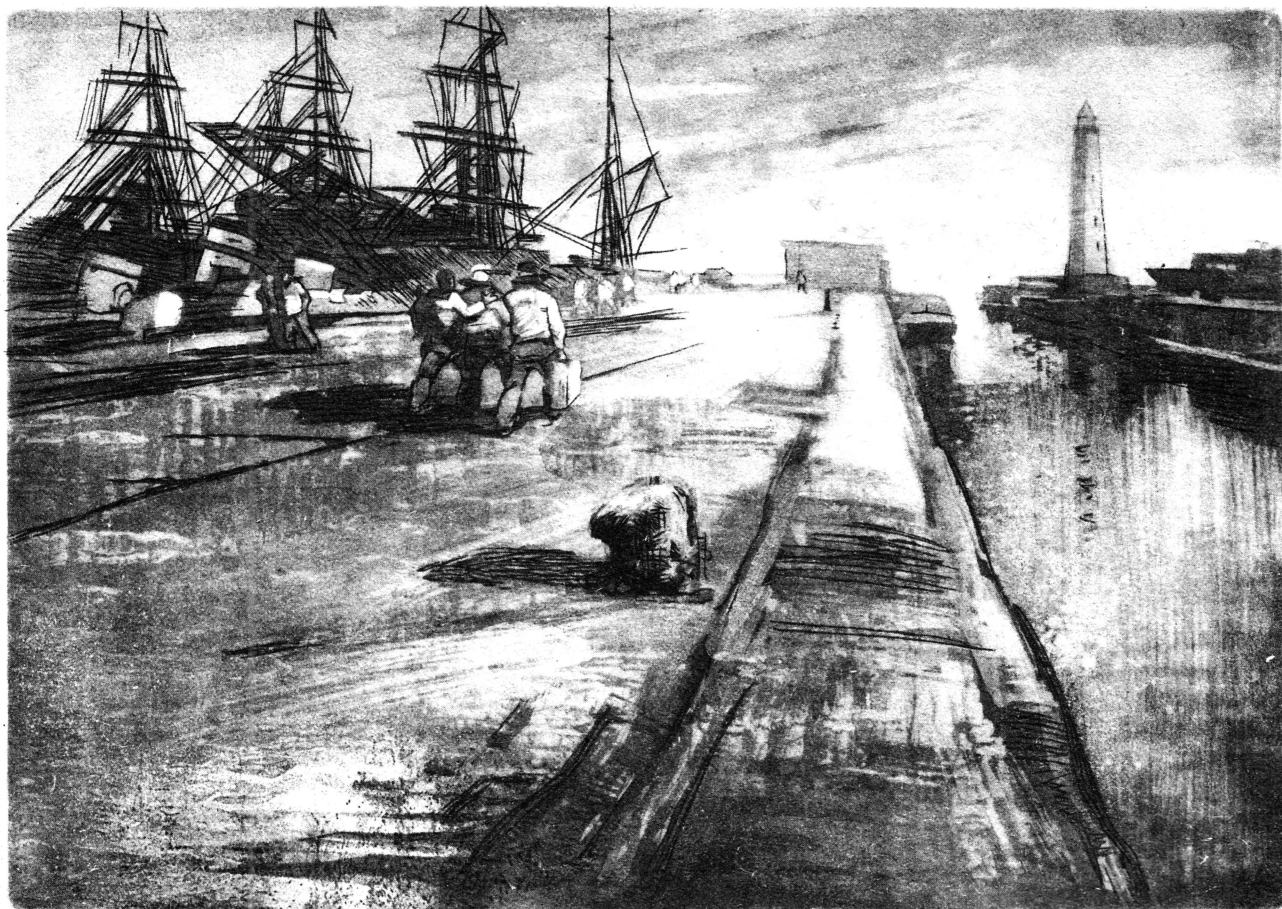
Адрес редакции: Свердловск ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40
Подписано к печати 19/VIII 1970 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. — 8,52 печ. л. Уч-изд. л. 9,54.
НС 16303. Тираж 145 000. Цена 30 коп. Заказ 404.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Левина, 49. Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

„Как сплести лапти“

Читайте стр. 79

В. СТАРОВ

ИЗ ОТПУСКА

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редакция: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ